

154
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

154

РАННИЕ КОЧЕВНИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

1978г.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

154

РАННИЕ КОЧЕВНИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1978

П-86 1792155
154 Ин-т археол
логии. М.
Краткие сообще
ния. 1978 1-60

538/311

1792155

Редакционная коллегия:

О. С. Гадзяцкая (ответственный секретарь),
 Н. И. Гурина, И. Т. Круликова (ответственный редактор),
 К. Х. Кушнарёва, А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мушасов,
 П. А. Раппопорт (зам. ответственного редактора),
 В. В. Седов (зам. ответственного редактора),
 Д. Б. Шелов, А. Л. Яковсон

Ранние кочевники

КСИА, вып. 154

Утверждено к печати

Ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии Академии наук СССР

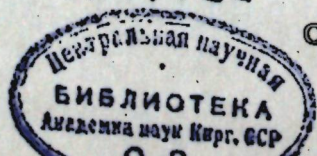
Редактор издательства Н. И. Сергиевская. Художественный редактор Н. И. Власик
 Технический редактор З. В. Павлюк. Корректор Н. Г. Васильева

ИБ № 5295

Сдано в набор 30.05.78. Подписано к печати 25.03.78. Т-10770. Формат 70×108^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,8. Уч.-изд. л. 10,6. Тираж 2100 экз. Тип. зак. 454. Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Наука». 117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а
 1-я типография издательства «Наука». 199034, Ленинград, В-34, 9 лин., 12

Р 10602-270 155-78
 042 (02)-78

© Издательство «Наука», 1978 г.

В. М. МАССОН, В. А. АЛЕКСИН, Н. А. БОКОВЕНКО

ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ «РАННИЕ КОЧЕВНИКИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА»

С 19 по 21 ноября 1975 г. в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР было проведено всесоюзное совещание на тему «Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана». Совещание было организовано Научным советом по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана Института археологии АН СССР и явилось отражением того обстоятельства, что в среднеазиатско-казахстанской археологии направление, изучающее раннекочевнические комплексы, сформировалось в специализированную отрасль археологических знаний¹. У истока этого направления стояли видные представители ленинградской школы археологии Средней Азии А. Н. Бернштам, М. П. Грязнов, С. С. Черников, уделявшие большое внимание подготовке научных кадров в среднеазиатских республиках.

В настоящее время наряду с продолжающимися исследованиями по этой тематике в Ленинграде (работы М. П. Грязнова, Ю. А. Заднепровского, А. М. Мандельштама, С. С. Сорокина и др.) важным центром подобных исследований стала Алма-Ата (работы К. А. Акишева, М. К. Кадырбаева, А. Г. Максимовой, А. Х. Маргулана, А. М. Оразбаева и др.). Большие работы проводятся учеными Москвы (О. А. Вишневецкая, Л. М. Левина, О. В. Обельченко и др.), Таджикистана (ранее Б. А. Литвинский, сейчас — А. Бабаев, Е. Д. Салтовская и др.), Узбекистана (Э. Кадыров, В. Н. Ягодин и др.), Киргизии (А. К. Абетеков, И. К. Кожомбердыев и др.) и Туркмении (Х. Ю. Юсупов).

Широкие и целенаправленные работы большого коллектива ученых привели к открытию и исследованию памятников эталонного характера, создали массовую источниковедческую базу. За последнее время в регионе обнаружены первые эффектные захоронения с ценным инвентарем (Иссык). Изыскания по раннекочевнической тематике из археологии статей за последнее десятилетие превратились в археологию книг. Достаточно назвать монографии А. М. Мандельштама, работы Б. А. Литвинского, книги К. А. Акишева и Г. А. Кушаева, исследования Л. М. Левинной и О. А. Вишневецкой².

В последний период более четко обозначились насущные задачи и перспективы в этой области археологической науки. Все еще заметна неравномерность изученности обширной территории среднеазиатско-казахстанского региона. Сосредоточившись на раскопках Отрара, едва ли не крупнейших по масштабам для нашей страны, археологи Казахстана несколько ослабили внимание к изучению памятников кочевых племен и народов. Огромный материал, накопившийся за последние два десятилетия в Киргизии, все еще лежит мертвым грузом в хранилищах и фондах. Желательно продолжение удачно начатых О. В. Обельченко широких исследований кочевнических памятников Согда. Недостаточно уделя-

ется внимание этой тематике в Туркмении. При всей специфике и своеобразии раннекочевнической археологии как особого направления ее характернейшей чертой в рамках среднеазиатско-казахстанского региона, да и в значительной мере для других областей, является тесная связь с археологией оседлых поселений.

Археологи Средней Азии и Казахстана своими работами раскрывают на конкретных материалах важнейший вывод К. Маркса о том, что «у всех восточных племен можно проследить с самого начала истории общее соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части»³. Без исследования, учета и правильного понимания подобного взаимодействия у древних народов и племен среднеазиатско-казахстанского региона невозможно сколько-нибудь полное и адекватное изучение протекавших здесь этнических процессов, политической истории, культурной и хозяйственной эволюции. Поэтому невнимание к памятникам кочевников наносит прямой урон и археологии поселений, которая должна подкрепляться планомерным исследованием древних могильников.

Главной задачей археологии ранних кочевников Средней Азии и Казахстана является совершенствование методического уровня работ, в частности, переход традиционного типологического анализа на качественно новую ступень. Это осуществляется отдельными исследователями, но пока не принесло ощутимых и реальных результатов. Между тем количественный прирост материалов, происходящий почти скачкообразно, требует именно качественно нового методического подхода. Примером может служить своего рода тупик, в который зашла проблема отождествления археологических комплексов и этнических групп, известных по письменным источникам, решаемая в основном на методическом уровне 30-х годов, когда соответствующие памятники были единичными. Так, вопрос о расчленении памятников юечжей, усуней, кангюй и гуннов по материалам Ферганы, Южного Казахстана и Киргизии практически возвращен к нулевому циклу, несмотря на имеющиеся в литературе многочисленные гипотезы. Четкое выделение именно археологических комплексов или культур, в первую очередь в их пространственных и временных границах, основанное на методической триаде признаков — тип — культура и подкрепленное статистическими выкладками, должно предшествовать любому уровню интерпретации.

С накоплением материалов новые аспекты получает проблема хронологии раннекочевнических древностей, о чем справедливо говорилось в докладах и выступлениях на совещании. Типологические привязки к комплексам Восточной Европы требуют нового методического обоснования и становятся явно недостаточными. Все большее значение получает проблема увязки с относительной и абсолютной хронологией хорошо стратифицированных памятников оседлых оазисов Средней Азии. Находки гончарной посуды оседлоземледельческого производства в курганах середины I тысячелетия до н. э. по Зеравшану и на памятниках куюсайского типа на юго-западной окраине Хорезма открывают в этом отношении большие возможности. Проблема местного среднеазиатского импорта в погребениях ранних кочевников практически еще только поднимается. Исключительную ценность приобретают такие случаи, как находка О. В. Обельченко монеты греко-бактрийского царя Гелиокла и местного подражания чекану Евтидема в курганах Кызылтепинского могильника⁴.

Из вопросов, связанных с исторической интерпретацией археологических данных, важное значение приобретает проблема периодизации. Термин «ранние кочевники» в практическом употреблении понимается обычно расширительно, охватывая эпоху от зарождения кочевой экономики до появления в Средней Азии и Казахстане тюркских племен. Между тем на протяжении этого отрезка времени отчетливо выделяются по крайней мере два больших периода. Первый из них — период ранних кочевников

в узком смысле этого слова, или сакский, если пользоваться терминологией древних источников. Для этого времени характерны черты социальной дифференциации, напоминающие о процессах, наблюдаемых в формирующихся раннеклассовых обществах оседлых областей. Особенно показательны в этом отношении огромные гробницы социальной верхушки, известные по Бешпатыру, Иссыкскому кургану или тувинскому Аржану и представляющие своего рода памятники монументальной архитектуры с богатейшим инвентарем и человеческими жертвоприношениями. Сведения о подобных сооружениях сохранены Ктесием в описании гробницы сакской «царицы» Зарины, полупоупендарная деятельность которой должна быть отнесена ко времени не позднее первой половины VI в. до н. э. «Взяв за основание треугольную пирамиду, — сообщает этот автор, — придали каждой стороне по три стадии в длину, в высоту же стадию до сходящейся острым углом вершины. Над гробницей возвели ее колоссальную золотую статую, воздали героические почести и всякие другие, более пышные, чем те, которые были оказаны ее предкам»⁵.

Второй период достаточно отчетливо намечается с III в. до н. э., когда складываются мощные кочевнические объединения государственного типа — усуней, юечжей, гуннов, кангюй — с рабовладельческим укладом, с большим военным потенциалом, сыгравшие решающую роль в истории Средней Азии и соседних стран. Именно к этому времени относятся огромные могильники с компактными группами курганов⁶. Возможно, эту яркую и своеобразную эпоху следует выделить в особый период древних кочевников, характерные черты которого еще во многом предстоит уточнить, но которые отнюдь не сводятся к одним перемещениям и военным походам, а отражают прежде всего внутренние, структурные перемены, происходившие в кочевнических обществах.

Наконец, следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. Сейчас уже начата работа по культурно-историческому районированию великого пояса степей Евразии. В ходе этих исследований устанавливается, что по ряду характерных элементов материальной культуры области Казахстана, Средней Азии и примыкающего к ним Алтая составляют единый регион⁷. Изучение этого региона как единого целого, его взаимосвязей и взаимодействий с оседлыми оазисами Юга — одна из почетных задач советских археологов и историков, работающих в разных центрах, но объединяемых общностью целей и задач.

Открывая совещание, заведующий сектором Средней Азии и Кавказа Ленинградского отделения Института археологии АН СССР В. М. Массон отметил, что раскопанные за последние годы памятники раннего железного века степной зоны Средней Азии, Казахстана и Сибири позволяют по-новому осветить некоторые спорные проблемы абсолютной и относительной хронологии раннекочевнических комплексов, уточнить синхронизацию археологических культур этого периода. Поэтому Научный совет по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана в качестве основной задачи совещания поставил обсуждение проблем хронологии ранних кочевников Средней Азии и Казахстана. Из 25 докладов 17 были посвящены проблемам хронологии.

Доклады Ф. Х. Арслановой (Калинин) «Курганы с „усами“ в Восточном Казахстане», Е. Д. Салтовской (Душанбе) «К вопросу о североферганских саках эпохи раннего железа», М. К. Кадырбаева (Алма-Ата) «Савроматские памятники Актюбинской обл.», Д. Г. Савинова (Ленинград) «К выделению ранних и поздних элементов в культуре пазырыкского времени», В. Н. Ягодина (Нуркус) «Ранние кочевники Устюрта», Х. Ю. Юсупова (Ашхабад) «Исследования памятников ранних кочевников Северо-Западной Туркмении», Б. Н. Нурмухамбетова (Алма-Ата) «Могильник Мардан»*, Л. М. Левинной (Москва) «Новые исследования памятников джетысарской культуры в Восточном Приаралье», Г. А. Кушаева (Уральск) «Новые памятники железного века Западного Казах-

стана»*, Н. А. Мажитова и А. Х. Пшеничнюка (Уфа) «Позднесарматские памятники Юго-Восточной Башкирии», Н. Н. Негматова и А. К. Мирбабаева (Душанбе) «Раскопки Куркратских склепов»*, П. Б. Конова-лова (Улан-Удэ) «Курган гунигской эпохи из могильника Ильмовая падь» были построены на материалах новых памятников, еще не введенных в научный оборот. Как показала работа совещания, их хронологическая интерпретация позволяет значительно продвинуть вперед разработку проблем синхронизации культур ранних кочевников Средней Азии и Казахстана.

В двух докладах были использованы материалы недавних раскопок кургана Аржан в Туве. Доклад М. П. Грязнова (Ленинград) был посвящен вопросам сложения культур скифо-сибирского типа. Материалы кургана Аржан послужили для определения даты начального этапа культуры скифского, или скифо-сибирского, типа. В докладе Л. Р. Кызласова (Москва) «Археологические данные о происхождении сакской культуры» эти материалы привлекались для решения проблемы генезиса аржанского комплекса. Оба доклада вызвали оживленную дискуссию.

Отрицая преемственность между андроновской и сакской культурами, Л. Р. Кызласов в докладе утверждал, что сакская культура восходит к дандыбай-бегазинским памятникам. Докладчик подверг критике гипотезу о происхождении тасмолинской культуры от дандыбай-бегазинской и о связях андроновской и тасмолинской культур. По его мнению, копирование погребальных сооружений Беспаырских курганов (саки Семиречья) восходят к плиточным оградкам могильника Бегазы (Центральный Казахстан), а культура приаральских саков — к тагискенскому варианту дандыбай-бегазинской культуры. Погребальное сооружение кургана Аржан Л. Р. Кызласов также возводит к дандыбай-бегазинским оградкам бездромосов. Люди, соорудившие курган Аржан, пришли в Туву в начале VII в. до н. э. из Центральноказахстанских степей.

М. П. Грязнов возражал против отрыва андроновской культуры от последующих. По его мнению, дандыбай-бегазинские и тагискенские памятники характеризуются не единичными заимствованиями из андроновских: это — почти копия андроновских. Однако М. П. Грязнов согласился с Л. Р. Кызласовым в том, что непрерывное развитие культурного процесса в Казахстане было нарушено белозерско-ивановской культурной экспансией с запада.

М. П. Грязнов, анализируя погребальный обряд, устройство погребального сооружения и набор инвентаря кургана Аржан, выделил аржанский этап скифской культуры как самый ранний период культуры скифо-сибирского типа. По его мнению, в Причерноморье аржанскому этапу соответствовал «доскифский», или киммерийский, период. В других районах степей памятники аржанского этапа единичны или пока неизвестны. Аржанский этап датирован М. П. Грязновым VIII—VII вв. до н. э. Эту датировку поддержали В. А. Ильинская (Киев), Ю. А. Заднепровский (Ленинград), А. М. Мандельштам (Ленинград).

В. А. Ильинская отметила, что выделение аржанского этапа очень важно, а датировка его VIII—VII вв. до н. э. — единственно правильная. Возможно, что в дальнейшем появится возможность датировать Аржан только VIII в. до н. э. В Причерноморье нет памятников VIII в. до н. э., в которых были бы найдены вещи, выполненные в зверином стиле, в то время как в Туве в ту эпоху звериный стиль уже, видимо, имел глубокую историю. Поэтому, по мнению В. А. Ильинской, Аржан имеет большое значение для всей проблемы происхождения и ранних этапов развития скифского звериного стиля.

А. М. Мандельштам также считает, что Аржан позволит по-новому рассмотреть вопросы генезиса и распространения отдельных элементов «скифской триады».

Поддержав датировку аржанского этапа, Ю. А. Заднепровский отме-

тил, что еще А. Н. Бернштам датировал некоторые раннекочевнические находки VIII в. до н. э., а в настоящее время А. Н. Медведская датирует находки скифских стрел в Средней Азии VIII в. до н. э.

По мнению Ю. А. Заднепровского, могильник Уйгарак (Средняя Азия) следует датировать, ориентируясь на аржанский материал, а не по западным аналогиям. Это положение нашло развернутую аргументацию в докладе А. М. Мандельштама «К восточным аспектам истории ранних кочевников Средней Азии и Казахстана»*. В докладе выдвинуто положение о необходимости выработки собственной хронологии ранних кочевников для восточной части Евразии.

В двух докладах, посвященных проблемам хронологии культуры ранних кочевников Забайкалья, использованы уже известные специалистам материалы из раскопок гунигских поселений и могильников. Для этих сообщений характерен новый методический подход к проблемам хронологии.

А. В. Давыдова (Ленинград) в докладе «О классификации памятников хунну» отвергает общепринятую хронологическую основу классификации хуннских археологических памятников, поскольку эта основа приводит к парадоксальному положению, противоречащему всему ходу исторического развития общества хунну, а именно: основной массив кочевого населения появился в Забайкалье позднее оседлого. Рассматривая культуру хунну как единую (по археологическим данным), А. В. Давыдова предлагает считать основой для хронологического членения археологических памятников форму хозяйства.

В докладе С. С. Миняева (Ленинград) «К хронологии сюнпукских памятников Забайкалья» определены даты (не ранее 123 г. до н. э.) для ряда сюнпукских могильников и городищ Забайкалья в Северной Монголии.

В дискуссии по докладам А. В. Давыдовой и С. С. Миняева Л. Р. Кызласов, нарисовав яркую историческую картину взаимоотношений Китая и хунну и указав на причины значительных передвижений последних, не увидел ничего странного в том, что в Забайкалье первыми появляются представители оседлого хуннского населения: военные гарнизоны и ремесленники. С точки зрения Л. Р. Кызласова, хунну очень важно было контролировать рудные источники, так как для изготовления оружия нужна металлическая руда в больших количествах. Поскольку в Монголии рудные источники были неизвестны, то хунну обращают свой взор на север, где издавна местными племенами эксплуатируются месторождения металлов. Поэтому хуннские ремесленники (медеплавильщики, оружейники) и охраняющие их гарнизоны, т. е. оседлое население, появляются в Забайкалье ранее кочевого хуннского населения. Л. Р. Кызласов предостерег от датирования хуннских погребений монетами «у-шу», считая такой подход неправомерным из-за длительного периода обращения этих монет. А. В. Давыдова, признавая ценность доклада С. С. Миняева, также считает, что переносить дату погребений с монетами на весь могильник нельзя. По ее мнению, могилы с монетами можно использовать для датировки других могил, рассматривая в совокупности весь вещевой комплекс, в котором найдена монета.

Четыре доклада были посвящены идеологии и искусству раннекочевнических обществ: А. К. Акишев (Алма-Ата) рассматривал проблемы идеологии саков Семиречья по материалам из кургана Иссык*; А. М. Беленицкий (Ленинград) исследовал роль коня в культурах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье; Г. А. Федоров-Давыдов (Москва) посвятил доклад новым находкам звериного стиля в Поволжье, а Г. Н. Курочкин (Нукус) — вопросу о переднеазиатском этапе в развитии скифского искусства. Наиболее оживленная дискуссия развернулась по последнему докладу.

В. А. Ильинская в выступлении по докладу Г. Н. Курочкина отметила смелость постановки вопроса, повизну привлеченных археологических материалов из Ирана для решения проблемы. Набор вещей скифского стиля, о котором говорилось в докладе, найден именно там, где скифы локализируются по письменным источникам. Вместе с тем В. А. Ильинская считает, что выводы Г. Н. Курочкина несколько преждевременны, поскольку перешенным остается вопрос, с какого времени мы можем говорить о начале скифского искусства. Пока эту дату следует помещать на грани VIII—VII вв. до н. э.

Выступая на обсуждении доклада Г. Н. Курочкина, А. М. Беленицкий указал на большое сходство изображения человека на сосуде из Хасанлу с изображениями людей в ассиро-вавилонском искусстве. Е. Е. Кузьмина (Москва) отметила, что сюжет змееногой богини не является типично скифским, а восходит к более раннему времени индоиранской общности. Упоминание о змееногой богине есть еще в «Ригведе». Е. Е. Кузьмина не видит оснований считать скифом человека, изображенного на сосуде из Хасанлу. Гробница в Хасанлу также, по ее мнению, не похожа на скифскую.

Выступая на обсуждении доклада А. М. Беленицкого, Е. Е. Кузьмина отметила, что культ коня возник первоначально в среде индоевропейских племен и его распространение было обусловлено движением этих племен. Индийские и иранские письменные источники содержат подробные данные о ритуалах, связанных с культом коня. В среде финно-угорских и тюркских народов культ коня распространился позднее под влиянием индоевропейских племен.

Е. Е. Кузьмина подвергла критике методически неоправданный, с ее точки зрения, подход к исследованию искусства ранних кочевников. Она считает, что необходимо выделить три пласта идеологических представлений, повлиявших на сложение искусства ранних кочевников: общечеловеческий, индоевропейский и индоиранский.

Методологические аспекты графической подачи археологического материала были рассмотрены в докладе С. С. Сорокина (Ленинград) «О построении таблиц хронологической классификации археологических памятников ранних кочевников Азии».

В докладе В. А. Лившица (Ленинград) «Вновь открытая письменность Ирана и Средней Азии» приведены данные о неизвестной ранее письменности V в. до н. э. — VII—VIII вв. н. э. на этой территории. Она представлена надписями на вещах из сакского кургана Иссык и на фрагментах керамики кушанского времени (древний Мерв). По докладу выступил А. М. Беленицкий, отметив большое значение этого исследования, позволяющего вплотную подойти к проблеме сакской письменности.

О докладах О. В. Обельченко (Москва) «Некоторые черты общественного строя ранних кочевников долины Зеравшана по археологическим данным» и А. И. Мартынова (Кемерово) «К вопросу о социальном строе у лесостепных племен тагарской культуры» следует сказать, что в них отсутствует четко разработанная методика социологической интерпретации археологических погребальных комплексов, без которой все выводы докладчиков, как бы привлекательно они не выглядели, остаются малоубедительными.

Итоги совещания подведены в резолюции, принятой на заключительном совещании.

Следует надеяться, что совещание по проблемам хронологии ранних кочевников Средней Азии и Казахстана будет способствовать новым успехам раннекочевнической археологии и содействовать дальнейшей координации работ в этом важном и перспективном направлении археологической науки.

¹ К совещанию были опубликованы специальный выпуск (3) «Успехи среднеазиатской археологии» (Л., 1975), посвященный этой тематике, и краткие тезисы докладов, представленных на конференцию (Рапине кочевники Средней Азии и Казахстана. Л., 1975).

² Манделштам А. М. Кочевники на пути в Индию. М.—Л., 1966; *он же*. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975; Лигаинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972; Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усудей долины р. Или. Алма-Ата, 1963; Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии. М., 1971; Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. по материалам Уйгарака. М., 1973.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 214.

⁴ Обельченко О. В. Курганские могильники эпохи кушан в Бухарском оазисе. — В кн.: Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., 1974, с. 206.

⁵ Пьянков И. В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душанбе, 1975, с. 73.

⁶ Сорокин С. С. Кочевые племена Средней Азии на рубеже и в первые века нашей эры. — В кн.: Очерки истории СССР. М., 1956, с. 555.

⁷ Акишев К. А. Саки азиатские и скифы европейские. — В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, с. 56.

* Доклады, отмеченные звездочкой, публикуются в настоящем выпуске в расширенном и переработанном варианте.

М. П. ГРЯЗНОВ

К ВОПРОСУ О СЛОЖЕНИИ КУЛЬТУР СКИФО-СИБИРСКОГО ТИПА В СВЯЗИ С ОТКРЫТИЕМ КУРГАНА АРЖАН

Скифская эпоха — это период, когда на обширной территории от Карпат почти до берегов Тихого океана, от пустынь Средней Азии до сибирской тайги многочисленные древние племена поднялись на новую ступень экономического развития — перешли к кочевому и полукочевому степному скотоводческому хозяйству и соответственно этому — к кочевому и полукочевому образу жизни. Они стали создавать в условиях развитого межплеменного культурного обмена культуры скифо-сибирского типа, самобытные и своеобразные, но во всем своем многообразии единые. Археологически они характеризуются единством так называемой скифской триады — оружие, сбруя, скифо-сибирский звериный стиль.

Скифская эпоха была периодом военной демократии, непрерывных варварских войн, но также и значительного для своего времени экономического подъема и расцвета искусств. Зарождается и развивается героический эпос. Развивается в изумительном блеске изобразительное искусство, так называемый скифо-сибирский звериный стиль.

Преобразился лик степей. Медленно двигались по их просторам кочевники в жилих повозках, с огромными стадами скота и табунами лошадей. Иногда это были целые города на колесах. Происходила коренная ломка быта. Вслед за переменами в системе скотоводческого хозяйства, для того времени высокопродуктивного специализированного производства, перестроился весь жизненный уклад. Жизнь в повозках, в постоянном движении вперед от одного пастбища к другому, создав новые условия быта и хозяйства, привела к переоформлению всей культуры в целом. У разных в прошлом по культуре племен сложилась новая культура, более или менее единообразная на всем пространстве степей.

Когда же это произошло? По традиционным взглядам на историю скифской культуры, в VII в. до н. э. Археология скифов — одна из наиболее разработанных отраслей советской археологии. Хотя основные положения о происхождении скифов и скифской культуры, о развитии культур

скифо-сибирского типа неоднократно дискутировались, но до последних дней оставалось неизменным общее представление о том, что скифская культура возникла в Причерноморье во второй половине VII в. до н. э., что на восток, в Сибирь, достижения скифской культуры проникли с запаздыванием и в измененном виде.

Еще 20 лет тому назад А. А. Нессен, собирая тогда по крохам материал по памятникам предскифского времени, показал, на мой взгляд убедительно, что период VIII—VII вв. до н. э. в степях Причерноморья был «начальным этапом в развитии скифской культуры в широком понимании этого слова»¹. Значит, скифская культура формировалась еще в VIII в. до н. э., т. е. задолго до легендарных походов скифов в Переднюю Азию.

За прошедшие 20 лет стало известно значительное число новых памятников VIII—VII вв. до н. э. в разных местах степной полосы, но работа А. А. Нессена не потеряла своего значения и сейчас. Скифологи не приняли положения о ранней поре скифской культуры и продолжают относить ее начало к так называемому раннескифскому времени — VII—VI вв. до н. э., а памятники VIII—VII вв. до н. э. — либо к предскифскому времени, либо к киммерийцам. Между тем раскопки царских курганов Птичата, могила в Болгарии близ Варны, Высокая могила в Запорожье и Аржан в Туве заставляют коренным образом пересмотреть вопросы происхождения и сложения культур скифо-сибирского типа. Совершенно исключительное значение в этом плане имеет курган Аржан. На нем надо остановиться особо.

Аржан еще недавно представлял собой круглое каменное возвышение диаметром 120 м, окруженное с трех сторон более чем 300 каменных оградок высотой 3—4 м². Под ним открыто деревянное сооружение, реконструируемое в следующем виде (рис. 1). В степи было построено около 70 срубов, расположенных радиальными и кольцевыми рядами вокруг центрального сруба. На высоте около 3 м срубы покрыли сплошным бревенчатым потолком. Образовалась круглая платформа диаметром 80—85 м. Вокруг нее соорудили из плитняка каменную стену (крепиду) высотой не менее 2,5 м, пространство внутри которой заложили камнем. Так получилась плоская цилиндрическая каменная платформа диаметром 105 м, высотой до 4—5 м, с заключенным в ней огромным деревянным сооружением. Более подробное описание памятника и найденных в нем вещей дано в предварительных сообщениях о раскопках кургана³. Здесь же позволю себе лишь вкратце напомнить об основных особенностях устройства кургана и о погребальном обряде.

Погребальный обряд можно представить предположительно так. В сентябре на похороны «царя» съехались тысячи людей. Они срубили в ближайшем лесу тысячи вековых лиственниц и сложили из них круглое деревянное сооружение. Полторы тысячи человек могли сделать это за семь-восемь дней. В центральном срубе, в особом помещении с двойными бревенчатыми стенами, полом и потолком, уложили в две деревянные колоды «царя» и «царицу» в богатых одеждах с драгоценными украшениями. Под полом этого помещения найдены хвостовые позвонки не менее 15 лошадей. Современные тувинцы говорят: «Не ездь верхом на олене — упадешь, наколешься на его рога; не ездь на быке — упадешь, напорешься на рога; поезжай на коне — упадешь, он тебе подстелит хвост и гриву, мягко ляжешь на землю». У нас на похоронах принято было говорить, обращаясь к усопшему: «Пусть земля тебе будет духом». Ранние кочевники Тувы выражали эту идею материально, выстилая землю под могилу «царя» конскими хвостами и гривами.

Курган разграблен еще в древности. Могила «царя» опустошена. Остались в ней обрывки одежд из импортных переднеазиатских узорчатых шерстяных тканей и собольего меха, незначительные фрагменты различных украшений, в том числе и золотых, бирюзовые бусы и тонкие пла-

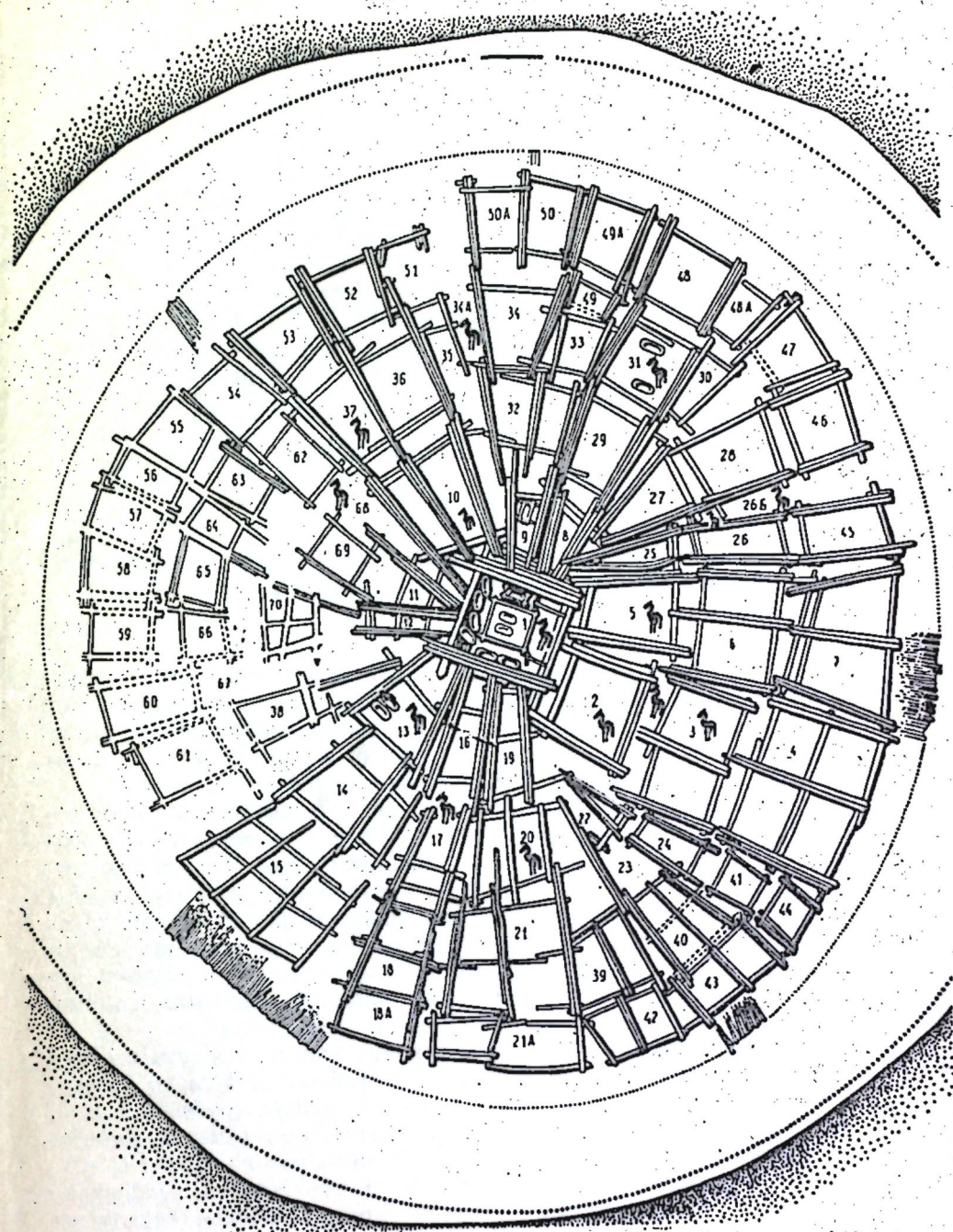

Рис. 1. Аржан. План-схема могильного сооружения. Фигурной коня отмечены намеры с конскими захоронениями, овалами — колоды с захоронениями людей

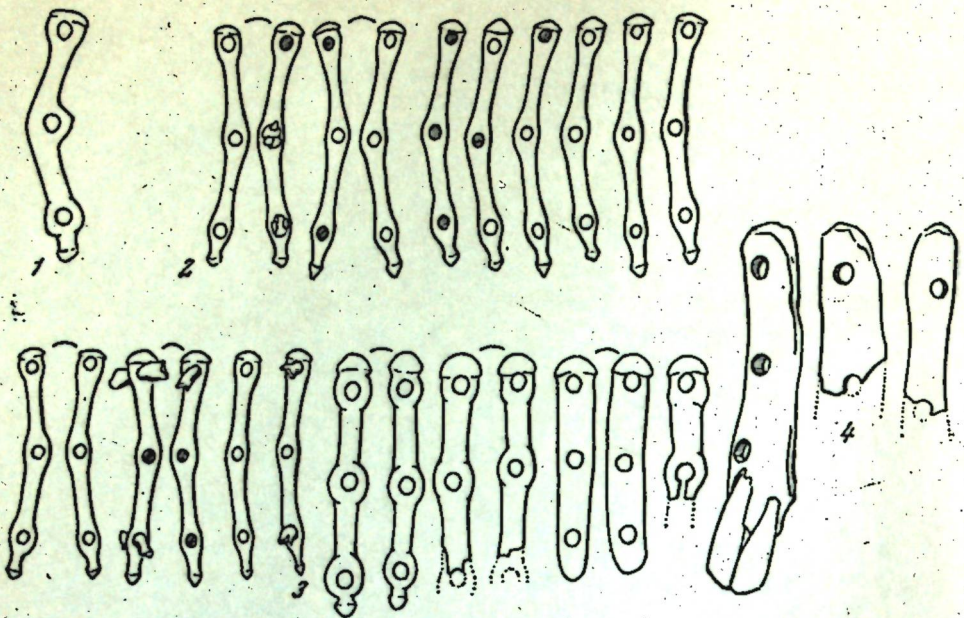

Рис. 2. Аржан. Псални из конских захоронений в южном и восточном секторах кургана 1 — из камеры 13; 2 — из камеры 20; 3 — из камеры 5; 4 — из камеры 2

стинки. Особенно важно отметить находку 20 мелких бирюзовых пластинок. Это вставки (инкрустация) в массивных литых золотых украшениях с изображениями зверей, известными нам по золотым бляхам Сибирской коллекции Петра I в Эрмитаже. Значит, одежды «царя» в Аржане были украшены золотыми бляхами, исполненными в зверином стиле.

С трех сторон вокруг помещения с «царем» в отдельных колодах похоронили семь старцев и одного молодого человека — знатных, в богатых одеждах, с оружием. В их могилах найдены остатки одежд из импортных тканей и дорогих мехов, золотые украшения, бронзовые стрелы и княжал. С четвертой, восточной, стороны уложили шесть верховых коней с богатыми уздечками, вероятно, и с седельными уборами. Ремни были украшены бляхами и подвесками из золота, серебра, клыков кабана и красного полудрагоценного камня антигорита. Это были, видимо, кони самого «царя», кони «собственного седла».

В шести срубках, расположенных около центрального, к югу и востоку от него (рис. 1, камеры 2, 3, 5, 13, 17, 20), погребено по 30 и по 15 верховых коней в каждом, и три коня отдельно, между срубками 2 и 3. Возможно, это дары погребенному от подвластных ему семи племенных подразделений. По материалам Пазырыкских курганов на Алтае я высказал предположение, что кони в царских курганах Алтая и Скифии не были собственностью погребенного в могиле «царя», а представляли собой дары от подчиненных ему племенных и родовых подразделений⁴. То же и в Аржане. Уздечные уборы верховых коней всех семи групп однотипны, но в каждой отдельной группе довольно отчетливо выражены этнографические отличия ее от остальных групп. Лучшее всего это можно наблюдать по псалням. Так, в камере 20 сохранились бронзовые псални восьми уздечек. Все они одного характерного типа: слабоизогнутый стержень с тремя круглыми отверстиями, с грибовидной шляпкой наверху и конической головкой на тонкой шейке внизу (рис. 2). Назовем этот тип псалней аржанским. Псални каждой из восьми уздечек отлиты в особой форме. Псални одной уздечки (правый и левый) совершенно идентичны по форме и размерам, псални разных уздечек во всех случаях

отличаются мелкими деталями в пропорциях и размерах. В камере 2 из 14 сохранившихся уздечек у 11 псални были того же аржанского типа и различались по мелким деталям: у двух уздечек псални сделаны из челюсти коня; у одной — из толстой кожи. Уздечки многих коней в этой камере украшены большим числом подвесок из клыков кабана и лошади, что в других шести камерах этой группы не наблюдалось. В камере 3 сохранились псални 13 уздечек, и все они того же аржанского типа. В отличие от камеры 2, здесь не было никаких уздечных украшений. В камере 5 псални трех уздечек были бронзовыми, четырех — роговыми. Все — аржанского типа, только роговые псални отличаются от бронзовых некоторыми деталями формы, иногда упрощенной, и пропорциями в связи с особенностями материала, из которого они сделаны, и техники изготовления. В сильно разграбленной камере 13 уцелел только один псалний. Он того же типа, но отличается от псалней всех остальных камер массивностью и некоторыми деталями — резким изгибом стержня посередине, кольцевидным расширением у нижнего отверстия и петлевидным — у среднего.

Вряд ли можно сомневаться, что уздечки и остальные детали конской сбруи в камерах принесены общественными коллективами одной культуры, хотя по различию в отдельных деталях можно предполагать принадлежность их разным этнографическим подразделениям. Назовем условно носителей этой культуры аржанскими племенами, предполагая, что в кургане Аржан погребен их владыка — «царь», или вождь племени.

Среди захоронений семи групп верховых коней погребено еще пять знатных богатых старцев: четыре — в камере 13 и один — в камере 9.

В северной половине сооружения в трех срубках второго кольцевого ряда, в одном — первого ряда и в двух проходах между срубками погребено по два, пять, десять и т. п. верховых коней в каждом и еще два знатных старца. Сбруйные наборы в этих захоронениях различны, разнотипны. В каждом из этих шести захоронений сбруйные наборы — особого типа, отличного от наборов остальных захоронений. В камере 26 сохранились псални от семи уздечек, все одного типа: бронзовые короткие слабоизогнутые стержни с заостренными концами, с тремя отверстиями, вокруг которых на стержне как бы образовались вздутия (рис. 3). Назовем псални этого типа остроконечными. Ни в какой другой камере псални типа остроконечных не найдены. Уздечки камеры 26 богато украшены. Сохранилось множество разнообразных бляшек, вырезанных из клыков кабана, — круглые, бинарные, каплевидные, бабочковидные и др. Есть подвески из клыков кабана, трехжелобчатые и другие бляшки из агиллита, какие-то деревянные фигурные накладки и др. Замечательны пять бронзовых наверший с фигурой горного барапа, однако они не имеют прямого отношения к сбруе коня⁵.

В камере 37 сохранились псални от девяти уздечек. Все они роговые, одного типа: прямой уплощенный трехдырчатый стержень с небольшими расширениями около дырок; верхний конец прямо обрезан, нижний — закруглен. Назовем эти псални прямоверхими. Только одна пара псалней более сложна по форме, приближаясь к псалням аржанского типа, но отличаясь от них угловатыми прямоугольными очертаниями. Прямоверхие псални ни в одной другой камере не встречены. Несколько уздечек этой камеры украшены подвесками из клыков кабана.

В камере 34 сохранился только один псалний. Он совершенно своеобразен — такие нигде больше не встречены. Это прямой бронзовый трехдырчатый стержень с тремя колечками-дырками. Нижний конец имеет небольшой биконический отросток. Назовем псалний этого типа трехкольчатым.

В камере 31 грабители совершенно не тронули захоронение коней: у всех десяти коней сохранились *in situ* удила и не попадавшие в дру-

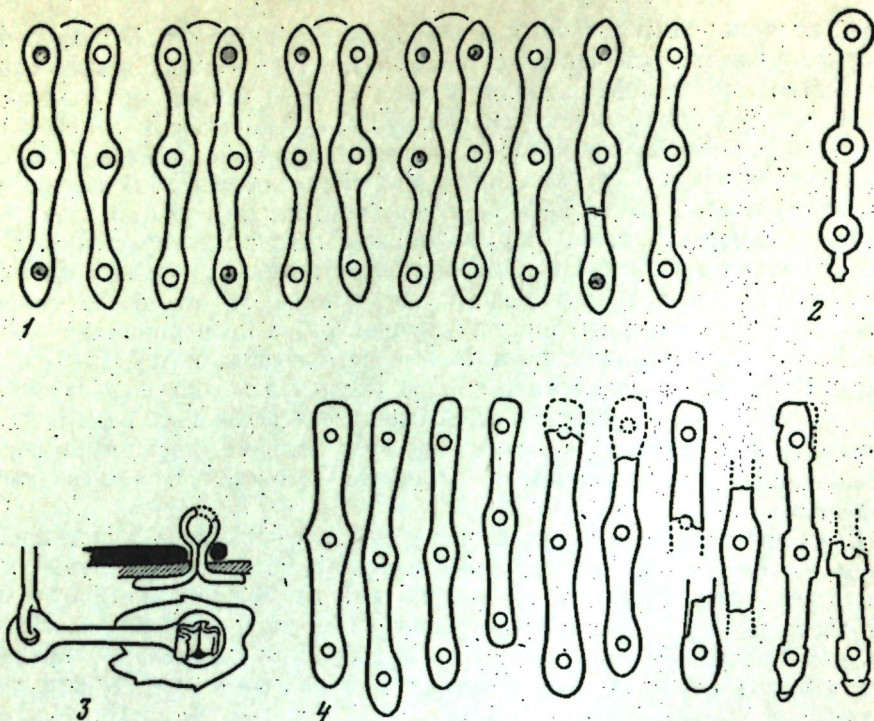

Рис. 3. Аржан. Псалли из конских захоронений в северных секторах кургана
1 — из камеры 26; 2 — из камеры 34; 3 — из камеры 31 (все 10 — деревянные); 4 — из камеры 37

гих камерах длинные клыки кабана, по два-три у черепа. Псалли же не сохранились. Только у одного коня уцелела часть ремня, прилежавшая к кольцу удила и соединявшая удила с круглой деревянной палочкой — псалием. Очевидно, у всех десяти коней были деревянные псалли, форма и устройство которых, к сожалению, остались нам неизвестны.

Итак, псалли каждой из четырех камер, в которых они сохранились, принадлежат особому типу, отличному от аржанского и от типов всех других камер. Это дает право предполагать, что кони каждой из камер северной половины кургана принадлежали разным этническим образованиям (племенам или племенным союзам), в отличие от коней из семи камер южной и восточной частей кургана, которые все принадлежали аржанским племенам, составлявшим, по-видимому, одно большое этническое образование. Возможно, что кони в захоронениях северной половины кургана — это подношения «великому царю» от соседних, неподвластных ему племен. Вспомним, что в более позднее время, когда хоронили первого тюркского кагана Истеми, то на его похороны съехались «плачущие и стонущие» со всех концов земли, в том числе и от некоторых неподвластных тюркам племен и народов тихоокеанского побережья, сибирской тайги, Средней Азии и даже «авары и рум», т. е. посланцы кочевников южных степей и далекой Византии⁶.

Всего в кургане погребено с «царем» 15 сопровождающих его знатных лиц, помещенных каждый в отдельную колоду, и более 160 верховых коней. Можно предполагать, что при погребальной тризне было принесено в жертву и съедено более 300 лошадей. Шкуры их с оставленными в них черепом и костями концов ног были положены, по-видимому, на окружающие курган круглые каменные оградки. Провало, вероятно, около 10 тыс. человек.

Итак, курган Аржан по содержанию сложный, многосоставной памятник. Он состоит из могилы «царя» с «царицей» и 15 захоронений знатных

вельмож, из семи массовых захоронений верховых коней, принесенных в дар от подвластных «царю» племенных подразделений, и из шести таких же захоронений коней, присланных ему от иностранных владык. Все эти 29 объектов являются, во-первых, закрытыми археологическими комплексами, во-вторых — памятниками разных районов страны, которой управлял погребенный, и в определенной степени соседних с ней стран.

Значит, Аржан надо рассматривать как 29 отдельных археологических комплексов, датируемых одним днем, но происходящих из 13 разных географических пунктов, причем семь из них относятся к одному географическому району и характеризуют культуру его населения. Будем называть эту культуру аржанской, или, осторожнее, аржанским этапом культуры ранних кочевников Тувы. Территория этой культуры совпадает, вероятно, с Тувинской и Турано-Уюкской котловинами, а может быть, простирается и несколько далее на юг. Шесть других комплексов происходят из каких-то, вероятно, не очень удаленных от Тувы районов, населенных близкими по культуре к аржанским племенам.

Состоящий из 29 синхронных (с точностью до одного дня) археологических памятников курган Аржан представляет собой прочную основу как для характеристики аржанского этапа, так и для определения его относительной и абсолютной даты. В существующей периодизации эпохи ранних кочевников в Туве аржанскому этапу нет места. Он, очевидно, находится за ее пределами. Типологически он предшествует альдыбельской культуре А. Д. Грача⁷, или первому этапу уюкской культуры Л. Р. Кызласова⁸, датируемым VII—VI вв. до н. э. Предшествует он и синхронным указанным периодам майэмпрскому этапу на Алтае⁹ и тасмолинской культуре в Казахстане¹⁰. Следовательно, аржанский этап может быть отнесен ко времени не позже начала или середины VII в. до н. э., вероятнее — VIII—VII вв. до н. э.

Курган Аржан — не единственный памятник аржанского этапа в Туве. Аржанскому этапу принадлежат, видимо, не все, но значительная часть так называемых оленных камней Тувы. Обломок оленного камня, найденный в 1973 г. в кургане Аржан (рис. 4, 2), — первый случай хронологической привязки оленных камней к погребальным комплексам. Замечательно, что в 1971 г. в Болгарии, в упомянутом царском кургане VIII—VII вв. до н. э. Птичата могила¹¹, найдена стела круга раннескифских изваяний Причерноморья, анапынских стел Приуралья и оленных камней Саяно-Алтая и Монголии. Это — первая находка достоверно киммерийской стелы¹².

Оленный камень Аржана принадлежит, видимо, к ранним антропоморфным стелам Тувы и Монголии. Можно предполагать, что древнейшими были круглые столбообразные стелы, имитирующие изображения воинов и первоначально изготовлявшиеся из круглых стволов дерева. Таковы известный камень из Кобдо (рис. 4, 10) и аржанский (рис. 4, 2). Они имеют правильную цилиндрическую форму, один — без изображений зверей, другой — с фигурами оленя и кабана. Ранними же были, вероятно, и столбообразные четырехгранные стелы с более арханскими изображениями зверей на прямых ногах с опущенными вниз копытами. Один такой камень, известный в литературе от кургана Аржан, другой (рис. 4, 3) — в 15 км к юго-западу от кургана, в урочище Орзак-аксы. Более поздними надо считать столбообразные или плитообразные антропоморфные стелы со стилизованными изображениями оленей в стремительном беге. Один такой камень (рис. 4, 12) стоит в 6 км к юго-западу от Аржана, в урочище Чингатаг, другой (рис. 4, 11) — в местности Большой Ажик, в 100 км к востоку от г. Кызыл. В Туве оленные камни сильно варьируют от простых, крайне схематических изображений воина, на которых условно показаны лишь ожерелье, пояс, серьги (рис. 4, 5—8), до более

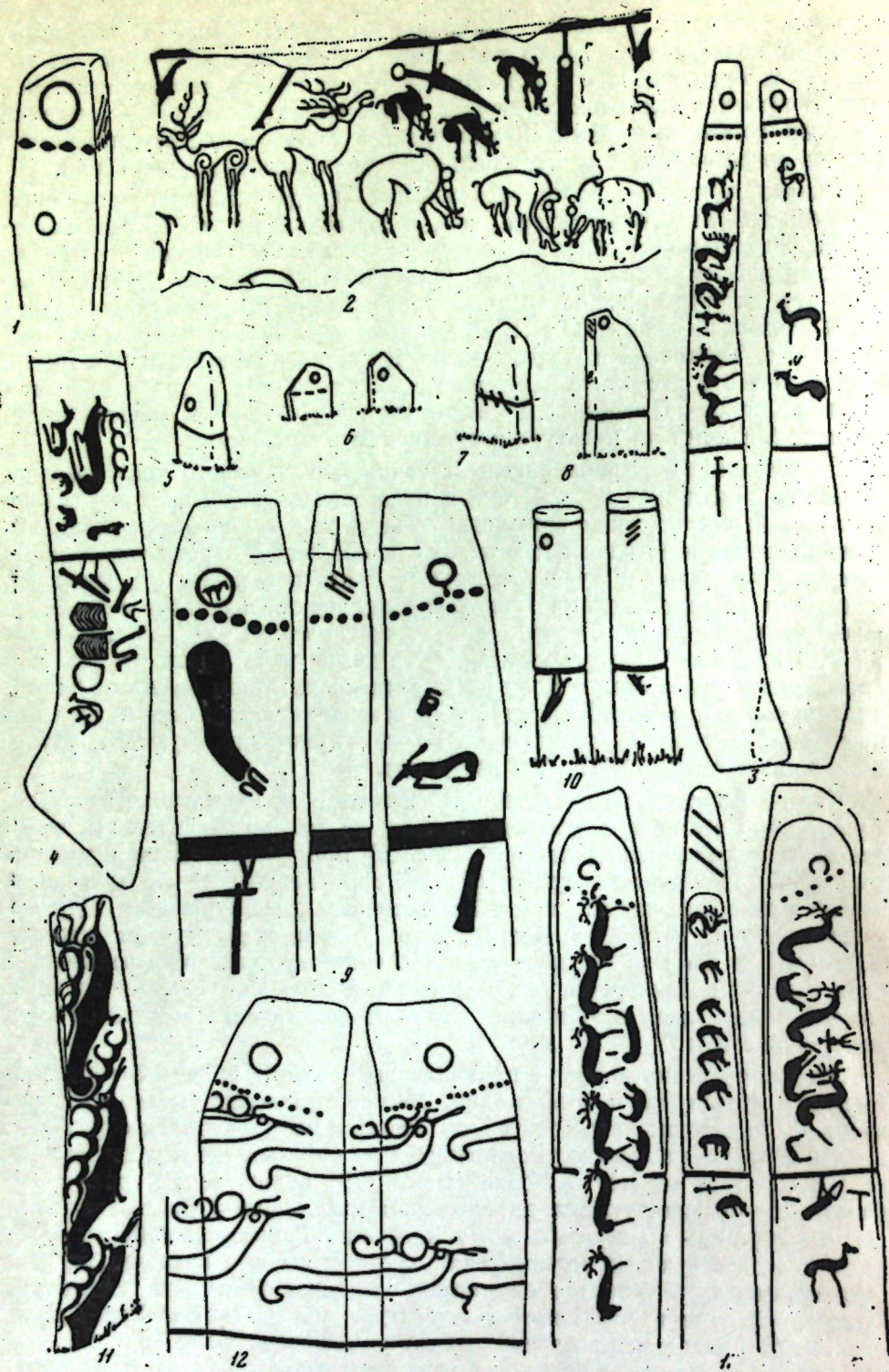

Рис. 4. Оленьи камни Тувы (1—9, 11—13) и Монголии (10)

1 — д. Сосновка; 2 — курган Аржан; 3 — Орзак-аксы; 4 — второй туранский камень; 5—7 — оз. Белое близ Аржана; 8 — д. Уюк; 9 — Самалгатай; 10 — Кобдо; 11 — Большой Антик; 12 — Чингатаг; 13 — Уюк-Аржан (5—8, 10 — по: JSFOU, XXIV, 1907, p. 17—29; остальные по эстампам Аржанской экспедиции)

полных и понятных фигур человек с едва намеченными лицом и рукой (рис. 4, 9). Аналогии этим памятникам известны на Урале, Северном Кавказе, в Северном и Западном Причерноморье и датируются «предскифским», или киммерийским, временем.

Если для датировки аржанской культуры мы обратимся к рассмотрению типов найденных в кургане вещей, то, как ни странно, ближайшим аналогиям им найдем не в степях Азии, а далеко на западе, в степях Причерноморья. Это прежде всего стрелы. Набор бронзовых и костяных накопчиков стрел почти полностью совпадает с набором стрел Высокой могилы Запорожья и других причерноморских памятников VIII—VII вв. до н. э.¹³ Многочисленные бляшки разных форм, вырезанные из клыков кабана, находят себе аналогии только в Северном Причерноморье. Разные их варианты, иногда совершенно подобные аржанским, найдены в комплексе Веселая Долина на Северском Донце, на Субботовском городище на Днепре и на поселениях белозерского этапа (Широкое, Кирово). Все это комплексы VIII—VII вв. до н. э. На более поздних памятниках скифского времени подобных вещей нет. VIII—VII веками до н. э. по аналогии с памятниками «начального этапа» скифской культуры следует определять и трехжелобчатые бляшки Аржана, сделанные из зеленого агриллита и белого аргиллита, а также деревянные, покрытые золотом.

В Аржане среди многих десятков псалмов от узды — бронзовых, роговых, кожаных и деревянных — нет ни одного, который имел бы аналогии в материалах каких-либо памятников VII—VI вв. до н. э. Зато основная их масса — изогнутые трехдычатые с грибовидной шляпкой и с копически заостренными концами — находит аналогии на памятниках VIII—VII вв. до н. э. Причерноморья¹⁴.

В системе относительной хронологии Аржан должен занять место, предшествующее раннему скифскому периоду, в системе абсолютной хронологии — VIII—VII вв. до н. э. Аржанский этап, следуя А. А. Иессену, надо считать начальным этапом скифской культуры. Основным препятствием для признания памятников этого периода в Причерноморье скифскими служило, по-видимому, отсутствие произведений искусства, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле, и не вполне еще скифские формы оружия и сбруи. Но в Аржане полностью представлена вся «скифская триада» в хорошо сложившихся формах. Предметы вооружения и сбруи здесь еще не раннескифских типов VII—VI вв. до н. э., а, как и в Причерноморье, несколько отличных форм, которые следует считать начальными формами собственно скифских типов. Звериный же стиль представлен великолепными образцами изделий из бронзы, кости и камня.

«Начальный этап скифской культуры» нам теперь известен не только в Причерноморье и Туве. Его можно выделить и в некоторых других районах степей. Пока очень немногочисленные погребения на Алтае, в могильниках Курту и Усть-Куюм, указывают на наличие здесь особого этапа, предшествующего майэмрскому¹⁵. В Восточном Казахстане группа погребений VIII—VII вв. до н. э., отличная от памятников тасмолинской культуры, также характеризует особый этап¹⁶.

Памятники VIII—VII вв. до н. э. на обширных пространствах степей известны пока в крайне малом количестве. Во многих районах они вообще еще не обнаружены. Но и то немногое, что нам известно, позволяет сделать важные заключения. Сейчас уже нельзя говорить о том, что культуры скифо-сибирского типа, сформировавшиеся в VII в. до н. э., распространялись затем из какого-то единого центра в разных направлениях, в том числе и далеко на восток. В связи с переходом населения степей к кочевому и полукочевому скотоводству, несомненно, имели место более или менее значительные перемещения народных масс. Происходили завоевания, переселения, исчезновение одних групп населения и быстрый рост других, процессы ассимиляции, культурных заимствований и др.

Но не это определяло основное направление прогресса в экономике и культуре степных племен и народов того времени.

Переход к новой экономике был стимулом к развитию новых прогрессивных форм хозяйства и культуры, к отказу от старых форм. В этих условиях признаки этнического порядка отступают на второй план, и нам трудно теперь уловить, какие группы населения куда переселялись, кто, откуда и что занимал. Нам ясно видна лишь картина того, как на обширных просторах степной полосы Евразии с VIII в. до н. э. синхронно возникают и развиваются сходные в общих чертах культуры скифо-сибирского типа. Но каждая из них вполне самобытна и оригинальна в связи со своим особым историческим прошлым, в связи с особыми условиями обитаемой страны. В условиях широкого межплеменного обмена, осуществляемого как мирным путем, так и путем войн и грабительских набегов, отдельные культурные приобретения того или иного племени получают всеобщее распространение.

Наша задача заключается сейчас не в том, чтобы искать какого-то гипотетического предка, родоначальника всех скифов, саков, массагетов и т. п., а в том, чтобы изучать и определять роль в процессе формирования скифо-сибирского культурного единства каждой из составляющих его культурно-исторических областей и каждой племенной группы. Нет сомнения, что древние племена азиатских степей были такими же творцами и создателями культур скифо-сибирского типа, как и их современники скифы. Возможно, что в процессе формирования искусства и культуры скифо-сибирского типа вклад азиатских племен, например алтайских и тувинских, в некоторых случаях был более значителен, чем собственно скифов.

Может быть, следует подумать и о том, были ли вообще европейские скифы центром скифо-сибирского культурного мира, как мы привыкли считать? Ведь географически они занимали далекую периферию этого мира и находились рядом со средиземноморскими цивилизациями, соседство и близкие контакты с которыми могли и подавлять их творческую деятельность.

¹ Нессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР. — СА, XVIII, 1954.

² Дернгольц В. Ф. Древнее сооружение Тувы — конденсатор паров наземной атмосферы. — Природа, 1964, № 8; Кыласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности. — СА, 1960, № 3.

³ См. статьи М. П. Грязнова и М. Х. Маншай-оола в следующих изданиях: Уч. зап. ТНННЯЛН, 16, 1973; 17, 1975; АО 1971—1974 гг. М., 1972—1975.

⁴ Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950, с. 70.

⁵ АО 1973 г. М., 1974, с. 193.

⁶ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, с. 36.

⁷ Грач А. Д. Альдыбельская культура раннескифского времени в Туве. — В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975.

⁸ Кыласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы. — Вестник МГУ, сер. ист.-филол., 1958, № 4.

⁹ Грязнов М. П. Памятники майэмурского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. — КСИИМК, XVIII, 1947.

¹⁰ Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры. — В кн.: Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

¹¹ Гончева Г. Два надгробных монументальных памятника фракийским вождям. — Thracia, I, Serdica, 1972.

¹² Уленова Н. Л. О связях Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Дуная с Востоком в киммерийскую эпоху. — В кн.: Фрако-скифские культурные связи. София, 1975.

¹³ Бидзила В. Н., Яковенко Э. В. Киммерийские погребения Высокой могилы. — СА, 1974, № 1.

¹⁴ Нессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. ..., рис. 19 и др.

¹⁵ Сорокин С. С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтырмы. — АСГЭ, 8, 1966; Грязнов М. П. Памятники майэмурского этапа. ..., с. 13.

¹⁶ Арсланова Ф. Х. Погребальный комплекс VIII—VII вв. до н. э. из Восточного Казахстана. — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974.

К ВОСТОЧНЫМ АСПЕКТАМ ИСТОРИИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

История ранних кочевников Средней Азии и Казахстана, весьма скудно освещенная в дошедших до нас письменных источниках, на протяжении последних десятилетий все более полно реконструируется на базе широкого привлечения археологических материалов. Их интенсивное накопление позволяет постепенно заполнять существенные пробелы в наших сведениях и в то же время приводит к необходимости уточнения и даже пересмотра сложившихся представлений.

К числу насущных задач в этой области исследователей с полным правом можно отнести создание детальной исторической периодизации, основанной на учете всех имеющихся фактических данных. Необходимой подготовительной ступенью для этого является выработка хронологической классификации археологических материалов, которая заменила бы ранее принятую рабочую схему, в основном повторяющую периодизацию, в свое время разработанную для западных областей степного пояса.

В связи с этим существенное значение приобретает оценка различных факторов, оказывавших воздействие на развитие ранних кочевников рассматриваемой территории, их состав и культуру. К таким факторам относятся контакты с ранними кочевниками восточных областей степного пояса. Отдельные свидетельства таких контактов отмечались исследователями, но интерпретация их обычно была затруднена ограниченностью фактической базы для сопоставлений. Основное внимание привлекали к себе те среднеазиатско-казахстанские материалы, которые говорили о западных связях.

Но на протяжении последних десятилетий заметно расширились данные о культуре племен, обитавших в восточной части степного пояса, включая Центральную Азию. Поэтому теперь мы можем более полно судить относительно роли этого направления связей, в частности и для времени, предшествующего большим миграциям, о которых мы уже располагаем хотя бы краткими сообщениями письменных источников. Следует отметить, что восточные связи вырисовываются уже в эпоху бронзы, когда на территории Казахстана распространена культура карасукского облика¹. Вне зависимости от точки зрения на истоки и конкретный ход процесса ее формирования имеются достаточно определенные свидетельства сильного воздействия племен, обитавших в Южной Сибири и Центральной Азии, очевидно, обусловленного какими-то передвижениями части последних на запад. Особого внимания заслуживает то, что это воздействие имело место в период, непосредственно предшествующий переходу обитателей степей к кочевой форме скотоводства.

Для оценки роли восточных областей в процессах, протекавших на территории степного пояса в скифскую эпоху, первостепенное значение имеют результаты раскопок большого царского кургана Аржап в Туве. По компетентному заключению М. П. Грязнова, здесь «скифская триада» сложилась раньше, чем в западных областях². Трудно переоценить значение данного положения для понимания динамики распространения культур нового облика в степях. Теперь отчетливо вырисовывается потребность нового специального исследования вопросов о времени и путях формирования «скифской триады» с привлечением всех имеющихся сейчас материалов. Применительно к рассматриваемой территории к этому общему положению добавляются частные вопросы, касающиеся интерпретации фактов, указывающих на внешние контакты.

Так, например, заслуживает специального рассмотрения неоднократно отмечавшийся исследователями факт одновременного существования в Средней Азии и Казахстане в ранний период скифской эпохи черешковых и втульчатых наконечников стрел³, что, как известно, характерно прежде всего для восточных областей степного пояса. Новые материалы из памятников Центральной Азии дают основания предполагать, что территория возникновения черешковых наконечников стрел была шире, чем ареал господства андроновской культуры, в котором принято искать их прототипы. Сейчас еще нет возможности установить направление распространения таких наконечников стрел, но восточное происхождение их во всяком случае столь же вероятно, как и казахстанское.

Уже первый исследователь археологических памятников Восточного Памира А. Н. Бернштам отметил ряд важных восточных аналогий для материалов из раскопанных им на этой территории погребений скифской эпохи⁴. С появлением новых материалов из Центральной Азии круг возможных сопоставлений может быть расширен и конкретизирован. Следует считать очень существенным, что характерное для памятников Восточного Памира скорченное положение скелетов теперь вряд ли (без серьезных дополнительных обоснований) можно трактовать как пережиток более раннего обряда. Это положение устойчиво сохраняется на протяжении всей скифской эпохи в Туве и южнее ее и, таким образом, выступает как специфика большого массива племен Центральной Азии.

При учете других восточных черт (например, наличия деревянных наконечников стрел) скорченность погребенных приобретает важное значение для суждений о происхождении кочевников, периодически обитавших на Восточном Памире. Возможность видеть в них постоянное и многочисленное население (а тем более целую группу сакских племен) справедливо поставлена под сомнение исследованием С. С. Сорокина⁵. При отсутствии для рассматриваемых погребений достаточно близких параллелей по комплексу признаков в Средней Азии вполне допустимо предполагать, что они принадлежат кочевым обитателям соседних областей Центральной Азии, временами использовавшим эти высокогорные пастбища.

Важные объективные свидетельства предоставляют также палеоантропологические материалы, накопление которых продолжается параллельно с ростом археологических данных. Особого внимания заслуживают результаты исследования черепов из могильников Уйгарак и Тагискен: здесь выявлены монголоидные черты, по-видимому центральноазиатского происхождения, причем преимущественно у женщин⁶. Это говорит о наличии выходцев из восточных областей недалеко от Аральского моря. Контакты с ними, судя по палеоантропологическим данным, носили не эпизодический, а устойчивый и, видимо, длительный характер.

Приведенными выше фактами далеко не исчерпываются имеющиеся сейчас свидетельства ранних контактов между среднеазиатско-казахстанскими кочевниками и населением восточных областей степного пояса. Большинство новых материалов еще не опубликовано, и обращение к ним пока невозможно. Но тем не менее мы имеем достаточные основания считать, что это направление связей должно в полной мере учитываться уже с начала перехода обитателей степей к кочевому скотоводству. В частности, принимая во внимание свидетельства археологии (в том числе и относящиеся к эпохе бронзы) и сведения о повторяющихся миграциях с востока на запад со II в. до н. э., можно предполагать, что племенные передвижения в этом же направлении имели место также в скифскую эпоху.

Различные данные говорят о том, что следует с большим доверием и вниманием относиться к сообщениям античных источников о событиях, происходивших в глубинах Азии еще до середины I тысячелетия до н. э. Здесь имеются в виду хорошо известные рассказы Геродота (IV, 13) и некоторых других авторов о последовательном вытеснении одних пле-

менных групп другими, что привело к уходу киммерийцев в Малую Азию. Первоисточником этих сведений является недошедшая до нас поэма Аристея Прокопнесского «Аримаспея», вероятно, составленная с использованием каких-то данных, полученных от скифов.

Детальное рассмотрение упомянутых рассказов и связанного с ними круга сложных вопросов, их новый анализ позволили бы несколько полнее понять процессы и события, происходившие в степном поясе в начале скифской эпохи. Признание реальности крупных и локальных племенных передвижений представляется одним из необходимых условий для правильной реконструкции древнейших этапов истории ранних кочевников.

Весьма важной вехой в истории всей Средней Азии было передвижение в ее пределы во II в. до н. э. юечжей, первоначально обитавших на территории Центральной Азии⁷. Ввиду почти полного отсутствия сведений о них для предшествующего периода нет возможности установить, почему они избрали именно это направление. Можно лишь предполагать, учитывая некоторые другие данные, что здесь сыграли роль более ранние связи между южными областями Центральной Азии и Средней Азией, впоследствии послужившие базой для возникновения «шелкового пути».

Уход юечжей на запад, несомненно, должен рассматриваться как крупная по масштабам миграция большой и сильной группы племен. Об этом говорит характеристика оставшихся («малых») как слабых и мало-численных, а также приводимые в источниках сведения о численности «больших» в I в. до н. э.: 400 тыс. человек, в том числе 100 тыс. воинов. Мы не можем установить, насколько точны эти цифры, но они во всяком случае исключают возможность предполагать, что в Среднюю Азию пришли лишь незначительные и небоеспособные остатки ранее существовавшего могущественного объединения. Против этого говорит и весь ход событий.

Первый этап движения юечжей закончился в Семиречье или на близлежащей территории⁸. Непосредственным следствием его было вытеснение отсюда сакских племен, положившее начало новой крупной миграции, завершившейся в Индии. Хотя нет оснований полагать поголовный уход саксов, здесь произошли весьма существенные изменения в составе населения и политической ситуации. Последовавший вскоре второй этап миграции юечжей был обусловлен наступлением на них с востока усуней, ранее являвшихся их соседями в первоначальных местах обитания. Он завершился в Северной Бактрии: на этот раз конечной целью являлась область с земледельческим населением, а не степная территория. В данном случае мы также не знаем, было ли это направление случайным или сознательно выбранным, более вероятно последнее. Результатом вторжения юечжей на юг от Сырдарьи явилась гибель Греко-Бактрийского царства — событие, которое должно рассматриваться в одном ряду с происшедшей более чем на столетие раньше ликвидацией парнами власти селевкидских наместников в Парфии. В данном случае пришельцы из Центральной Азии выступили в качестве наиболее активной и решающей силы при завершении серии событий, отражавших общую тенденцию к ликвидации последствий завоеваний Александра Македонского. Этническая и политическая карта Средней Азии снова претерпела заметные изменения, имевшие далеко идущие последствия.

Создание юечжами в I тысячелетии н. э. обширной Кушанской империи привело к появлению ряда новых факторов, оказывавших воздействие и на кочевое население рассматриваемой территории. Возникновение сильного централизованного государства не могло не отразиться на традиционной системе взаимоотношений между жителями земледельческих оазисов и обитателями степей в сторону ее стабилизации. В новой ситуации для военной активности кочевского населения степей имелись лишь ограниченные возможности, и следует предполагать, что, наоборот,

кушаны распространили свое влияние (если не политическую власть) на северных соседей.

Весьма активная и успешная экспансия кушан на юге, в направлении Индии, позволяют предполагать вовлечение в нее кочевнической периферии. В данном случае возможны суждения по аналогии, опираясь на сведения об использовании парнами своих соседей в военных предприятиях, имевших такие же цели, на территории Ирана. При этом следует учитывать кочевническое происхождение как кушан, так и Аршакидов, стремление и тех и других к сохранению своего хозяйства и этнографической специфики.

Время существования Кушанской империи характеризовалось значительным расширением и упрочением связей Средней Азии с более восточными территориями, что особенно четко проявилось в установлении активных торговых сношений между ними по «шелковому пути». При этом археологические материалы показывают, что предметы восточного происхождения получили распространение также среди кочевников, обитавших вдали от этого пути и не связанных с транзитом товаров. К ним, очевидно, вели какие-то локальные пути, установить которые пока невозможно.

Вопрос о том, в какой мере юечжи оказали воздействие на культуры местных кочевых племен, пока еще фактически не исследован, что обусловлено в большой степени трудностью точно датировать соответствующие материалы. Немалое значение тут имеет и нерешенность проблемы кушанской хронологии. Но некоторые явления, отчетливо выраженные в первые века нашей эры, очевидно, следует связывать с появлением новых этнических элементов. Это — распространение подбойных могил, характерных, судя по памятникам Северной Бактрии, для юечжей, оружия и принадлежностей одежды определенных типов. Сходство ряда этих элементов с теми, которые хорошо известны у сарматских племен, неоднократно отмечалось исследователями, однако оно не дает никаких оснований сомневаться в их непосредственной связи в данном случае с пришельцами из Центральной Азии.

Для правильного и всестороннего понимания процессов, происходивших на протяжении первых веков нашей эры в среде кочевого населения северных областей Средней Азии, необходимо планомерное исследование многочисленных там могильников так называемого подбойно-катакомбного типа. Трудности, возникающие при их интерпретации, наглядно свидетельствуют о сложности этих процессов и воздействии на них различных факторов. Среди них весьма важное место принадлежит одному крупному племенному передвижению с востока — переселению в Семиречье усуней. Это также была миграция больших масштабов, хотя, по-видимому, проводившаяся на менее значительных пространствах. Численность усуней составляла по данным источников 630 тыс. человек⁹, т. е. их было больше, чем юечжей.

Появление усуней завершило процесс смены населения в Семиречье и соседних районах, хотя источники сначала упоминают о наличии тут также отдельных групп саков и юечжей¹⁰. Позднее это уже не повторяется, что говорит о малочисленности и быстрой ассимиляции этих групп. Этому не противоречат и материалы из исследованных тут памятников. Письменные источники упоминают усуней вплоть до V в. н. э., из чего можно сделать вывод о прочном освоении ими новых земель. Археологические данные указывают на то, что территория их расселения с течением времени расширялась, но когда и как это происходило, установить невозможно из-за трудностей в точной датировке памятников.

Усуни были новой политической силой в Средней Азии. В известной мере они явились действенной преградой для расширения зоны военных и дипломатических предприятий Ханьского двора в западном направлении. В то же время их численный перевес, вероятно, ограничивал сферу

активности Кушанской империи в северо-восточной части Средней Азии. Таким образом, усуни являлись существенным фактором в сохранении относительно стабильной ситуации на значительной части Азиатского материка.

Следует с должным вниманием относиться также к их роли в развитии связей между Средней Азией и более восточными областями. Хотя фактические сведения здесь ограничены, некоторые суждения возможны. Известно, что «шелковый путь» проходил южнее Семиречья, но, несомненно, существовали какие-то ответвления от него в северном направлении, использовавшиеся как в дипломатических, так и в торговых целях. Во всяком случае с уверенностью можно говорить о том, что одно из них связывало ставку усуней с Восточным Туркестаном и через него с Дальним Востоком; судя по известным нам фактам политической истории, оно функционировало длительное время.

Всестороннее исследование культуры усуней на основе накопившихся сейчас обширных археологических материалов следует считать одной из насущных задач в области изучения ранних кочевников Средней Азии и Казахстана. При этом серьезного внимания заслуживает вопрос о соотношении ее с культурами населения разных областей Центральной Азии. Своеобразие погребального обряда усуней — в частности, ограниченность сопровождающего инвентаря в могилах — создает определенные трудности. Но тем не менее очевидно, что можно будет выявить некоторые формы керамики и металлических изделий, характерные и для более обширной территории на восток от Средней Азии.

Неоднократно рассматривавшийся в специальной литературе вопрос об интерпретации сходства между археологически фиксируемыми культурами саков и усуней должен решаться с полным учетом сообщений письменных источников, в достоверности которых, как правило, нет оснований сомневаться. Само это сходство имеет немалое значение для суждений об этнической принадлежности усуней, и притом не меньшее, чем попытки установления их языка по дошедшим до нас титрам, именам и географическим названиям. Как показывает опыт исследования титулатуры и опомастики сюнну и гуинов, здесь требуется весьма осторожный и критический подход к восстановлению древних звучаний, а также учет большой вероятности заимствований.

Весьма существенным пробелом наших знаний о ранних кочевниках Средней Азии и Казахстана является недостаточность сведений о племенах, именуемых в источниках канцзюй. Это название известно с конца II в. до н. э., что, однако, само по себе не позволяет делать какие-либо определенные выводы о времени его появления. Это было, судя по данным о численности¹¹, крупное племенное объединение, но о местах его обитания имеется лишь весьма общее указание, что канцзюй жили северозападнее Ферганы¹². Это позволяет искать их ориентировочно на среднем и нижнем течении Сырдарьи и в областях, расположенных северо-восточнее этой реки. Более точных сведений нет, что сильно затрудняет атрибуцию и соответственно привлечение археологических материалов для решения неясных вопросов.

Со значительной степенью вероятности можно предполагать, что канцзюй были прямыми потомками ранее обитавших здесь сакских племен и, таким образом, одной из основных местных групп ранних кочевников рассматриваемой территории в последние века до нашей эры и первые века нашей эры (наряду с потомками массагетов в Закаспии). Несмотря на удаленность от путей движения племен восточного происхождения, и они не избежали определенного воздействия со стороны последних. Так, письменные источники указывают, что канцзюй на юге признавали власть юечжей, а на востоке — сюнну¹³. Эти данные относятся ко II в. до н. э.; сколь длительно было подчинение и когда оно прекратилось, сведений не имеется. Но из последующих событий, в частности среднеазиатской эпо-

нен шаньюя Чжичжи, видно, что связи с востоком сохранялись и в дальнейшем.

Весьма показательны, что завершающим эпизодом событий 91 г. н. э., приведшим к фактическому уничтожению могущества северных сюнну, было бегство шаньюя последних на запад: по одним данным, к усуням, по другим — в Канцзюй¹⁴. Из указаний источника, что «малосильные» остались севернее Кучи, видно, что с шаньюем ушло значительное число его подданных. Все это дает основание полагать, что в конце I в. н. э. какая-то группа беглецов из Монголии обосновалась в пределах Казахстана — вероятно, на землях канцзюй.

В 1940 г. А. Н. Бернштам, основываясь на результатах своих раскопок Кенкольского могильника на Таласе, сделал попытку выделить здесь материалы, связанные, по его мнению, с сюнну¹⁵. Эта попытка оказалась неудачной ввиду неверных датировок и увлечения исследователя своей недостаточно обоснованной исторической концепцией¹⁶. Тем не менее, вопрос о пребывании сюнну на рассматриваемой территории не может быть снят. Кроме упомянутых известий письменных источников, необходимо учитывать и свидетельства археологических материалов, как старых, так и новых. На некоторые из них, наиболее показательные, уже обращалось внимание ранее¹⁷, что избавляет от необходимости повторять соответствующие сопоставления. Следует лишь подчеркнуть, что назрела необходимость заново рассмотреть указанный выше вопрос с использованием как средне-, так и центральноазиатских материалов, значительно возросших за последние десятилетия. Не предвещая результатов будущего исследования, можно во всяком случае констатировать распространение в среде определенных групп кочевого населения Казахстана довольно отчетливых черт культуры восточного происхождения.

Приток нового населения с востока продолжался затем в IV в. н. э. и, вероятно, также в V в. н. э. Появление в этот период хионитов, а затем эфталитов привело к созданию нового обширного политического объединения во главе с кочевнической династией. Однако оно просуществовало недолго и пало под ударами тюрков. Указанные два столетия остаются «темным» периодом, для которого еще нет достаточно твердо датированных археологических материалов. Кроме того, нет также возможности уверенно связывать последние с упоминаемыми в источниках племенами гуинов.

Все изложенное выше позволяет прийти к заключению, что восточные связи в разных их проявлениях были одним из важных факторов, оказывавших заметное влияние на историю ранних кочевников Средней Азии и Казахстана. Они начались уже на позднем этапе эпохи бронзы и затем продолжались с разной степенью интенсивности вплоть до средневековья. Крупные племенные передвижения приводили к изменению состава населения степных областей, к внутренним локальным его перемещениям, создавали новые политические ситуации и способствовали распространению элементов культуры, не свойственных местным кочевым племенам. Кроме того, в определенные периоды активную роль играли торговые сношения с востоком, в которые вовлекались также области, лежавшие в стороне от магистральных путей.

Необходимость всестороннего учета этого фактора при выработке периодизации истории ранних кочевников рассматриваемой территории вряд ли требует дополнительных доказательств. Конечно, следует брать за основу этапы развития местных племенных групп и учитывать такие явления, как пока еще гипотетическая миграция с востока в начале скифской эпохи, смена населения в Семиречье и расселение юечжей в Среднеазиатском междуречье во II в. до н. э. Можно полагать, что периодизация — отчасти именно в силу сказанного — будет отличаться от принятой для западных областей степного пояса. Для нее необходимо, судя по всему, более дробное членение на периоды, или этапы, и учет

различий путей развития отдельных племенных групп, обусловленных прямо или косвенно воздействием восточных соседей и последствиями крупных миграций.

- ¹ Грязнов М. П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. — СА, XVI, 1952; Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 68 сл.
- ² Грязнов М. П. К хронологии древнейших памятников эпохи ранних кочевников. — Успехи среднеазиатской археологии, З. Л., 1975, с. 9 сл.
- ³ См., например: Маргулан А. Х. и др. Древняя культура..., с. 376 сл.
- ⁴ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, № 26, 1952, с. 318 сл.
- ⁵ Сорокин С. С. О хронологических формулах и значении термина «могильник». — Успехи среднеазиатской археологии, З. Л., 1975, с. 17 сл.
- ⁶ Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972, с. 112.
- ⁷ Точные даты всех событий, связанных с движением юечжей на запад, неизвестны.
- ⁸ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена, т. II. М.—Л., 1950, с. 183.
- ⁹ Там же, с. 190.
- ¹⁰ Там же, с. 191.
- ¹¹ Там же, с. 184.
- ¹² Там же, с. 150, 184.
- ¹³ Там же, с. 150.
- ¹⁴ Там же, с. 259.
- ¹⁵ Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. Л., 1940.
- ¹⁶ Сорокин С. С. О датировке и толковании Кенкольского могильника. — КСНИМК, 64, 1956.
- ¹⁷ Мандельштам А. М. К гуинопской проблеме. — В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975, с. 236.

Л. Р. КЫЗЛАСОВ

К ИЗУЧЕНИЮ ОЛЕННЫХ КАМНЕЙ И МЕНГИРОВ

За последнее время проблема оленных камней из традиционной локальной темы археологов Сибири и Центральной Азии превратилась в важную проблему и для исследователей, изучающих древние культуры западной оконечности степного пояса Евразии. Было известно, что, кроме Забайкалья, Монголии и Тувы, оленные камни встречаются в южной части Горного Алтая, относящейся территориально к Восточному Казахстану и Горно-Алтайской АО¹. В 1948 г. я обнаружил оленный камень простейшей формы на р. Кенгир в Центральном Казахстане. В 1964 г. был опубликован оленный камень из Оренбургской обл.² Наконец, два несомненных оленных камня найдены на Балканах, в Болгарии и Румынии³. Обращает на себя внимание, что оленные камни, известные к западу от Алтая, не несут собственно оленных или других звериных изображений и потому, вероятно, являются наиболее ранними, относящимися ко времени, предшествующему распространению скифо-сибирского звериного стиля. Это подтверждается тем, например, обстоятельством, что оленный камень из с. Белоградец в Болгарии найден в насыпи кургана, сооруженного в VIII—VII вв. до н. э.⁴

Несомненно, что распространение ранних оленных камней так далеко на запад связано с миграцией в предскифское время какой-то степной этнической группы из Южной Сибири или Северо-Западной Монголии. Вероятнее всего, это были носители карасукских традиций в материальной культуре, которые в Центральном Казахстане оставили не только олен-

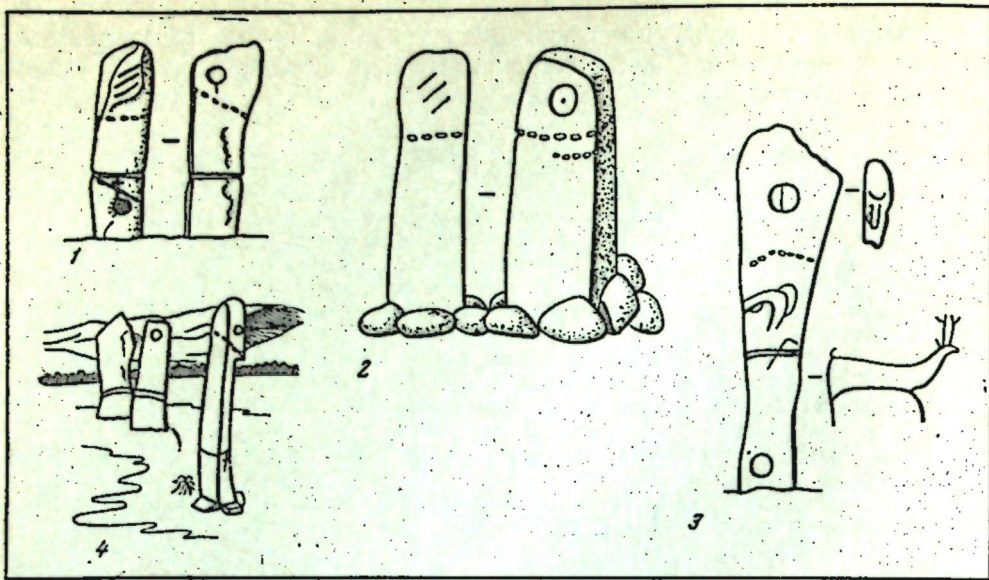

Рис. 1. Оленьи камни из Северной и Центральной Тувы

1 — с. Уюк (С. А. Теплоухов, 1929 г.; прорись фотографий); 2 — р. Шагонар (С. А. Теплоухов, 1926 г.; прорись фотографий); 3 — р. Бегире (рисунок А. В. Адрианова, 1916 г.); 4 — ряд на р. Боли-Кол (С. А. Теплоухов, 1927 г.; прорись фотографий)

ные камни, но и погребальные памятники дандыбай-бегазинской культуры.

Исследователи отмечают карасукское воздействие на культуру Хорезма, тесную связь ранних тагискенских могильников на Сырдарье с той же дандыбай-бегазинской культурой. Далее на западе поселения с «карасукской» (точнее, дандыбай-бегазинско-тагискенской) посудой обнаружены уже на левобережье Нижнего Поволжья⁵. Карасукское оружие распространяется в Северном Причерноморье и оказывает сильное влияние на местные формы⁶.

Но вернемся к оленьим камням. Изваяния без изображений животных, того же раннего типа, что и открытые в Казахстане, Оренбургской обл. и на Балканах, известны и в Туве. Часть из них уже опубликована⁷. Однако без археологической датировки и определения культурной принадлежности ни каменные изваяния, ни стелы с рисунками, ни менгиры не станут полноценными источниками. И здесь далеко не достаточны датировка или классификация оленьих камней только по изображенным на них предметам. Важна «привязка» этих памятников к определенным курганам, жертвенным кострищам, ямам или к находимым под дерном черепкам⁸. Поэтому при дальнейших исследованиях любых изваяний, оленьих камней, стел и менгиров вокруг них обязательно следует производить раскопки⁹.

Наиболее ранние оленьи камни из известных в Туве выделены мной при первом описании уюкской культуры. К VII—VI вв. до н. э. были отнесены изваяния Уюк-Аржан и из с. Туран. Основанием послужили стилистические особенности фигур благородных оленей, стоящих друг над другом (совершенно подобных оленям, воспроизведенным на бронзовом риманоуэжском ноже), и изображение подвешенного спереди книжала со шпательной и наклонными усиками¹⁰. Такая датировка нашла подтверждение при находке обломка оленьего камня со стилистически сходными изображениями в кургане Аржан¹¹, который, по нашему мнению, сооружен в середине или второй половине VII в. до н. э.

Первый курган с оленьим камнем был раскопан еще в 1916 г.

А. В. Адриановым в долине р. Бегире, притоке Пий-Хема. Курган находился в логе Мунгаш-Чприк и внешне представлял собой плоское каменное полузадернованное кольцо (диаметр 8,5 м) со впадиной в центре. На восточной поле, в середине каменного кольца, стоял оленьий камень в виде расширяющегося кверху столба темно-серого песчаника (высота 2,84 м, поперечник 31×26,7 см).

Судя по описанию и рисунку А. В. Адрианова (рис. 1, 3), на северной стороне плиты были выбиты (сверху вниз) круг, разделенный чертой (диаметр 11 см), затем — «ожерелье», какая-то фигура, пояс с заткнутым за него Г-образным предметом и кружок в самом низу. На южной стороне камня (около 1 м выше основания) «контурами выбита фигура козла (?)». По рисунку А. В. Адрианова, можно думать, что это стоящий благородный олень. На восточной грани иной техникой («широкими отчетливыми выемками») выбита, очевидно много позднее, древнехакасская тамга¹².

В данном случае мы сталкиваемся с довольно редким обстоятельством, когда оленьий камень стоит у одновременной могилы, инвентарь которой может его датировать¹³. Хотя могила была ограблена, в деревянной камере уцелели кости скелета юноши, обломки трех уюкских сосудов, изогнутая золотая пластинка с отверстиями для пришивания, железный пластинчатый нож, бронзовый трехлопастный черешковый наконечник стрелы, бронзовое подковообразное украшение с двумя литыми кнопками для пристегивания к ремню. Ценной находкой явилась золотая серьга редкой формы, заканчивающаяся широким конусом, украшенным четырьмя «заклятиями» (в виде мелких гнезд из припаянных на ребре тонких пластинок), а между ними — золотой зернью. Снизу конус закрыт пластинкой с восемью дырочками. Вероятно, серьга имела четыре подвески.

По находкам курган относится скорее всего к V в. до н. э.¹⁴ Значит, и оленьий камень, стоявший на его восточной поле, датируется тем же временем. Это позволяет предположить, что оленьи камни подобного типа — с изображением стоящих оленей — относятся к V в. до н. э.

Приведем неопубликованные наблюдения С. А. Теплоухова, касающиеся оленьих камней Тувы. В 1929 г. он обнаружил в 1,5 км к северу от с. Уюк лежащий оленьий камень из девонского песчаника (длина 1,7 м, поперечник 0,35—0,4×0,3—0,35 м). Когда камень был поднят и поставлен в первоначальное положение, узкие его грани оказались обращенными на северо-запад и юго-восток. Юго-восточная грань имела вверху выступ с тремя косыми линиями, ниже вокруг камня шло «ожерелье», еще ниже — пояс с подвешенным посередине чеканом в виде схематично выбитой крестовидной фигуры. Чекан пересекает наклонная длинная черта, слегка округлая в верхней части, вероятно изображающая меч. Еще ниже, посередине грани, выбит сплошной круг с пятью черточками, отходящими от него в одну сторону (рис. 1, 1). Такая фигура редко встречается на оленьих камнях. На широких гранях у верхнего конца выбиты обычные кольца с короткими черточками, отходящими вниз.

Этот «рыбообразный» камень стоял в 3,7 м к югу—юго-западу от округлого каменного кургана (диаметр 3 м, высота 0,25 м), который был раскопан С. А. Теплоуховым (№ 150/56). Курган оказался помпильным. Под центром насыпи на нетронутом грунте лежала лодыжка овцы¹⁵.

В 1927 г. на правом берегу р. Боян-Кол (в 8 верстах выше впадения в Улуг-Хем) С. А. Теплоухов зафиксировал три оленьих камня (высота 1,8—2 м), стоявших в ряд с северо-востока на юго-запад (рис. 1, 4). Эти песчаниковые плиты были вкопаны на ровном месте, на расстоянии 3 м друг от друга. Узкими гранями они обращены на северо-запад и юго-восток. Их поперечные размеры (начиная с северо-восточного камня) 0,7×0,3; 0,6×0,16; 0,3×0,3 м. Две плиты (с северо-восточного края) имели пояса из двух параллельных желобообразных линий, выбитых на уровне

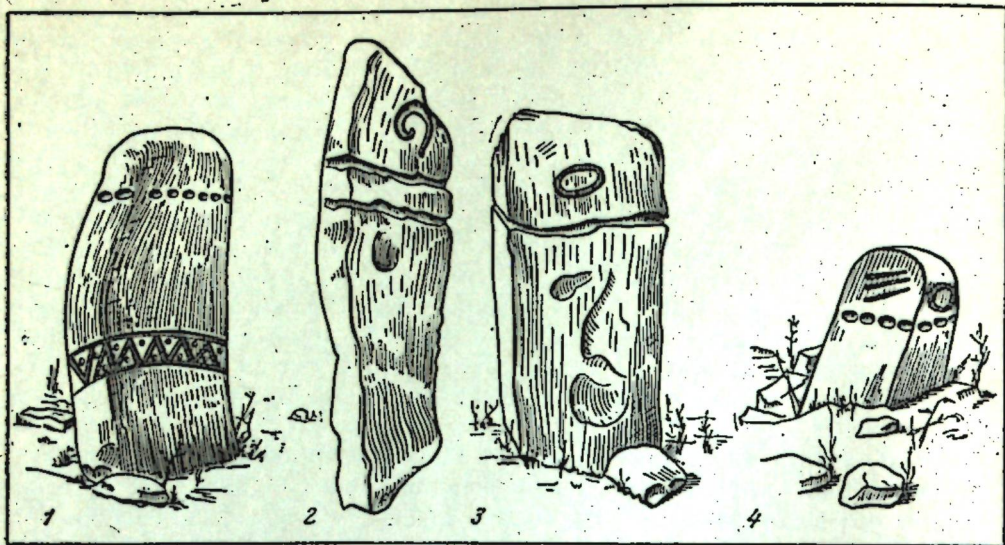

Рис. 2. Оленьи камни из Центральной и Южной Тувы (рисунки Л. Р. Кызласова, 1955 г.)

1, 2 — Кёжээлиг-Хову в Эрзине (1 — высота 1,76 м; 2 — длина 2 м); 3 — правый берег Улуг-Хема (высота 0,84 м); 4 — оз. Чагатай-Холь (высота 0,7 м)

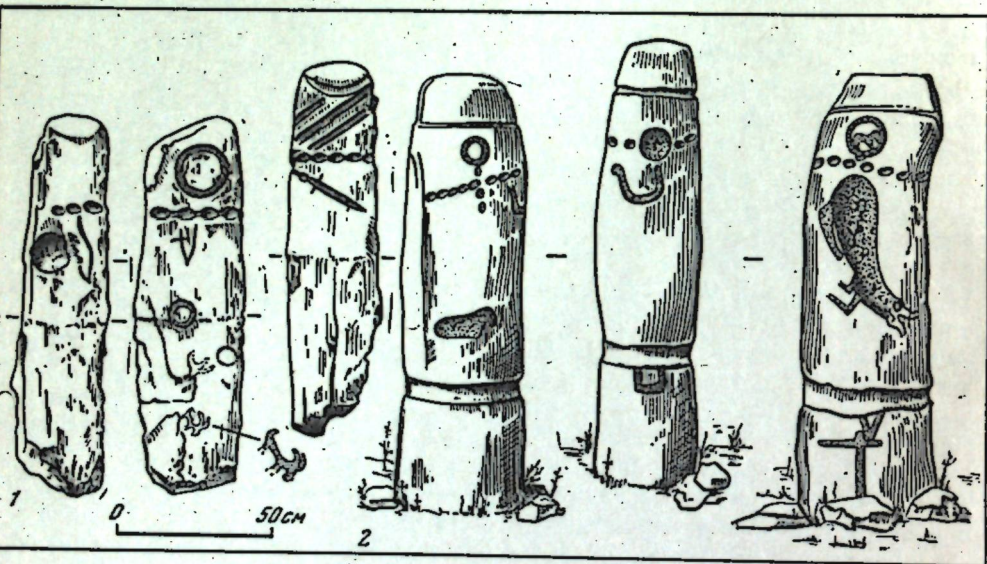

Рис. 3. Оленьи камни из Центральной и Южной Тувы (рисунки Л. Р. Кызласова, 1955 г.)

1 — д. Сосновка; 2 — гора Сайгын (северная, западная и южная стороны; высота 1,8 м)

нижней трети высоты. На средней плите сверху на юго-западной плоскости виден нечетко выбитый круг. Крайний юго-западный «рыбообразный» столб (с выломанным боком) на юго-восточной стороне сверху имеет три наклонные черты, «ожерелье» вокруг вершины, а на юго-западной грани сверху — круг, внизу — пояс в виде желобка, к которому подвешен схематично изображенный чекай с прямым перекрестьем (рис. 1, 4).

Еще один «рыбообразный» камень — речной валун (высота 1 м), стоявший в ряду с обычным менгиром, С. А. Теплоухов зафиксировал в 1926 г. в долине р. Шагонар. Он имел три наклонные линии, а ниже —

«ожерелье», охватывающее вершину. На широких плоскостях с обеих сторон выбиты круги и ниже — неполный ряд второго «ожерелья» (рис. 1, 2)¹⁶.

К сожалению, С. А. Теплоухов не произвел раскопок указанных рядов.

Сообщим здесь данные еще об одном ряде вертикально установленных менгиров. Он осмотрен нами при разведках 1947 и 1955 гг. в степи Кёжээлиг-Хову на плато правого берега р. Тес-Хем в Эрзинском р-не (в 6 км ниже по реке от пос. Сары-Булуи и в 2 км к северу от пос. Бай-Даг). Ряд из шести менгиров вытянут с северо-востока на юго-запад, как и вышеописанные оленьи камни. Высота столбов от 0,4 до 1,7 м, расстояние между ними от 1,5 до 3 м. На одном столбе (третий с северо-востока) на восточной плоскости сверху выбито изображение лося, а ниже — трех козлов друг под другом. Судя по стилю, эти изображения относятся к уюкской эпохе¹⁷. Вероятно, и сам ряд также относится к уюкскому времени. Это подтверждается «рыбообразным» камнем, который лежал возле описанного ряда (рис. 2, 2).

Не имея возможности дать подробную характеристику всем оленьим камням, обнаруженным мной в разных районах Тувы, привожу здесь рисунки некоторых из них (рис. 2 и 3). Один из них, стоявший на ровном поле в 3 км к востоку от д. Сосновка возле с. Бай-Хака, был вывезен и передан на хранение в Эрмитаж. Он интересен тем, что вырублен из скалы с писаницей — на нижнем конце столба, скрытом в земле, сохранились изображения (круг, фигурка горного козла и др.). На лицевой стороне, повернутой первоначально на восток, над тремя чертами выбит подумесяц, а к верхнему пояску (здесь уже не к «ожерелью») привешен книжал (рис. 3, 1). Еще один оленьий камень был обнаружен в верховьях р. Элегест в 1960 г. В урочище Могой (Сухая речка) у зимовки стоял невысокий (0,8 м) четырехгранный (0,3×0,3 м) камень со слабо-различными изображениями двух колец, двух «поясов», оленя, фигурки человечка (типа тагарских писаниц) и других неясных изображений. Последний оленьий камень, использованный вторично для руноподобной надписи, был выкопан нами в урочище Кезек-Хурээ на р. Межегей (в 1 км к северо-западу от пос. Алаак) и вывезен в Кызыльский музей¹⁸.

К какому времени относятся оленьи камни, публикуемые в настоящей статье, без специальных раскопок сказать невозможно. Не исключено, что наиболее ранними, еще развитого бронзового века, окажутся простейшие «рыбообразные» изваяния, не имеющие изображений животных, выполненных в характерном скифо-сибирском зверином стиле. Надо копать.

¹ Адрианов А. В. К археологии Западного Алтая. — ИАК, 62, 1916, рис. 33, с. 89, примен. 2; Древности. Труды МАО, т. II, вып. 2, 1886, табл. 1, 11—13; 2, 10, 14; Савинов Д. Г. Археологические памятники в районе хребта Чихачева. — АО 1971 г. М., 1972; он же. Работы на Горном Алтае. — АО 1972 г. М., 1973; Гранд I. G. Archäologische Beobachtungen von meinen Reisen in den nördlichen Grenzgegenden Chinas in den Jahren 1906. und 1907. — JSFOU, XXVI, 1909, Taf. IX, 30.

² Кызласов Л. Р., Маргулан А. Х. Плиточные ограды могильника Бегазы. — КСИИМК, XXXII, 1950, с. 136; Попов С. А. Археологические находки на территории Оренбургской области. — В кн.: Археология и этнография Башкирии, т. II. Уфа, 1964, рис. 1, 7, 8; Кызласов Л. Р. Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры. — СА, 1977, № 2.

³ Тоичева Г. Два надгробных монументальных памятника фракийским вождям. — Thracia, I. Serdica, 1972.

⁴ Тоичева Г. За раннего тракийско ювелирно майстерство. — Искусство, 1974, № 4; Тереножкин А. И. Киммерийские мечи и книжалы. — В кн.: Скифский мир. Киев, 1975.

⁵ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 62, 64, 71, 81—88; Мелентьев А. И. Керамика карасукского типа из Северного Прикаспия. — КСИА, 142, 1975. А. Н. Мелентьев совершает грубую ошибку, отделяя наконец-

КОНЬ В КУЛЬТАХ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ В ДРЕВНОСТИ И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Роль коня в истории цивилизации Старого Света вполне оценена в науке. Один из видных современных исследователей по истории domestикации животных, венгерский ученый С. Бокони, отмечает революционную роль коня в развитии транспорта. Благодаря приручению коня, практически стала возможной кочевая форма животноводства. «Волна кочевых народов», разгромившая Римскую империю, придала «новый облик всему континенту»¹. Этот пример, приведенный Бокони, не случаен. Хотя роль и значение коня надежно вырисовываются и в другие, более ранние эпохи, и в других регионах, например во II тысячелетии до н. э. на Ближнем Востоке, передвижения коневодческих племен на просторах евразийских степей в эпоху так называемого великого переселения народов следует признать исторически особо важным. Археологические памятники, оставленные здесь коневодческими кочевыми племенами этой эпохи, занимают исключительно большое место при исследовании проблем, связанных с историей коня. Основное внимание исследователей, когда речь идет об истории коня, концентрировалось на практическом его использовании в хозяйственно-экономической или военной областях. Но роль коня в идеологических представлениях народов степной зоны выяснена недостаточно.

Археологическими исследованиями погребальных памятников кочевых коневодческих племен установлен обычай помещать в могилу вместе с умершим то или иное количество коней или частей их, а также предметы конской сбруи, которые символически заменяли самое животное. Этот обычай засвидетельствован с эпохи неолита до недавнего времени.

Не миновал он и Средней Азии, хотя в условиях распространения земледельческой культуры он выражен не столь ярко, как это наблюдается в степи. Наиболее выразительно представлен он на памятниках Казахстана и соседних с ним северных районов Средней Азии.

В литературе давно дано объяснение этому обычаю. В основе его лежала вера в загробный мир, в котором покойного необходимо было снабдить всем тем, чем он пользовался при жизни. Конь, таким образом, являлся одним из предметов погребального инвентаря.

Это объяснение присутствия коня или того, что его заменяет, в могильном инвентаре стало хрестоматийным.

Некоторые исследователи пришли к заключению, что погребение вместе с покойником коня является отголоском, реликтом древнейшей тотемической идеологии². Следы весьма определенных тотемических представлений, связанных с конем, обнаруживают исследователи фольклора и этнографии народов Средней Азии и соседних областей.

Однако в целом тотемическая теория встретила весьма возражения. Так, по мнению М. И. Артамонова, лошадь символизировала иные идеологические, культовые представления³. Весьма решительно отрицает возможность истолкования пазырыкского искусства в духе тотемической идеологии С. И. Руденко, считающий, что тотемическая идеология свойственна более примитивным, чем пазырыкские, племенам с господствующим охотничьим укладом хозяйства. Как только животное приобретает устойчивое хозяйственное и иное значение, оно не может рассматриваться в общественном сознании в качестве тотема⁴. М. П. Грязнов

ники стрел в безазинских оградах от посуды «карасукского» облика и утверждая, что «они не являются единым комплексом» (с. 42).

⁶ Тереножкин А. И. Киммерийские мечи и книжалы; он же. Бронзовые книжалы предскифского времени. — В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. Ср.: Членова Н. Л. Карасукские находки на Урале и в Восточной Европе. — СА, 1973, № 2.

⁷ Granö I. G. Archäologische Beobachtungen... Taf. 1; 2; Appelgren-Kivalo H. Alt-altäische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931, Abb. 327—329, 331, 332; Маннай-оол М. Х. Оленные камни Тувы. — Уч. зап. ТНННЯЛН, 13, 1968.

⁸ Ср. результаты раскопок рядов менширов в Хакасии (Кыласов Л. Л. Поминальные памятники таптыкской эпохи. — СА, 1975, № 2; Кыласов Л. Р. Каменные «старушки» Хакасии. — АО 1971 г. М., 1972).

⁹ Примером уникального комплекса, понять который без раскопок невозможно, является один из поминальных Монголии (см.: Волков В. В., Новгородова Э. А. Оленные камни Ушкийн-Увэра. — В кн.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975, рис. 1).

¹⁰ Кыласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы. — Вестник МГУ, сер. ист.-филол., 1958, № 4, табл. II, 40, 43, с. 75, 85 и 99.

¹¹ Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х. Третий год раскопок кургана Аржан. — АО 1973 г. М., 1974, с. 194. Эта находка окончательно опровергла ошибочное мнение Н. Л. Чденовой о том, что тувинские оленные камни «относятся ко времени не ранее V в. до н. э.» (см.: Членова Н. Л. Об оленных камнях Монголии и Сибири. — В кн.: Монгольский археологический сборник. М., 1962, с. 33).

¹² Дневник раскопок, произведенных А. В. Адриановым в Урянхайском крае (рукопись, хранится в архиве Музея археологии Томского университета, № 78; коллекция там же, № 6041).

¹³ Мне известно еще два случая: 1) валун, лежавший с восточной стороны большого кургана «колеса» у горы Кызыл-Хая на р. Тыттыг-Хем (осмотрено Л. Р. Кыласовым в 1947 и 1955 гг.); 2) оленный камень у кургана на р. Эргест (см.: Appelgren-Kivalo H. Alt-altäische Kunstdenkmäler, S. 38, Abb. 332). На курганах же найдены и западные оленные камни в Оренбургской обл. и в Болгарии.

¹⁴ Аналогичные золотая серьга, железный нож и бронзовое украшение найдены С. М. Сергеевым в кургане 14 у с. Быстрийское на Алтае (см.: Завитухина М. П. Курганы у села Быстрийское в Алтайском крае. — АСГЭ, 8, 1966, рис. 3). Такая же золотая серьга из кладовско-каменской добычи начала XVIII в. известна по рисунку в книге Н. Витцена (см.: Радлов В. В. Сибирские древности, т. I, вып. 3. — МАР, № 15, 1894, приложения, с. 132, табл. III, 3).

¹⁵ Теплоухов С. А. Отчет о раскопках в Туве в 1926, 1927 и 1929 гг. (рукопись, хранится в архиве Музея этнографии народов СССР).

¹⁶ Дневники С. А. Теплоухова по работам в Туве в 1926 г. (тетрадь 14) и 1927 г. (тетрадь 18) хранятся в архиве Музея этнографии народов СССР. Рядом (по линии север—юг) стоят нередко оленные камни и в Монголии (см.: Волков В. В., Новгородова Э. А. Оленные камни Ушкийн-Увэра).

¹⁷ Ср.: Маннай-оол М. Х. Древнее изображение горного козла в Туве. — СА, 1967, № 1; Грач А. Д. Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла. — В кн.: Тюркологический сборник 1972. М., 1973. Работа М. Х. Маннай-оола представляется нам глубоко обоснованной, в отличие от тенденциозной, полной передержек статьи А. Д. Грача. Призывая отличать специфичные «тамгообразные изображения горного козла», А. Д. Грач неправомерно ссылается (с. 320) на тюркскую писаницу, найденную мной в Ак-Бешиме. Но там фигура козла не тамгообразная, а нанесенная неполным контуром. Это было отмечено Г. А. Брыкиной, справедливо указавшей аналогии по технике и стилю среди писаниц Сибири VI—VIII вв. (см.: Брыкина Г. А. Кайрак (галык) с тюркской писаницей из Ак-Бешима. — КСИИМК, 76, 1959). Удивляет заявление А. Д. Грача (с. 324) со ссылкой на мою статью, что я якобы разделяю его точку зрения. В указанной статье ни слова не сказано ни об А. Д. Граче, ни об изображениях тамгообразных козлов. Упомянуто лишь «сходство тамгообразных знаков», которые не являются изображениями козлов (см.: Кыласов Л. Р. О связях киргизов Енисея и Тянь-Шаня. — Труды КЭА, т. III. Фрунзе, 1959). Утверждая, что ареал изображений козлов на скалах охватывал «все земли, где расселились древнетюркские племена» (с. 323), или отражал «ареал расселения племен, входивших в состав каганата тугю» (с. 325), А. Д. Грач не упоминает, что писаницы с изображением тамгообразных козлов распространены в Тибете и в Аравии (см.: Hummel S. Geschichte der tibetischen Kunst. Leipzig, 1953, Abb. 8; Anati E. Rock-Art in Central Arabia, t. 3, v. 1, Louven, 1968, fig. 7, 24, 38, 84, 99; v. 2, fig. 1, 5, pl. IX, 6). Как известно, ни Тибет, ни Аравийский полуостров никогда не входили в зону расселения древнетюркских племен или в состав тюркского каганата.

¹⁸ Кыласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности. — СА, 1960, № 3, рис. 10, 1.

придерживается довольно близкой точки зрения, относя тотемические представления к глубокой древности, когда животные представлялись «родоначальниками и покровителями племени»⁵. Л. Р. Кызласов тоже сдержанно относится к тотемической теории применительно к раннесредневековым памятникам, например Кудырге⁶.

Параллельно с тотемической теорией выдвинута так называемая хтоническая теория, согласно которой конь в погребальном ритуале, а также на многих памятниках изобразительного искусства олицетворял божество подземного царства, потустороннего мира.

О связи образа коня с хтоническими божествами подробно писал Е. Г. Кагаров⁷. Последние специальные исследования некоторых зарубежных ученых, склоняющихся к хтонической теории относительно культа коня, рассмотрены Е. М. Штаерман⁸.

Этой точки зрения придерживается и С. Бокони. По его словам, на протяжении всех веков от неолита до принятия христианства обычай помещать коня вместе с покойником в могилу связан с хтоническими представлениями⁹.

Отзвуком аналогичных хтонических представлений о коне следует признать доныне существующее название похоронных носилок у горных таджиков — «деревянный конь» (аспи-чубин). Исследователь похоронных обычаев Таджикистана А. К. Писарчик отмечает, что это образное название для похоронных носилок обычно в фольклоре таджиков. Известно оно и в Каракалпакии¹⁰.

Хтонические божества воспринимались в древности не только как персонажи подземного мира, связанные с умершим. В них видели божества, от которых зависело и благополучие оставшихся в живых. По-видимому, именно в этом смысле следует интерпретировать описываемый С. В. Ивановым обычай манси. В один из дней конца декабря дети лепили из теста разных животных, в том числе и коней. На следующий день разрезали тестяные фигуры, что, согласно С. В. Иванову, символизировало акт убийства зверей. Затем их съедали, что должно было способствовать благополучию домашнего скота. Примечательно, что среди вылепленных из теста животных имелся конь, хотя современные манси в хозяйстве лошадей не пользуют¹¹. Аналогичный обычай изготовления из теста животных, а затем их поедания отмечает М. С. Андреевым на Памире¹².

Образ коня был связан с космогонической идеологией и в первую очередь с солярным культом. Многочисленные памятники искусства, изображающие крылатых коней и так называемые солнечные колесницы, запряженные конями, открыты в Средней Азии и Казахстане (рис. 1, 1—3; 2, 1).

Представления о конской колеснице, символизирующей дневное светило, связаны с приручением коня коневодческими степными племенами и развитием колесного транспорта.

Вероятно, не случайно, что именно одно из кочевых коневодческих племен Средней Азии — массагеты — обоготворяли дневное светило, символом которого являлся конь. Речь идет о часто приводимом исследователями сообщении Геродота (I, 216) о массагетах, которое гласит, что они «чтут только солнцу, которому приносят в жертву коней». Смысл такого жертвоприношения, по словам Геродота, заключался в том, «что быстрейшему из всех богов подобает быстрейшее из всех животных». Согласно сообщению Ксенофонта, у армян жертвенный конь был посвящен Гелиосу-солнцу¹³. Павсаний сообщает, что сарматы приносят своим богам коней. По мнению К. Ф. Смирнова, это относится к солнцу (по другим источникам солнцу, помимо коня, были посвящены также орел и олень)¹⁴.

Роль коня в солярном культе нашла отражение в авестийских текстах. Так, в Яште (гимне), посвященном Митре, божеству утреннего

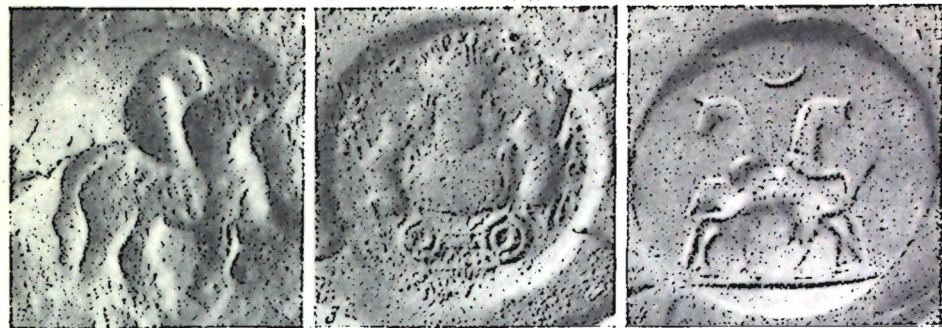

Рис. 1. Изображения коней и «солнечных» колесниц

1 — оттиск печати на глиняной булле (древний Пенджикент); 2 — обуглившееся резное дерево (древний Пенджикент); 3 — оттиск печати на глиняной булле (Ак-тепе); 4 — оттиск геммы (Ташкент, Музей истории УзССР); 5 — бронзовая бляха (Ордос)

солнца, говорится, что ему поклоняются «сидящие на крупе своих коней, прося силы для них (коней)»¹⁵.

В Яште, посвященном самому солнцу, говорится, что оно обладает быстрыми конями.

Как и Митра, солнце представляется в Авесте в виде «сверкающей повозки, в которую впряжены небесные кони». Последние слова авестийского текста о «небесных конях» особенно интересны для понимания роли коня в космогоническом культе иранцев.

Посол и путешественник Чжан-Цзян, посетивший в 20-х годах II в. до н. э. Среднюю Азию, описывая область Давань, сообщает, что там

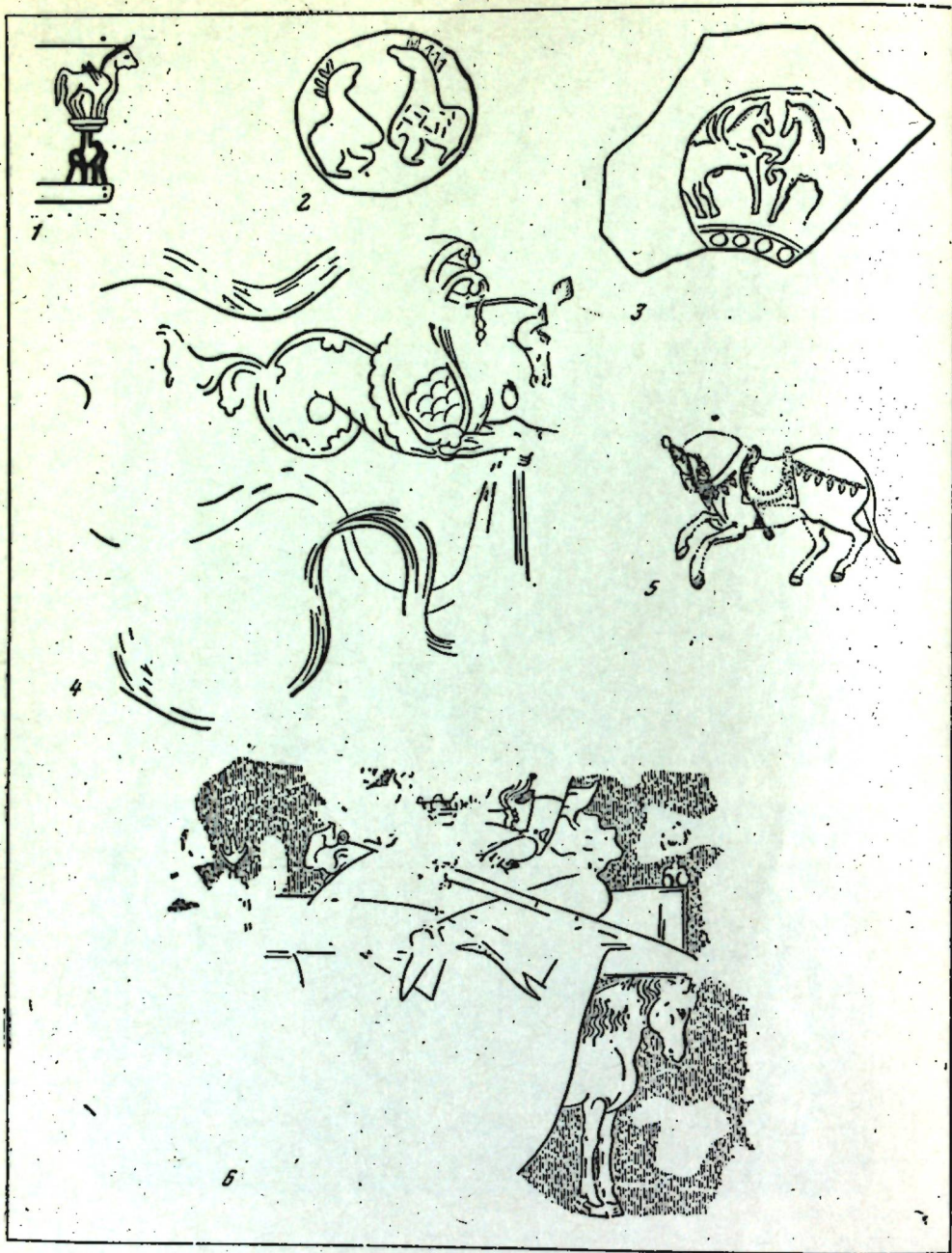

Рис. 2. Изображения коней

1 — золотая диадема из Каргалы (деталь, Казахстан); 2 — гемма из Нисы (Южный Туркменистан); 3 — оттиск штампа на керамическом сосуде (Беграм, Афганистан); 4—6 — прорисовка стеной живописи (древний Пенджикент)

много аргамаков, которые якобы имеют кровавый пот и происходят от породы небесных лошадей¹⁶. Название Давань и сообщение о даванских небесных лошадях связывают с Ферганой. А. Н. Бернштам, посвятивший специальный экскурс этой породе ферганских лошадей, сопоставил с ними наскальные изображения группы коней в местности Араван¹⁷, а Ю. А. Заднепровский — недавно открытые наскальные изображения коней в местности Курис-Тау¹⁸. Миф о ферганских небесных конях неоднократно упоминался в работах историков.

Однако, по мнению Э. Г. Пуллейбланка, Давань является китайской поздней передачей термина То-хар. Таким образом, речь может идти о тохарской (или тохаристанской) породе коней. Именно с этой породой коней связан целый клубок достоверных исторических преданий и легенд, в котором переплелись культ коня со сведениями о реально существовавшей породе лошадей.

В связи с сообщениями о небесных конях Э. Г. Пуллейбланк приводит мнение английского ученого Уайли о том, что кони светло-золотистой масти, найденные в Пазырыкских склепах, принадлежат к породе тохаристанских небесных коней, а сами погребенные в курганах были тохарам¹⁹. Синонимом названия тохары признается известный термин «юечжи», который был применен С. И. Руденко для населения, оставившего курганы Пазырыка²⁰.

Добавочные интересные для нас сведения из китайских источников приводит китаист Шафер²¹.

Характерно, что согдийское слово «черпад» — четырехногий — вошло в обиход китайского языка, и этим словом обозначали коней, которых покупали в Средней Азии для танских императоров. Сведения об особо замечательной породе коней Тохаристана имеются и в арабских сочинениях. Эти сведения приведены нами в специальной статье о хутталянской (одна из областей Тохаристана) породе лошадей, пользовавшейся большой славой в первые века мусульманской эры²².

С мифом о небесных конях связано представление о крылатом коне, популярном образе в фольклоре оседлых и кочевых народов Средней Азии. Так, в героическом эпосе узбеков в судьбах и похождениях героев большую роль играет крылатый конь — Тулышар. В полете он преодолевает высокие горы, достигает облаков²³. Крылатые кони выступают в легендах, записанных в Хорезме²⁴. В эпосе бурятов кони героев всегда спускаются с неба. В алтайском эпосе говорится: «Не я благословляю тебя, а конь на небе»²⁵.

Культ коня был тесно связан с культом огня. На замечательных серебряных блюдах из Грузии конь изображен у алтаря огня²⁶. В одном сообщении, относящемся ко времени арабского завоевания, описывается храм в Кобадияне (Южный Таджикистан): «В здании (храма)... находились малые и большие алтари огня и бронзовый конь небольшого размера. Жители считали его сошедшим с неба. Он изображен в состоянии движения в поднятыми передними ногами, как бы обращенными к богу... В день нового года конь золотистой масти выходит из реки и приближается к бронзовому. Когда последний откликается на его ржание, он возвращается снова в воду»²⁷. Дальше рассказывается, что когда арабы прибыли к этому святилищу, чтобы его уничтожить, то внезапно оттуда вырвался огонь, который сжег прибывших воинов.

Вполне определенно устанавливается связь коня с водной стихией в греческой мифологии в образе божества океана Посейдона²⁸. Считалось, что некогда он был конем, его величали «владыкой коней». Связь коня с морем прослеживается в индийской мифологии. Так, белый конь Индры Уччайхшраваса, согласно Махабхарате, появляется из моря²⁹. В Китае эта связь выражена в образе коня-дракона. Сюань-Цзян сообщает, что перед одним из храмов города Кучи находилось «озеро драконов». Драконы, «изменяя свой облик (т. е. превращаясь в коней), соединяются с кобылами. Их потомство — порода диких коней — кони-драконы. Это трудная для приручения, свирепая порода коней. Однако потомки этих коней-драконов становятся послушными». По преданию, одна из пород коней, которую разводили на побережье так называемого Западного моря (т. е. Аральского или Каспийского), произошла от соединения живших в море драконов с местными кобылами³⁰.

В фольклоре и этнографии как среднеазиатских, так и других народов, имевших развитое коневодство, широко распространено представление

о связи коня с водоемами. Так, например, крылатый конь армянского эпического героя Давида Сасунского был добыт на дне морском³¹. Г. П. Снесарев приводит ряд этнографических сообщений о связи крылатого коня с водной стихией у населения Хорезма. Аспи-оби — сказочный персонаж — фигурирует повсеместно в Средней Азии³². В алтайской эпической поэме «Маадай-кара» говорится о темно-гнедом коне героя, созданном «духом воды»³³. Весьма важным показателем популярности представления о «водном коне» является знакомство с этим образом в фольклоре народностей Северной Сибири, не знающих пыле коневодства. По данным С. В. Иванова, конь наряду с медведем считается помощником «хозяйки воды»³⁴.

Идею о связи коня с водной стихией выразительно передает образ гиппокампа, известный в античном искусстве. Из Греции это гибридное существо проникло в искусство коневодческих племен далеко на восток. Изображения гиппокампов часты среди находок в скифских курганах. С. В. Киселев приводит изображения гиппокампов на зеркалах из Алтая (Берельский курган) и Китая. Своим происхождением этот сюжет, по мнению С. В. Киселева, обязан искусству Греко-Бактрии³⁵. Изображение гиппокампа имеется среди хорезмийских находок³⁶, на памятниках искусства Пенджикента (рис. 2, 4).

Магическая роль коня нашла выражение в интересном изобразительном сюжете, а именно в борьбе коней между собой. Этот мотив известен по золотым и бронзовым пряжкам из Сибирской коллекции и из Ордоса, где эта сцена изображена с большой экспрессией (рис. 1, 5).

В Средней Азии и Афганистане этот же мотив, но менее динамично, представлен в мелкой пластике и прикладном искусстве (рис. 1; 2, 3). В авестийском тексте — гимне, посвященном звезде Тиштрии (Сирис), появление которой знаменует собой начало дождей, начало сезона дождей рисуется как борьба и победа белой лошади (звезды Тиштрии) над черной лошадию (символом засухи). Эта мифологическая картина относится к глубокой древности, но встречаемое в раннесредневековом источнике сообщение о почитаемом в Средней Азии божестве Даси, с которым идентифицируется звезда Тиштрия, быть может, свидетельствует о длительной живучести древних представлений, восходящих к авестийскому мифу³⁷.

Весьма интересен сохранившийся на согдийском языке текст, описывающий способ магического вызывания дождя, для чего наряду с другими операциями «следует вырезать из бруска белого сандала, (как) верблюд борется с верблюдом, конь с конем, осел с ослом, бык с быком»³⁸. Арабский географ Ибн-Хаукаль приводит сообщение об изображениях животных на площадях Самарканда. В переводе В. В. Бартольда оно звучит так: «Из кипариса вырезаны удивительные изображения лошадей, быков, верблюдов и диких коз, они стоят одно против другого, будто осматривают друг друга и хотят вступить в бой или в состязание»³⁹. Хорошо известно, что реальная борьба животных с магической целью — распространенный обычай, засвидетельствованный и письменными источниками, и в этнографических материалах. Так, о жителях Кучи Тан-шу сообщает: «В новый год семь дней увеселяют боем баранов, лошадей, верблюдов, чтобы по их драке угадать урожая или урожая будет год»⁴⁰.

Об устройстве боев животных в Средней Азии (горные районы) и специально коней-жеребцов в Дарвазе сообщает М. С. Андреев⁴¹.

Советские археологи, исследующие памятники древности кочевнических, коневодческих племен, называют нередко религию этих племен шаманизмом.

Большой интерес в данном аспекте представляют наблюдения над костными остатками коней, находимыми в могилах. В. И. Цалкин отметил, что у некоторых лошадей в скифских захоронениях обнаруживается

определенная органическая ненормальность — например, лишний зуб или позвонок, а также явная хромота. Такие кони не были пригодны для нормального использования. С аналогичными дефектными особями коней С. Бокони столкнулся при исследовании скелетов лошадей в аварских захоронениях Венгрии. Для объяснения причины помещения таких коней вместе с покойниками были выдвинуты два соображения. Во-первых, эти кони могли быть при жизни особенно ценны для владельца, и поэтому предназначались в качестве спутников в загробный мир.

Другое объяснение, более обоснованное, С. Бокони находит в этнографических и фольклорных материалах. Бокони особо подчеркивает страстное сказочное фольклора к неполноценным, дефектным коням, волшебные свойства которых помогают герою достичь желанного. Знаменитая сказка о коньке-горбунке является одним из многих таких сказочных сюжетов⁴². Достаточно убедительны данные о роли коня и в шаманизме. Так, например, хотя угры Северного Урала давно не разводят коней, они сохранили память о коне в религии, фольклоре и изобразительном искусстве, и в частности в шаманском ритуале⁴³. Аналогичные сведения приводит и Л. П. Потапов о кумандинцах Северного Алтая, пыле утерявших навыки коневодства⁴⁴.

Значение коня в идеологии нашло глубокое отражение в сфере социальных отношений. Конь очень рано становится прерогативой господствующих слоев древних племен, символом и знаком их социального престижа, их привилегий⁴⁵. И. В. Пьянков указал на культурную связь коня с представлениями о святости царской власти в ахеменидской Персии⁴⁶. Знаменательен рассказ Геродота о роли коня в избрании царем Дария. Претенденты на царский престол после подавления восстания Лжебардия решили передать царскую корону тому, чей конь поутру заржет первым. Чрезвычайно интересной аналогией этому рассказу Геродота может служить записанный у манси мифический рассказ о божестве Нуми Торуме. У этого божества было семь сыновей, которые между собой не ладили. Отец собрал их и сказал: «Приезжайте завтра ко мне, и кто первый привяжет своего коня к серебряному столбу, стоящему у моего дома, тот будет старшим не только над людьми, но и над своими братьями»⁴⁷. Характерное выражение нашло представление о социальном престиже, связанном с конем, в Китае при Танской династии. Указом одного из императоров было запрещено торговцам и ремесленникам ездить верхом на конях⁴⁸.

Значение коня в сфере социальных отношений нашло выражение в археологическом материале. Конские гекатомбы, сопровождающие захоронения скифских «царей», хорошо известны. Упомянем последний в советской археологической практике поразительный пример такой грандиозной гекатомбы — Аржак. С. И. Руденко в количестве лошадей, захороненных вместе с покойником, видел едва ли не главный признак социального ранга последнего. Конское погребение в качестве признака «социального престижа», принадлежности погребенного к «верхушке племени» не вызывает сомнения. Отметим, что в этом же плане интерпретируется и конский убор, богатство и пышность которого должен был служить в первую очередь целям социального престижа владельца. На эту сторону значения конского убора давно обратил внимание М. И. Ростовцев. Аналогичное наблюдение сделал недавно А. П. Окладников, специально указавший на значение кисти в конском уборе в качестве признака высокого социального ранга⁴⁹. Социальное значение конской сбруи ярко отражено в фигурах аристократов-всадников на памятниках искусства раннесредневековой Средней Азии (рис. 2, 5).

Наконец, отметим, что изображение коня появляется и в качестве украшения царского трона, становясь одним из атрибутов царского достоинства. О троне царя эфталитов в Забале с подножиями в виде коня сообщается в записках Сюань-Цзяна. И далеко не случайно, что изобра-

жения такого трона мы находим среди памятников искусства Ирана, Афганистана и Средней Азии (рис. 2, б). По мнению С. П. Толстова, схема такого трона положена в основу ряда царских тамг: «Чтение семантики хорезмийских, боспорских и родственных им тамг сармато-массагетских династий первых веков н. э. может быть дано с достаточной определенностью... Исходной является... схематизированное изображение женской фигуры... со слившимися с ней двумя протомами коней, повернутых головами в стороны. Прекрасный образец этой композиции в виде миниатюрной бронзовой фигурки женщины, сидящей на соединенных протомах коней, найден в Армении»⁵⁰. Эта же схема сохранилась в предметах прикладного искусства как древности, так и недавнего времени. Но этот сюжет заслужил бы специального разбора.

Итак, связанные с конем различные идеологические представления распространились в древности и в средневековье на чрезвычайно обширной территории. Археологи склонны усматривать или искать в этом разнообразии, особенно в обрядах, в первую очередь отражение различных этнических общностей. Мы постарались показать, что значение образа коня было полисемантическим у разных народов зоны евразийских степей и Средней Азии.

- ¹ *Vökönyi S.* History of domestication animals in Central and Eastern Europe. Budapest, 1974, p. 230.
- ² *Толстой С. П.* Древний Хорезм. М., 1948, с. 303 сл.
- ³ *Артамонов М. И.* Скифо-сибирское искусство звериного стиля. — В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 33.
- ⁴ *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, с. 336.
- ⁵ *Грязнов М. П.* Древнее искусство Алтая. Л., 1958, с. 12.
- ⁶ *Кыласов Л. Р.* К истории шаманских верований на Алтае. — КСИИМК, XXIX, 1949, с. 48.
- ⁷ *Кагаров Е. Г.* Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. СПб., 1913, с. 254.
- ⁸ *Штаерман Е. М.* Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961, с. 254.
- ⁹ *Vökönyi S.* History of domestication animals... p. 230.
- ¹⁰ *Писарчик А. К.* Смерть, похороны. — В кн.: Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 3. Душанбе, 1976, с. 186, примеч. 99.
- ¹¹ *Иванов С. В.* Скульптура народов Сибири XIX—первая половина XX в. Л., 1970, с. 61.
- ¹² *Андреев М. С.* Таджики долины Хуф, вып. II. Сталинабад, 1958, с. 928.
- ¹³ *Ксенофонт.* Анабасис. Перев. М. И. Максимовой. М., 1951, с. 113.
- ¹⁴ *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, с. 251.
- ¹⁵ *Брагинский И. С.* Из истории таджикской народной поэзии. М., 1956, с. 105.
- ¹⁶ *Бернштам А. И.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, № 26, 1952, с. 226.
- ¹⁷ Там же, с. 222 сл.
- ¹⁸ *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. М.—Л., 1962, с. 179 сл.
- ¹⁹ *Pulleyblank E. G.* Chinese and Indo-European. — JRS, 1966, p. 22.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ *Shafar E. H.* The golden peaches of Samarkand. Berkeley and Los-Angeles, 1963, p. 58.
- ²² *Белецкий А. М.* Хуттальская лошадь в легенде и историческом предании. — СЭ, 1948, № 4, с. 163.
- ²³ *Жирмунский В. М., Зарифов Х. Т.* Узбекский народный героический эпос. М., 1947, с. 351 сл.
- ²⁴ *Сисарев Г. П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, с. 323.
- ²⁵ *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. Л., 1974, с. 211, 235, 253.
- ²⁶ Восточное серебро. СПб., 1909, табл. СХХI, 305; *Сатулашвили Д. М.* Материалы к истории быта и культуры грузинского народа. Тбилиси, 1964, с. 224—241, табл. XVI—XVII.
- ²⁷ *Soper A.* Aspects of light Symbolism in gandharan sculpture. — Artibus Asiae, XIII, p. 67, n. 129.
- ²⁸ *Кагаров Е. Г.* Культ фетишей... с. 238.
- ²⁹ *Махабхарата.* Адипарна, I. Перев. В. И. Кальянова. М.—Л., 1950, с. 29.

- ³⁰ *Shafar E. H.* The golden peaches... p. 68.
- ³¹ *Жирмунский В. М., Зарифов Х. Т.* Узбекский народный героический эпос, с. 354.
- ³² *Сисарев Г. П.* Реликты домусульманских верований... с. 323.
- ³³ *Маадай-кара.* Алтайский героический эпос. М., 1973, с. 260.
- ³⁴ *Иванов С. В.* Скульптура народов Сибири... с. 56.
- ³⁵ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 338, 371.
- ³⁶ *Толстой С. П.* Древний Хорезм, с. 204, 304.
- ³⁷ *Брагинский И. С.* Из истории таджикской народной поэзии, с. 115.
- ³⁸ *Textes sogdienne* ed. par E. V. Benveniste. — Mission Palliot, III. Paris, 1940, p. 134.
- ³⁹ *Варгольд В. В.* Сочинения, I. М., 1963, с. 142.
- ⁴⁰ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, II. М.—Л., 1951, с. 149.
- ⁴¹ *Андреев М. С.* Таджики долины Хуф, вып. II, с. 117.
- ⁴² *Vökönyi S.* History of domestication animals... p. 290.
- ⁴³ *Иванов С. В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в. М., 1954, с. 52.
- ⁴⁴ *Потанов Л. П.* Из этнической истории кумандинцев. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 321 сл.
- ⁴⁵ *Штаерман Е. М.* Мораль и религия угнетенных классов... с. 254.
- ⁴⁶ *Пьянков И. В.* Образование державы Ахеменидов по данным античных источников. — В кн.: История Иранского государства и культуры. М., 1971, с. 91.
- ⁴⁷ *Анисимов А. Ф.* Этапы развития первобытной религии. М.—Л., 1967, с. 148.
- ⁴⁸ *Shafar E. H.* The golden peaches... p. 59.
- ⁴⁹ *Окладников А. И.* Конь и знамя. — В кн.: Тюркологический сборник, I. М.—Л., 1951, с. 143 сл.
- ⁵⁰ *Толстой С. П.* Древний Хорезм, с. 186, рис. 111.

А. К. АКИШЕВ

ИДЕОЛОГИЯ САКОВ СЕМИРЕЧЬЯ (по материалам кургана Иссык)

Костюм и атрибуты вождя, погребенного под курганом Иссык (в 50 км к востоку от Алма-Аты)¹, представляют редкую возможность изучения религиозно-мифологической концепции саксов Семиречья. Иссыкские материалы поясняют название и семантику многочисленных культурных предметов сако-усуньского времени, случайно найденных в Тянь-Шане.

При выделении образов искусства саксов Семиречья мы учитывали, что понятие «декоративно-прикладной» по отношению к скифо-сибирскому звериному стилю может быть принято только условно. Оно взято из современной морфологии искусств. В свое время звериный стиль был универсальным видом искусства, вторгавшегося во все сферы жизни. Образный строй искусства звериного стиля находился в соответствии со спецификой древнего мифологического мышления. Для такого мышления характерны образность, ассоциативность, устойчивость образов в памяти, генерализация. В мифологическом сознании языковые тропы оживали, персонифицировались и воспринимались как феномены, независимые от сознания.

Полагая, что саки Семиречья относились к индоевропейским народам, при анализе семантики их искусства мы привлекали в основном индоиранские мифологические и иконографические параллели. Учитывались материалы изоморфные и стадияльно близкие. Данная статья, естественно, не претендует на подробное освещение множества проблем истории саксов, которые возникли в связи с открытием кургана Иссык. По сути дела, это краткие тезисы исследования, в которых эмпирический материал сведен до минимума.

Структура организованного космоса в мифологии саков. Орнаменты на поверхности высокого кулаха из Иссыка разделены на три фриза (рис. 1). Нижний фриз — это кольцевидная пластина с растительным орнаментом. Выше нее размещены изображения реальных, т. е. не полиморфных, зверей: тигры, львиные головы в фас. Верхний фриз составлен изображениями гор или горной цепи. На горах растут золотые деревья, на деревьях сидят птицы, а по сторонам стоят горные козлы. Справа и слева, по сторонам шапки, над горами помещены изображения крылатых тигрогрифонов. Сзади — фигура бескрылого тигра с вывернутым телом. Спереди, в наlobной части кулаха, помещена золотая скульптурная эмблема в виде совмещенных протом крылатых и рогатых коней с «вырастающими» из их спин четырем золотыми «стрелами». Кольцо горной цепи, таким образом, охватывает кулаха по окружности и замыкается наlobной эмблемой.

В структуре орнамента головного убора закодирована универсальная картина организованного космоса, так называемая тернарная модель, или триграмма: нижний мир — земля, вода, растения; средний мир; верхний мир — небо, солнце, птица и т. д.

Аналогичные космограммы (мандала) были у разных народов мира, по особенно они характерны именно для индоевропейцев². Так, например, было у скифов³.

На псыкском кулахе три сферы мира — это три круга, иерархически выстроенные по вертикали. Страны света (север — юг, восток — запад) ассоциируются с крестообразно расположенными мифологическими существами (тигры, тигрогрифоны, козлы и кони). Они, очевидно, были связаны с популярным у древних народов кругом представлений об охранителях стран

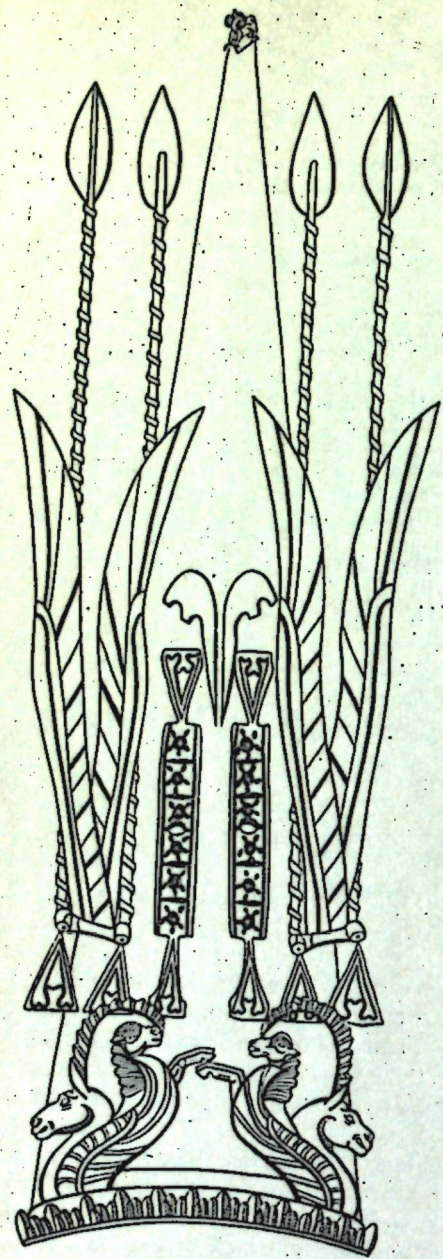

Рис. 1. Реконструкция псыкского кулаха (фас)

света: месопотамские «стражи врат», ведические «локопалы», боги Авесты, «сы-шен» китайского символизма и т. д.

Вертикальная организация трех космографических фризов в поле конического кулаха отражает общечеловеческую концепцию Мирового Древа или семантически изоморфных Мировой Горы, Столба, движения огня, полета вверх и прочих образов, выражающих идею связи противоположенных сфер Вселенной и единства мира. Такое семантическое поле имеют введенные в псыкскую космограмму изображения деревьев и гор. Гора — вектор, связывающий землю и небо, — это представление универсально. Достаточно привести такие образы космических гор, как Меру

(Сумеру) Махабхараты (далее — М), Ригведы (далее — Рв)⁴, Высокая Хара Авесты (далее — А), острова счастья P'eng-lai shan, Fang-chang и Ying-chou древнего Китая⁵, наконец, горы Тянь-Шань, название которых переводится как «Небесные».

На псыкском кулахе отдельные рапорты орнамента (гора в три вершины) в едином ритме объединены в композицию, изображающую непрерывную горную цепь. Золотой горный хребет в космограмме окружает мир. Точно так же древние греки считали, что край света окружают Рипейские горы. В соответствии с космографией Бундахишна (далее — GB) мир окружает хребет Хабурз, а в центре мира находится его ось — гора Тераг (GB, VB, 55, 3). В псыкской космограмме горизонтальный «срез» Вселенной также согласован с вертикальной организацией. Представление о трехмерном пространстве отражено, например, в образе трехглавой горы Меру, у которой есть левая и правая и более высокая — центральная — вершины. В древних верованиях Китая мир представляется о четырех горах по углам (горизонтальный срез) и с осью — горой — в центре (вертикальный медиатор). Существовали и представления об одной Мировой Горе четырехугольной формы⁶. Весь конус псыкского кулаха ассоциировался с Мировой Горой — осью Вселенной, а орнаменты на нем были космограммой типа мандала.

С изображением Мировой Горы связаны конические и пирамидальные подставки под сакские курильницы из Семпречья⁷. Они обычно имеют ажурный орнамент в виде совмещенных полукругов или растительных побегов. Как и некоторые другие культовые предметы из предгорий Тянь-Шаня, например триоды типа «дин», семпреченские курильницы имеют аналогии среди культовой чжоу-ханьской утвари. Интересно, что в даосской терминологии такие курильницы именовались «бо-шань лу» (шань — гора) и связывались с иконографией островов-гор Пэн-лай, входящих в контекст Мировой Горы. Что касается орнаментов в виде ажурных полукругов, то они именовались «лестница» или «лепесток»⁸, а значит, их семантика также входила в мифологические циклы Горы и Древа. Аналогичные орнаментальные элементы являлись существенными деталями при трактовке Древа жизни, Земли, гор, фундаментов зданий в изобразительном искусстве Древнего Востока с эпохи энеолита⁹, в то время как курильницы, похожие на семпреченские, были известны там вплоть до средневековья¹⁰, и с ними были сходны зороастрийские алтари огня¹¹.

Семпреченские курильницы часто имеют круглую или квадратную площадку. На ней по углам, по периметру или по кругу размещены скульптурки зверей: тигры, козлы, верблюды. Как и в Иссыке, это изображения охранителей границ или стран света. Они сакрализовали микромодель космоса, которую представляла курильница. Примечательно, что в центре курильницы (т. е., в соответствии с логикой магического переноса, в максимально сакральной точке пространства — центре мира) помещены или изображения двух одинаковых зверей, или фигурки борющихся животных, а в двух случаях — антропоморфные скульптуры. Все образы и космографическая конструкция курильниц связаны с культом огня, который у индоиранцев был важнейшим эсхатологическим началом¹².

Некоторые образы пантеона саков. В центре композиции головного убора помещена сложная эмблема; протомы рогатых коней с крыльями. Чуть выше над ними расположены две фигурки не синкретических коней, головами друг к другу. Из спин протом вырастают четыре золотые «стрелы» с четырьмя же золотыми орлиными крыльями. В семантической структуре псыкского кулаха эта эмблема — главная. Все три орнаментальные фриза «трилоки»¹³ в линейной развертке центрируются в ней. Эмблема объединяет «трилоки» в вертикальном направлении, т. е. должна ассоциироваться с Мировым Древом и его аналогами.

В горизонтальной тетраграмме Вселенной образы крылатых коней:

связаны с одной из четырех стран света, а три другие — «охраняются» крылатыми тигрогрифонами. Образ кошачьего хищника, например льва, в Ассирии был символом солнца. В древнеиндийской мифологии тигр был аватарой многообразного и подобного солнцу Вишну, имя которого встречается уже в Ригведе¹⁴; согласно Атхарваведе (далее — Ав) тигр считался царским зверем (IV, 8)¹⁵. Лев был солярным животным у Ахеменидов, изображения борьбы льва с быком символизировали календарную оппозицию — день весеннего равноденствия. Может быть, лев был инкарнацией Митры. В буддизме, например, лев выступает в роли животного, связанного с Буддой, причем в архитектурном декоре он определенно имеет и функцию охраны стран света, как, например, в Китае¹⁶.

В структуре космограммы Иссыка центральная эмблема, несомненно, солярная. Это обычное явление в иконографии моделей мандала у индоевропейцев¹⁷. Характерно, что число солнечных коней (четыре) и их противоположные направления соответствуют пространственным противопоставлениям четырех стран света в тетрадной (горизонтальной) модели мира. Таким образом, каждый из четырех солнечных коней должен был ассоциироваться с одной из сторон квадранта ураносферы, которые солнце «маркирует» при своем движении по небосводу.

Так как время и пространство — «два полюса единого ритма»¹⁸, и символические ряды пространственных противопоставлений соотносятся с хронологическими блоками, можно предположить, что солярная четверка коней Иссыка ассоциировалась и с какой-то календарной тетрадой (четыре периода дня, четыре времени года, четыре годовых оппозиции — равноденствия и солнцестояния, наконец, четыре космических периода?). Примеры этому очень широки¹⁹. Изображения золотых, солнечных коней, сросшихся крупам, связаны с универсальной двоичной символической классификацией. Такие образы в древних эсхатологиях часто символизируют сюжет андрогина. В ведической и авестийской мифологии в образе коней-близнецов фигурируют солярные Ашвины Насатья (Рв, I, 116, 17; I, 118, 5)²⁰, которые в древнеиндийской мифологии связаны с аватхой — деревом-опорой Солнца (Рв, IX, 81, 4). Их движение означало полет Солнца над миром.

Близнецовые культы, отражавшие бинарные оппозиции в мышлении и дуализм в родо-племенном делении²¹, составляют стержень космогонических мифов о происхождении и организации мира у разных народов. В мифологических текстах можно найти данные, указывающие на рождение и деятельность изначальных близнецов в сакральном центре мира. Словно иллюстрируя существование такого же цикла дуалистических мифов и у саков, иссыкские солнечные кони-близнецы занимают сакральный центр в космограмме. Интересно, что дуальная схема прослеживается в мифологемах и других индоиранских богов, связанных с мотивами организации, наведения порядка. Так, ведический Яма имеет женскую пару — Ями. Его аналог в Авесте — Йима — первоцарь, который согласно *Видевдату* (II, 1—19) в центре мира совершил расширение земли. Ведическое *yama* переводится как «близнецы»; в Авесте аналогичная этимология у *yima*²². Кроме того, в Авесте брат Йимы распиливает его пополам, что также служит доказательством принадлежности Йимы к близнецовому циклу. В зороастризме оппозиция близнецов-демиургов, рожденных Зравном, — Ахура-Мазды и Ангро-Майнью — определяет всю космогонию и эсхатологию, причем в этой религии близнецовый цикл имеет различные моды, например астрономический миф о Тиштрийе (Сиркус) и демоне Аизоша, сражающихся в образах коней (Тиштр-Яшт, 14, 9).

Близнецы — полярные начала, объединяясь, часто символизируют рождение мира, например, в даосской иконографии мужское и женское начала (Инь и Ян) изображались внутри единого космического яйца. В легендах казахов и монголов осью мира («железный» или «золотой» «кол») считается Полярная звезда, а две соседние звезды ассоциируются

с двумя белыми лошадьми, пасущимися вокруг «золотого кола» на привязи²³. Иссыкские кони-близнецы в центре мира, подобно Ашвинам, связаны с Древом Мира, оно прорастает их тело, составляя с ними одно целое. Другая пара противоположенных коней, возможно, иллюстрирует миф об оппозиции, борьбе божественных близнецов. Такую же мифологию о солнечных близнецах, «рожденных в самом начале», отражают композиции в центре семпреченских курильниц: пары верблюдов, тигров, сражающихся зверей, крылатых козлов-близнецов (рис. 2).

Близнецовые мифы «врастали» в контексты более развитых и поздних мифов, отражающих процесс циклизации теистических элементов. С другой стороны, они изменялись в соответствии с развитием бинарной классификации. В Авесте (Яшт 5, XXVIII, 119, 120) речь идет о четырех жеребцах Ахура-Мазды: ветре, дожде, граде и облаке, а в Михр-Яште (Яшт 10, 125) описывается колесница солнечного Митры, в которую было запряжено четыре жеребца, прикрепленных к одному дышлу²⁴. Весьма вероятно, что четыре коня солнечных богов Авесты соотносились с пространственными противопоставлениями тетраграммы, т. е. со странами света. Показательно, что в авестийском *mitr*, кажется, реконструируется дуальная схема, а *mitra* убедительно сопоставляется с общеславянским «мир»²⁵. В буддийской иконографии, например, Митру изображали с четырьмя руками, что, вероятно, было связано с влиянием сакской мифологии²⁶. Может быть, это отражало его роль как мирохранителя. По такой же причине индуистский Брахма имеет четыре лица. Четыре коня Митры не связаны с космограммой (тетрада и «трилока» — Мировое Древо) в такой образной и яркой форме, как Ашвины в Ригведе, по эта связь скорее всего существовала. Изобразительное решение мифа о солнечных конях-близнецах на иссыкском кулахе оказалось не менее наглядным и образным, чем в Ригведе. Оно отражает очень архаичные пласты мифологических представлений о едином зооморфном образе Вселенной, объединяющем полярные и синонимические начала.

В древнеиндийской мифологии, таким образом, был конь — *aśva*, что подтверждается хотя бы его связью с деревом — *aśvattha*²⁷. Стадиально более поздняя роль коня как инкарнации (аватары) разных индоиранских богов, перархия которых отражала природно-хозяйственные схемы, заслонила его функцию образа Вселенной. Конь был воплощением ведических Индры, Сурьи, Агни, Ушас (Рв, VI, 51, 4; IX, 71, 9; IX, 97, 33; 30, 2; X, 55, 6; X, 168) и авестийских Митры, Веретрагны, Хварна, Вайю, Тиштрийи (Яшт 8; Замьяд-Яшт, 34—38, 51, 68; Тиштр-Яшт, 9, 26—29). Прежде всего, это животное относилось к богам солярного цикла, семантически связанным с космогонией. В ритуалах конь нередко ассоциировался с макрокосмосом, причем даже в мельчайших деталях²⁸.

Четыре иссыкских коня-близнеца — единое целое с Древом Мира, и они изоморфны четырем жеребцам Ахура-Мазды, творением которого и считалась, согласно Бундахишну (GB, XXIV, 6), лошадь, четырем солнечным коням Митры и Ашвинам. Их мифологические описания соотносятся с космограммами. В хронологически более поздних буддийских сочине-

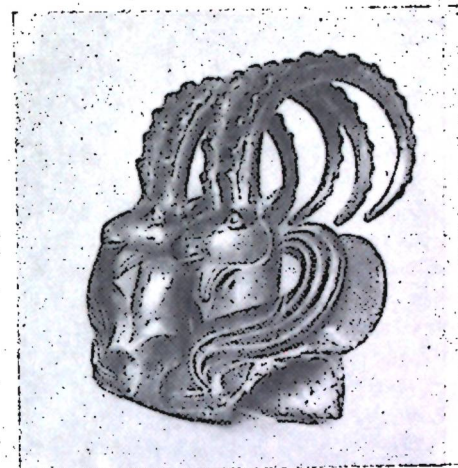

Рис. 2. Элемент сакского жертвенника. Случайная находка в окрестностях Алма-Аты

ниях на хотано-сакском языке космический царский конь связывается с джамбудвипа — местом соединения неба и земли — и горой Меру, вокруг которой конь обносит царя²⁹.

Иссыкские кони — фантастические животные. Они соединяют черты козла, птицы и коня. Совмещенные протомы животных известны в Евразии с эпохи камня. Но стилистически наиболее близки композиции, созданные индоиранскими народами, — от луристанских бронз до блок-ампостов Персеполя, Амаравата, Матхуры и Беграма³⁰. Связь их с солярной символикой и мотивом Древа или Столба Мира несомненна³¹. Геродот, описывая обряд погребения «царя» у скифов, в деталях иллюстрирует инсценировку мифа о солнечном Древе Жизни, прорастающем тело коня (IV, 72). Что касается комбинации в образе коня символов различных

животных, то, учитывая их роль в космограмме, можно предположить, что она означала синтез зооморфных знаков разных миров: крылья, птица — небо; конь — средний мир; рога козла — животного, универсально входящего в хтонические блоки, — нижний мир; земля, вода. Характерно, что в индоевропейских мифо-обрядовых системах рогатые кони включаются в аграрные культы и связаны с растительностью³². Синкретические звери как сочетание полярных космогонических начал переполняют символику Древнего Востока. В Индии это образ макара, у русских — типологически близкий образ Индрика (связан с Индрой?)³³, у многих народов Евразии — образ космического оленя³⁴, с которым традиционно связывают изображения скифских оленей.

В Иссыке есть изображения, по ряду признаков связанные с мотивом «лежащего оленя» в зверином стиле. Это — фантастические звери на поясных накладках. Животные сочетают черты коня (длинный хвост, экстерьер), оленя (рога, стилизованные под растительные побеги), птицы (головка грифона над лопаткой). Контаминация в одном образе полярных и синонимичных зооморфных космогонических символов, с одной стороны, может отражать полиморфизм инкарнаций солярного божества, с другой — подчеркивает воплощение в комбинированном образе значений всего космоса, трех сфер. Весьма характерно, что рога иссыкского синкретического «птице-коне-оленя» стилизованы под растительные побеги. Уже в мифологии хеттов олень объединяется с Древом Жизни³⁵. Связь оленя с деревом иллюстрируют Ригведа (Рв, I, 163, 9; II) и искусство скифо-сакских племен³⁶. Существенно, что семантика Древа Мира и Древа Жизни созвучна с естественным образом жизни благородного оленя, сбрасывающего мертвые рога осенью, чтобы весной выросли молодые мягкие панты, полные горячей крови.

Иссыкский космический олень во всем изоморфен копиям-близнецам. Обоюдная связь образов с Солнцем и Древом вполне вероятна. Солпечные боги типа Митры, Ашвинов, Индры, возможно, и полиморфны из-за того, что выполняют в мифологии функции медиаторов, или посредников, между мирами (по терминологии К. Леви-Стросса).

С образом Митры, видимо, связывается личина с ореолом лучей или перьев вокруг головы на иссыкском перстне (рис. 3). Именно так трактовались Гелиос и Митра античного и эллинистического времени³⁷. С орео-

лом лучей вокруг головы изображали солнечных богов племени Средней Азии и Казахстана в эпоху бронзы (петроглифы Саймалы-таш и Тамгалы). Митра, к которому апеллировали при заключении союзов, был к тому же охранителем мира, договора, пастбищ. Он сурово карал нарушителей договоров³⁸.

Перстень, имевший смысл инвеститурного знака, таким образом, выражал единство общества, охраняемое Митрой.

Некоторые аспекты развития теократической идеологии у саков. Четыре золотые стрелы, пронзающие «трилоки» иссыкской космограммы, определенно ассоциировались с различными компонентами структуры семантического поля Древа Мира. Интересно, что в Авесте, помимо двух обычных названий стрелы — *išav* и *tigrau*³⁹, Г. В. Бэйли нашел еще один термин, который он соотносит с хотано-сакским *rūpa-*, *rūpa*, позднее, — *rūmna*, *rūna* — стрела. Возможно, термин происходит от *rağ* — летать. В Авесте, например, *rağana-*, *rəğəna* — крыло, лист; в хотано-сакском *rāga* — лист; в согдийском *rgr* — в *rgr'u'n* — крылатый; в зороастрийском *cehlevi rağ*; в старондийском *rağra* — крыло, лист, перо⁴⁰. В Иссыке четыре стрелы размещены попарно между изображениями золотых крыльев и имеют листовидные наконечники. Они связаны с идеей полета вверх (левитация) и мотивом связующего миры дерева. Количество стрел отвечает характеристикам тетраграммы, что заставляет предполагать связи «золотых стрел» с четырьмя углами света и соответствующими мифологическими образами. Это так называемая горизонтальная композиция схемы Мирового Древа⁴¹. Стрелы расположены в одной плоскости, т. е. эмблема уже превращается в графическую схему, знак. В крестообразных гробницах Ахеменидов в Накш-и Рустаме и Бехистуне помещается любопытная архитектурная деталь: четыре полуколонны с капителями. Такие же колонны изображены в тронном зале Навуходноссора в Ниневии⁴². Это «архитектурное излишество» — вероятно, своеобразная лигатура универсальной теократической формулы: «Я царь царей, владыка четырех стран света» (ср.: Ав, II, 17; III, 4). На примере Иссыка можно видеть, что такая же догматика культа властителя была и у сакских племен. Вождь, носивший иссыкский кулах-космограмму, по принципу макрокосмического континуума и магического переноса был образом солнечного бога-медиатора⁴³. Его сакральный кулах означал локализацию царя в сакральном центре мира — страны — племени (может быть, закодирована и четырехкратная социальная структура), который охраняли солнечные боги⁴⁴.

На кончике кулаха находится золотая скульптурка горного барана — архара. Есть основания считать, что это популярный у восточноиранских народов образ хварна⁴⁵. В таком случае реконструированная для саков Семипреция теократическая доктрина вождя-медиатора объединяется с концепцией «харизма власти» как концентрированного выражения идеи божественного избранничества.

Любопытно, что солярная эмблема из кургана Иссык позволяет интерпретировать отрывок из Шах-намэ, где описывается летающий трон Кей-Кавуса — царя с фарпом⁴⁶. Кей-Кавус, желая подняться выше богов, утвердил по углам трона четыре золотых копы, к которым привязал четырех орлов, взлетевших вверх. Как видим, теократическая формула «царь-медиатор» и ее мифологическое и символическое обоснование сохранились в Средней Азии без особых изменений веками, хотя Фирдоуси уже смутно понимал пересказанную им вторичную легенду о космических тронах азиатских владык. В Иссыке количество золотых крыльев соответствует числу стрел. Образ орла связан с царской властью (ср.: Ав, III, 3), а судя по рассказу Геродота о сне Кира (I, 205–215), и Ахеменидам была знакомая метанимия «солнце — орел, крылья — пространственные противопоставления — царская власть». Такая трактовка орла известна у многих народов, вплоть до Южной и Северной Америки, но у иранцев орел кон-

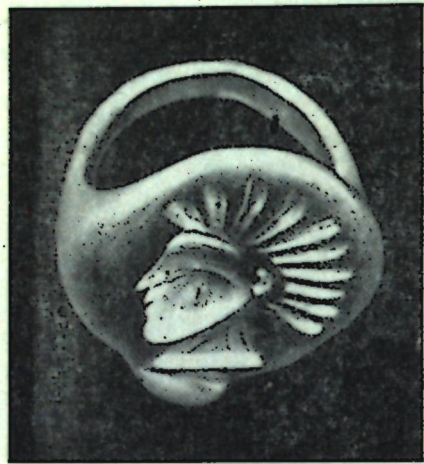

Рис. 3. Изображение на щитке перстни из кургана Иссык

кретно связывается с хварном⁴⁷, который, согласно Яшту 14, 36; 19, 34—35, отлетает от Йимы в образе птицы. Мифологема хварна в Авесте определенно отвечает космографической схеме.

В племенных ритуалах вождь — Солнце — Мировое Древо должен был выступать медитирующим жрецом. Он осуществлял связь миров. И именно так расценивались действия шаманов во время камлания (полет или движение по Мысленному Древу). Характерно, что зороастрийские атхраваны, или маги, оперирующие с медиатором-огнем, одевались в одежды, похожие на иссыкскую и, по мнению О. М. Дальтона⁴⁸, имеющие черты птицы! Цернатными изображены жрецы или демоны «сян» на каргалинской диадеме⁴⁹.

«Золотая стрела» и «золотом украшенная плеть» в иссыкском погребении и Видевдат, II, 1—19. В иссыкское погребение была положена камча — плеть с рукоятью, обернутой золотым листом, а рядом — символический деревянный жезл с золотым наконечником, напоминающий стрелу. Эти атрибуты вызывают ассоциацию с одним из мифов о Йиме (Видевдат, II, 1—19)⁵⁰. Йима, получив от Ахура-Мазды золотую стрелу и золотом украшенную плеть (в других переводах — стрекало и печать), когда земля стала перенаселена, «направился к свету, к полдню, против нити солнца. Тогда рыл он землю золотой стрелой, стегал ее плетью, так приговаривая: „Дорогая, святая Армапти! Подвисься, расступись ты, чтобы служить лоном для мелкого и крупного скота и людей“». Йима в этом мифе, который является вариантом мифа о сотворении мира, имитирует оплодотворение Земли, после чего она расширяется. В ряде аналогичных индоевропейских мифов с оплодотворением ассоциируется первая борозда. Выше отмечалось, что в образе Йимы прослеживаются черты близнечного культа. Интересно, что судя по контексту мифа о расширении Земли, Йима оплодотворяет Землю в центре мира, т. е. в какой-то мере совершает акт космогонический, но сведенный к варианту культурной инновации. Так как существует мнение о среднеазиатском (хорезмийском) происхождении мифа о Йиме⁵¹, интересен изоморфизм иссыкского вождя как личности обожествленной и первоцаря Йимы; на уровне атрибутов — стрела и плеть; на уровне пространственной локализации — центр мира; на уровне тропов — вождь был одет в золотую одежду и ассоциировался с Солнцем; Йима связан с Солнцем (Ясна, 9, 4), его эпитет «блестящий»; на уровне социального ранга — вождь и царь Йима, и оба обладают хварном.

Гипотетически можно реконструировать у саков Семпречья мифологему о Йиме и инсценирующий ее ритуал. Видимо, это был ритуал оплодотворения вождем Земли. Такие ритуалы были распространены широко, типологические параллели действиям Йимы дают, к примеру, кукерские обряды, имевшие аналогии у фракийцев⁵²; нартекский эпос (плеть, оживляющая мертвых); хотано-сакская легенда о Вайшраване, открывшем копьём воду; миф о Шэнь-пуне, хлеставшем землю плетью, а затем совершавшем запашку⁵³; шаманские камлания и др.⁵⁴ С ритуалом сакральной запашки вождем земли можно связывать легендарные золотые предметы генеалогического мифа скифов, среди которых было ярмо с плугом (Геродот, IV, 5—7).

Иссыкская солярная эмблема и происхождение кушанских «царских знаков». Доведенная до графической схемы иссыкская эмблема в виде коней-близнецов, прорастаемых Мировым Древом, аналогична «царским знакам», или «тамгам», Великих Кушан, что подтверждает и уточняет их «дешифровку», предложенную С. П. Толстовым⁵⁵. Кушанские знаки — прямые редукции космографических схем типа иссыкской. Видимо, они сохраняли древнюю семантику. Не удивительно, что в Кушанской империи, сохранявшей родо-племенные архаизмы, именно племенной символ власти, доведенный до компактного знака, стал «царской тамгой», своего рода гербом страны, широко «тиражированным» монетным чеканом. Оче-

видно, знак еще сохранял семантику космограммы и упомянутой выше теократической титулатуры. Пока трудно делать из этого выводы этногенетического плана, но характерно, что параллели «иссыкскому письму» тоже обнаружены среди кушанских памятников (Дашт-и-Навурская трилингва)⁵⁶. Их перевод откроет новые горизонты в изучении культуры саков.

- 1 Акишев К. А. Курган Иссык. — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 61—77.
- 2 Kramrish S. The Triple Structure of Creation in the Rg Veda. — In: History of Religions, v. 1. Chicago, 1962; v. 2. Chicago, 1963.
- 3 Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М., 1977, с. 119—123.
- 4 Вонгард-Леви Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. М., 1974, с. 32—36, 46—48, 53.
- 5 Williams C. A. S. Outlines of Chinese symbolism. Peiping, 1931, p. 199.
- 6 Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1963, с. 502, 503; Шань Хай цзин. М., 1977, цзюань II, кн. I, 1а; кн. III, 14, 14а; цзюань VI, 3а, 4.
- 7 См.: Аргамонов М. И. Сокровища саков. М., 1973, илл. 43—52.
- 8 Williams C. A. S. Outlines of Chinese symbolism, p. 100—102; Laufer B. Chinese pottery of the Han dynasty. Leiden, 1909, pl. LV, 1—4; p. 193—211, fig. 40, 41.
- 9 Мещанинов И. И. Орнамент сузианских чаш первого стиля. — ИГАНМК, V, 1927, рис. 12; Пиотровский Б. В. Ванское царство. М., 1959, табл. II, IV, V, VII; Щетинко А. Я. Раскопки мелких поселений эпохи бронзы. — В кн.: Каракумские древности, вып. III. Ашхабад, 1970, с. 48, рис. 10, 14; Barnett R. D. Assyrische Palastreliefs. Prague [6. r.], Taf. 49, 117.
- 10 Ghirshman R. Perse. Proto-iranians, Medes, Achemenides. Paris, 1963, fig. 18; Barnett R. D. Assyrische Palastreliefs, Taf. 98; Альбаум Л. И. Некоторые культовые предметы из раскопок Балалык-Тепе. — КСИЭ, XXX, 1958, с. 74—77.
- 11 Лукошин В. Г. Иран в эпоху первых Сасанидов. Л., 1961, глава II и соответствующую таблицу; Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972, илл. 69.
- 12 Лелеков Л. А. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тысячелетия до н. э. — В кн.: История и культура народов Средней Азии. М., 1976, с. 7—18.
- 13 Этот ведический термин, означающий три сферы мира, здесь и далее употреблен в качестве общего наименования тернарных космограмм.
- 14 Невелова С. Л. Мифология древнеиндийского эпоса. М., 1975, с. 34.
- 15 Атхарваведа. Избранное. М., 1976.
- 16 Zimmer H. The Art of Indian Asia. Its Mythology and Transformations, v. I—II. Bollingen series, XXXIX. Kingsport, 1955, p. 169, pl. 12, 13, 18, 62, 71; Williams C. A. S. Outlines of Chinese symbolism, p. 365—367.
- 17 Топоров В. Н. Заметки по балтийской мифологии. — В кн.: Балто-славянский сборник. М., 1972, с. 289—314.
- 18 Токарев С. А. Андре Леруа-Гуран и его труды по этнографии и археологии. — В кн.: Этнологические исследования за рубежом. Критические очерки. М., 1973, с. 212.
- 19 Топоров В. Н. Заметки по балтийской мифологии, с. 301, примеч. 32, 33; Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, глава 10.
- 20 Ward D. The Divine Twins. An Indo-European myth in Germanic traditions. — Folklore Studies of University of California, N 19, 1968; Иванов В. В. Отражение индоевропейской терминологии близнечного культа в балтийских языках. — В кн.: Балто-славянский сборник. М., 1972, с. 202 сл.
- 21 Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964; Иванов В. В. Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистических космогоний. — СА, 1968, № 4.
- 22 Ригведа. Избранные гимны. Перев., коммент. и вступ. статья Т. Я. Елизаренковой. М., 1972, с. 350, 355.
- 23 Валиханов Ч. Избранные сочинения. Алма-Ата, 1958, с. 155—156.
- 24 Gershevitch I. The Avestan Hymn to Mithra. Cambridge, 1959, p. 52.
- 25 Иванов В. В. Происхождение семантического поля славянских слов, обозначающих дар и обмен. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975, с. 50—78.
- 26 Ghirshman R. Les Chionites-Nephtalites. Caire, 1948, p. 55.
- 27 Иванов В. В. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных мифологических терминов, образованных от aśva — конь (Кульм коня и дерево aśvattha в древней Индии). — В кн.: Проблемы истории и культуры народов Индии. М., 1974.
- 28 Ср.: Брихандараньяка — Упаншада. — В кн.: Памятники литературы народов Востока, т. V. М., 1964, I, 1.
- 29 Bailey H. W. Ariana. — Orientalia Suecana, IV. Uppsala, 1955, p. 5.

- ³⁰ Casanowicz I. M. The Collection of ancient oriental Seals in the United States National Museum. Washington, 1926, p. 16, 22; Ghirshman R. Perse. Proto-iraniens, Medes, Achemenides, p. 213, 214, fig. 261, 263—268; 280; p. 352, 353, fig. 453—460; Godar A. Umetnost Irana. Beograd, 1965, ger. 61, 73; Zimmer H. The Art of Indian Asia, pl. 2, e; Duchesne-Guillemin J. Symbols on Values in Soroastrianism. N. Y., 1966; Bode F. Symbolic Elements of achaemenian architectural ornament. — In: VI Congress of Iranian Art and Archaeology. Cambridge, 1973, p. 9.
- ³¹ James E. The Tree of Life. Leiden, 1966; Ackerman Ph. Standars banners and badges. — SPA, 3, 1939.
- ³² Топоров В. И. Об индоевропейских соответствиях одному балтийскому мифологическому имени. — В кн.: Балто-славянские исследования. М., 1974, с. 30.
- ³³ Иванюв В. В. Названия слона в языках Евразии. — В кн.: Этимология 1975. М., 1977, с. 148—153.
- ³⁴ Przyluski J. Ancient People of the Penjab. The Udumbaras and the Salvus. Calcutta, 1960, p. 43.
- ³⁵ Ардзинба В. Г. Заметки к текстам хеттских ритуалов. — ВДИ, 1977, 9, с. 122.
- ³⁶ Артамонов М. И. К вопросу о происхождении скифского искусства. — СГЭ, XXII, 1962, с. 34—35.
- ³⁷ Луконин В. Г. Иран при первых Сасанидах. М., 1969, с. 84.
- ³⁸ Gershevitch I. The Avestan Hymn to Mithra; Thieme P. Remarks of the Avestan Hymn to Mitra. — BSOAS, XXIII, 2, 1960, p. 265—273.
- ³⁹ См.: Лигвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972, с. 92, 93.
- ⁴⁰ Bailey H. W. Агуа III. — BSOAS, XXIV, 3, 1961, p. 470—473.
- ⁴¹ Примеры см.: Иванюв В. В., Топоров В. И. Исследования в области славянских древностей, глава 10; Раевский Д. С. Очерки идеологии..., с. 84—85, рис. 7.
- ⁴² Godar A. Umetnost Irana, ger. 57; Hawkes G. The Atlas of Early Man. N. Y., 1976, p. 162.
- ⁴³ Ср.: Widengren G. The Sacral Kingship of Iran. — In: La Regalia Sacra. Leiden, 1959, p. 242—258.
- ⁴⁴ Согласно Бундахшпу (GB, VB, 55, 3), движение солнца по небу подобно короне вокруг мира.
- ⁴⁵ Лигвинский Б. А. Кангюско-сарматский фарп. Душанбе, 1968, главы V, VI.
- ⁴⁶ Фирдоуси. Шах-намэ, т. I. М., 1957, с. 437, 438.
- ⁴⁷ Herzfeld E. Iran in the Ancient East. London — N. Y., 1941, p. 296.
- ⁴⁸ Dalton O. M. The Treasure of the Oxus. London, 1905, p. 51, 97.
- ⁴⁹ Бернштам А. И. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке. — КСИИМК, V, 1940, с. 28—30.
- ⁵⁰ См.: Бразинский И. С. Из истории персидской и таджикской литературы. Избранные работы. М., 1972, с. 50, 51.
- ⁵¹ Nyberg H. S. Die Religionen des alten Iran. Leipzig, 1938, S. 29.
- ⁵² Златковская Т. Д. О происхождении некоторых элементов куцерского обряда у болгар. — СЭ, 1967, № 3, с. 31—46.
- ⁵³ Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки), т. I. М., 1972, с. 346, примеч. 1, 15.
- ⁵⁴ Чекалинский И. А. Баксылык. Следы древних верований казаков. Семипалатинск, 1929, с. 82; Топоров В. И. К древнебалканским связям в области языка и мифологии. — В кн.: Балканский лингвистический сборник. М., 1977, с. 53, 54.
- ⁵⁵ Толстов С. И. Древний Хорезм. М., 1948, с. 184—187.
- ⁵⁶ Fussman G. Documents epigraphiques Kouchans. — BEFEO, LXI, 1974; Vivar A. D. H. The Kusana trilingual. — BSOAS, XXXIX, 2, 1976, p. 333—340; Лившиц В. А. Надписи из Дильберджина. — В кн.: Древняя Бактрия. М., 1977.

Д. Г. САВИНОВ

О ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ КУЛЬТУРЫ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ

Вопрос о завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая окончательно не решен. М. П. Грязнов, рассматривая процесс ее развития в виде трех последовательных этапов — майэмирского (VII—V вв. до н. э.), пазырыкского (V—III вв. до н. э.) и шибинского (II в. до н. э. — I в. н. э.), первым отметил отличительные признаки последнего, шибинского, этапа: замена бронзовых орудий железными, повторяющими форму бронзовых, новые типы вещей (пластинчатые и кольчатые ножи), богатый набор роговых и костяных украшений¹. С. И. Руденко,

в отличие от М. П. Грязнова, все горноалтайские курганы, за исключением заведомо ранних — майэмирских, датировал V—III вв. до н. э. К первой половине IV в. до н. э. он считал возможным относить шестой Пазырыкский, Каракольский и Шибинский курганы, а ко второй половине IV — самому началу III в. до н. э. — только первый Башадарский курган. «Тот факт, — писал С. И. Руденко, — что на Алтае до сих пор не обнаружено археологических памятников позднее III в. до н. э., в культурном отношении примыкающих к курганам с каменной наброской, свидетельствует об исчезновении в какой-то короткий срок интересующих нас племен Алтая». Причиной этого исчезновения могли послужить, по мнению С. И. Руденко, эпизоотии, массовый падеж скота, но «вероятнее, что военные события, связанные с продвижением хуннов на запад, начавшимся на рубеже III и II вв. до н. э., побудили скотоводов Алтая откочевать в Восточный Казахстан или в западосибирские степи»². С. В. Киселев, в отличие от М. П. Грязнова и С. И. Руденко, относил все большие и малые Пазырыкские курганы к гупно-сарматскому времени — III—I вв. до н. э. Основанием для этого послужили сопоставления с хуннскими курганами в Ноин-Уле, аналогии с таптыкскими погребениями в Миусинской котловине, отдельные сарматские параллели, а также сопоставление с вещами из Амударьинскогоклада³. Следует отметить, что точка зрения С. В. Киселева не снимает вопроса о завершающем этапе развития пазырыкской культуры, поскольку памятники постпазырыкского времени так или иначе остаются невыявленными. Другие исследователи присоединяются (иногда с небольшими коррективками) к одной из изложенных гипотез⁴.

В настоящее время раскопки неогрabenных комплексов скифского времени в Туве⁵; данные радиоуглеродного анализа⁶ и дендрохронологии⁷ полностью подтвердили мнение М. П. Грязнова и С. И. Руденко о «скифском» возрасте пазырыкского этапа. Но вопрос о дальнейшей судьбе пазырыкской культуры остался на прежней ступени исследования. Ответ на этот вопрос в известной степени дают материалы из южных районов Горного Алтая, полученные в результате раскопок последних лет.

В погребениях могильника Уландрык, исследованных В. Д. Кубаревым, наряду с произведениями искусства, выполненными в скифо-сибирском зверином стиле, были найдены железный меч, модели кинжалов с прямыми перекрестием, железные ножи с кольцевидным навершием, бронзовая пряжка в виде головы быка, позволяющие относить этот памятник к концу пазырыкской культуры⁸.

К еще более позднему времени относятся два кургана (3 и 5) могильника Узунтал III (Коп-Агачский р-н Горно-Алтайской АО)⁹. Внешне они не отличаются от других курганов скифского времени Горного Алтая. Это каменно-земляные, сильно задернованные сооружения с квадратной западиной посредине. На восток от обоих курганов отходит по цепочке вертикально вкопанных камней (семь и четыре). Обычай установки камней-балбалов, получивший наиболее широкое распространение в древнетюркскую эпоху, известен с очень раннего времени. С. И. Руденко писал, что в самом Пазырыке «у первых четырех курганов в восточном от них направлении поставлен ряд вертикально вкопанных в землю камней»¹⁰. Вереницы камней у нескольких курганов на южном, сравнительно позднем (в пределах VI—IV вв. до н. э.) конце цепочки курганов могильника Кок-су отметил С. С. Сорокин¹¹. Л. Р. Кызласов исследовал ряды вертикально вкопанных камней у курганов шурмакской культуры в Туве (II в. до н. э. — V в. н. э.)¹². Такая преемственность специфической детали погребального обряда, несомненно, свидетельствует о непрерывной традиции представлений, существовавших у населения Саяно-Алтая весьма длительное время, и объясняется скорее всего сходством социально-экономических отношений на разных ступенях развития скотоводческого комплекса.

По конструктивным особенностям Узунтальские курганы аналогичны рядовым Пазырыкским. Это глубокие ямы, на дне которых установлены деревянные камеры-срубы, ориентированные углами по странам света. В обоих случаях сохранились остатки перекрытия над могильной ямой, как в Катадинском¹³ и Каракольском курганах, причем перекрытие, как и в последнем, опиралось на вертикально поставленные по углам ямы столбы¹⁴. Сами срубы представляли собой двух-трехвенцовые рамы без перекрытия, занимавшие южную, большую, часть могильной ямы. Погребенные в срубах лежали на правом боку, головой на юго-восток. В северной половине ямы на специальной приступке находилось сопроводительное захоронение лошадей, обращенных головами в том же направлении. По этим признакам раскопанные курганы могильника Узунтал III сближаются также с шестым Пазырыкским и первым Арагольским курганами¹⁵.

Рассматривая вопрос об этническом характере погребенных в Пазырыкских курганах, С. И. Руденко писал: «Независимо от того, были это богатые или рядовые захоронения, между ними нет принципиальных различий... что несомненно свидетельствует о принадлежности этих захоронений одной этнической группе»¹⁶. К этой же этнической группе (в широком, этнокультурном значении термина) относятся и Узунтальские курганы. По особенностям погребального обряда (табл.) они ближе всего стоят к тем курганам, которые С. И. Руденко считал сравнительно поздними в ряду пазырыкских памятников (Каракол, Шиббе, шестой Пазырыкский курган), а М. П. Грязнов выделял в последний, шиббинский, этап культуры ранних кочевников (Катаанда, Каракол, Туэкта, Шиббе и др.)..

Таблица

Основные данные погребального ритуала в курганах 3 и 5.
могильника Узунтал III

Признак	Курган 3	Курган 5
Число камней-балбалов	7	4
Диаметр кургана (м)	10,2	10,1
Высота кургана (м)	0,35	0,5
Глубина залегания перекрытия могильной ямы (от уровня современной поверхности) (м)	1,25	0,9
Общая глубина могильной ямы (м)	2,35	2,15
Внешние размеры срубов (м)	2,12 × 1,54	1,8 × 1,2
Внутренние размеры срубов (м)	1,72 × 1,3	1,45 × 0,98
Количество венцов	2	2
Высота сруба (м)	0,3	0,35
Число погребенных	Не определено	3
Ориентировка погребенных	Юго-восток (?)	Юго-восток
Высота приступки (м)	0,3	0,6
Ширина приступки (м)	0,8	0,7
Число лошадей	2	2
Ориентировка лошадей	Юго-восток	Юго-восток
Наличие пола	Нет	Есть

Анализ предметов сопроводительного инвентаря позволяет определить время сооружения Узунтальских курганов. Курган 3 был ограблен, но сохранилась интересная серия вещей, расположенных, к сожалению, в погребении без видимого порядка. Здесь были найдены два железных проушных чекана (рис. 1, 5, 6) и железный клинжал, от которого сохранились клинок и прорезная рукоять с обломанным навершием, имевшим скорее всего кольцевидную или рогообразную форму (рис. 1, 17). Подоб-

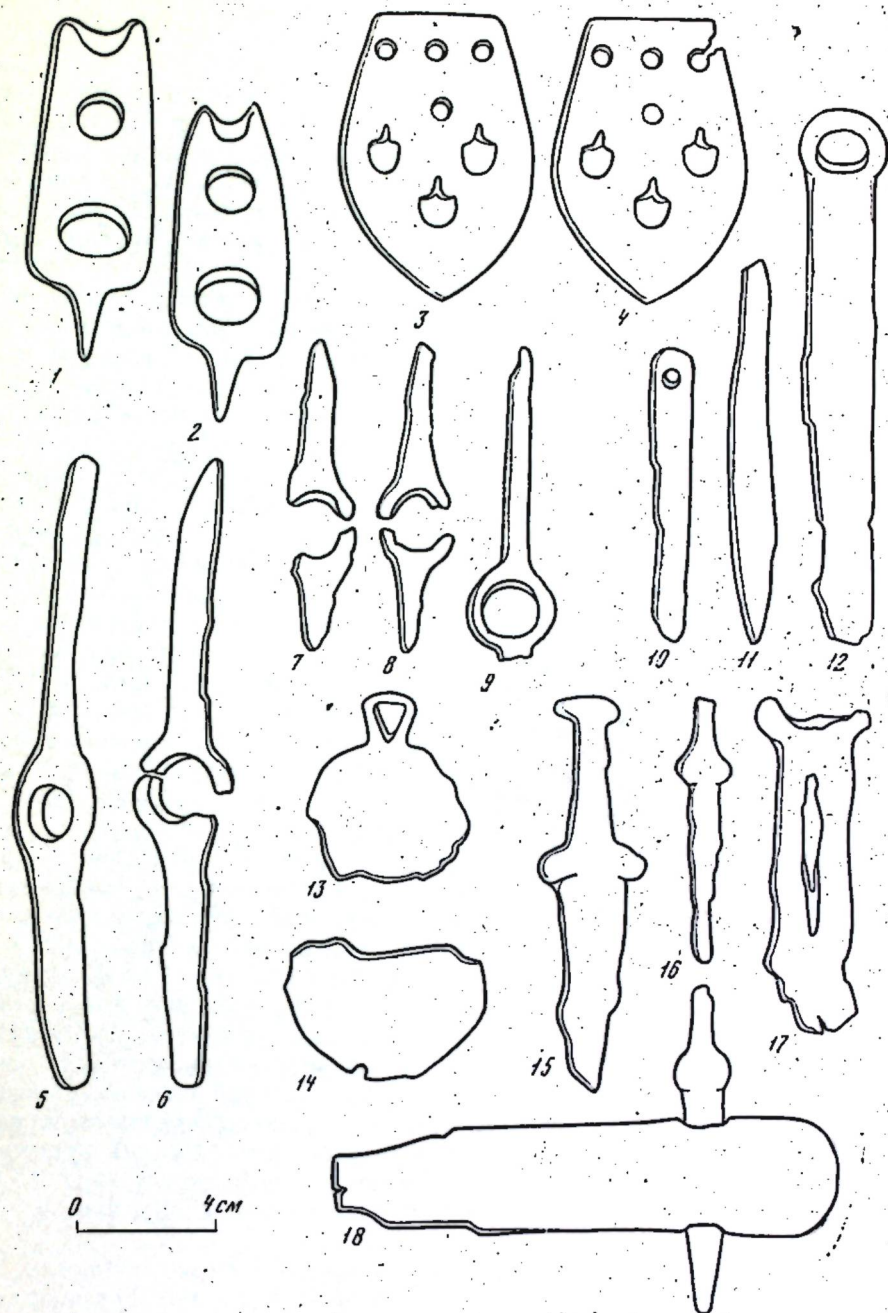

Рис. 1. Предметы сопроводительного инвентаря из курганов 3 и 5 могильника Узунтал III.

1, 2 — подпружинные пряжки; 3, 4 — щитки от уздечки; 5—9 — чеканы; 10—12 — ножи; 13, 14 — зеркала; 15—18 — клинжалы; 1, 2, 7—11, 14—16 — курган 5; 3—6, 12, 13, 17, 18 — курган 3; 1—4 — кость; 5, 6, 12, 17 — железо; 7—11, 13—16 — бронза; 18 — бронза, дерево

ные клинжалы с прорезной рукоятью характерны для позднетагарского времени¹⁷.

В этом же кургане найдены два бронзовых зеркала в остатках кожаных чехлов. Одно из зеркал медалевидное, с треугольной прорезью в петле (рис. 1, 13). Бронзовые медалевидные зеркала вообще широко представлены в культуре ранних кочевников в разных районах ее рас-

пространения. Особенно часто встречаются они в Туве, на Алтае и в Казахстане¹⁸. Форма треугольной прорези, по-видимому, наиболее характерна для поздней серии этих зеркал.

Другое зеркало также относится к типу медалевидных, но петля здесь оформлена в виде фигурки стоящего верблюда. Верблюд изображен в спокойной позе, показаны четыре ноги, слегка вислый зад, характерный изгиб высокой шеи, маленькая прямо поставленная голова и даже подшерсток на шее (рис. 2). Обратная сторона фигурки гладкая, но на ней сохранились остатки обломанной, горизонтально расположенной петли. Изображения фигур стоящих животных (чаще всего козлов) или их голов

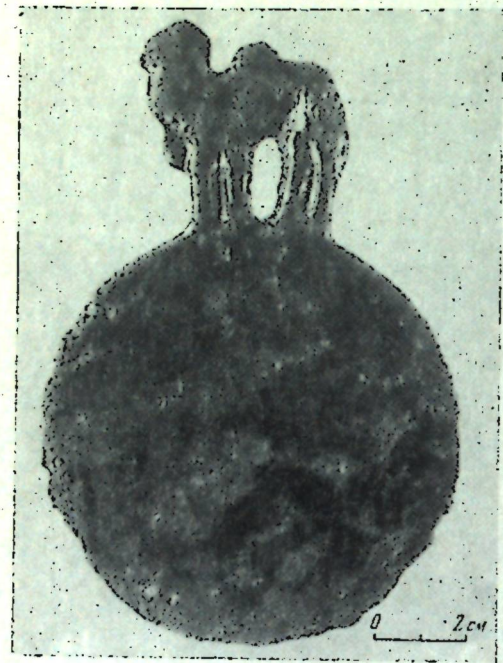

Рис. 2. Бронзовое зеркало с фигуркой одногорбого верблюда из кургана 3.

предполагать, что фигурка представляла собой часть зеркала типа узунтальского. Из других находок в кургане 3 следует отметить бронзовый votivный кинжалчик, вставленный в деревянную рукоятку (рис. 1, 18), деревянные проколку и конус, обломки керамики и обрывки золотой фольги.

Курган 5, в отличие от кургана 3, оказался непо потревоженным. В нем было похоронено три человека, и у каждого на поясе находился определенный комплект предметов сопроводительного инвентаря — нож, чекан, кинжал и в одном случае — зеркало (рис. 1, 14). Найденные здесь ножи относятся к разным типам: бронзовый пластинчатый с круглым отверстием для подвешивания (рис. 1, 10), бронзовый сплошной (рис. 1, 11) и железный с кольцом на рукоятке (рис. 1, 12). На Алтае такие же пластинчатые бронзовые ножи (с отверстием и без) найдены в Арагольских курганах²⁴ и в Аргуте²⁵. Время появления кольчатых железных ножей определяется находками в хуннских памятниках Забайкалья²⁶. Чеканы, найденные в кургане 5, бронзовые миниатюрные (рис. 1, 7—9). Кинжалы также уменьшенных размеров, повторяющие широко распространенный тип кинжалов с бабочковидным перекрестием (рис. 1, 15, 16). Как уже указывалось, в кургане 3 найден такой же votivный кинжалчик, вставленный в массивную деревянную ручку (рис. 1, 18). Судя по

встречаются на зеркалах скифского времени, найденных в Минусинской котловине¹⁹ и в Туве²⁰. На Алтае такое зеркало найдено впервые. Мотив верблюда — вообще сравнительно редкое явление для искусства того времени, причем чаще всего изображались двугорбые, а не одногорбые верблюды²¹. То обстоятельство, что в памятниках скифо-сибирского звериного стиля фигурируют преимущественно дикие, а не домашние животные, позволяет предполагать, что и в данном случае представлено изображение дикого верблюда (как, например, на наскальных изображениях)²². Наиболее близкое узунтальскому изображение стоящего верблюда происходит из Ордоса²³. Точно судить о назначении ордосской фигурки трудно, так как из ее, очевидно, обломак, по горизонтально расположенной петле на обратной стороне позволяет

этой находке, такие votivные кинжалы могли использоваться в быту как режущее орудие. Из других находок в кургане 5 следует отметить фрагменты керамики и обрывки золотой фольги, найденной на полу и в верхних венцах сруба, а также на ногах погребенных.

В сопроводительных конских захоронениях в обоих курганах найдены железные кольчатые удила и костяные детали упряжи. В кургане 3 с двух сторон черепа лошади были парные щитки с круглыми и фигурными отверстиями (рис. 1, 3, 4). Наборы таких щитков от сбруйных наборов известны в материалах многих горноалтайских курганов, в том числе в Шибе²⁷, Караколе²⁸ и в собственно Пазырыкской группе²⁹. В кургане 5 найдены две подпружные пряжки с неподвижным выступающим носиком (рис. 1, 1, 2). На Алтае пряжки этого типа встречены во втором, третьем и четвертом Пазырыкских курганах, в могильниках Аргут и Кок-су³⁰, т. е. на памятниках V—III вв. до н. э. Однако они продолжали бытовать и в хуннское время: две такие пряжки имеются в материалах Иволгинского городища³¹.

Наибольшую близость вещи из Узунтальских курганов обнаруживают с материалами тесинского этапа тагарской культуры (II—I вв. до н. э.), причем в данном случае речь идет не об отдельных аналогиях, а о совпадении целого комплекса предметов сопроводительного инвентаря. Это медалевидные зеркала с треугольной прорезью, петельчатые ножи с круглым отверстием, железные кольчатые ножи, votivные бронзовые чеканы и кинжалы, наиболее характерные для погребений последних веков до нашей эры в Минусинской котловине, где они известны уже в массовых сериях³². Такие же материалы происходят из одновременных памятников более северных районов Кемеровской обл.³³

По всем приведенным аналогиям, в первую очередь тесинским, дата сооружения курганов 3 и 5 могильника Узунтал III может быть определена II—I вв. до н. э. К этому же времени должны относиться и некоторые другие из ранее раскопанных курганов, например Арагольские, где наряду с железными были найдены бронзовые votivные изделия.

Население, оставившее эти памятники, связано с культурой пазырыкского типа, но уже в период ее завершения, на грани эпохи великого переселения народов. Очевидно, оно не мигрировало, как полагал С. И. Руденко, под давлением хуннов на территории Восточного Казахстана и юга Западной Сибири, где следы его, кстати говоря, не найдены, а оставалось жить на своих прежних местах и в хуннское время. Вместе с тем это население не могло не подвергнуться влиянию новой, хуннской культуры. Оно сказалось в широком распространении железа, явной тенденции к уменьшению размеров бронзовых предметов, появлению некоторых новых типов вещей и т. д. Видимо, не случайно самая близкая параллель узунтальскому зеркалу с фигуркой верблюда, типичного представителя центральноазиатской фауны, происходит из Ордоса. Возможно, это зеркало восточного происхождения, что подтверждается и статичной позой стоящего верблюда, характерной для хуннского художественного стиля более, чем для пазырыкского. Наконец, типично хуннская сероглиняная канелированная керамика была найдена в заполнении могильной ямы в кургане 2 могильника Узунтал I (рис. 3). Курган был ограблен еще в древности, так что судить об обстоятельствах появления здесь этой керамики трудно, тем не менее сам факт ее находки весьма симптоматичен. Это первое бесспорное свидетельство пребывания хуннов на территории Горного Алтая.

Аналогичные процессы происходили и в других районах Южной Сибири. Конец тагарской культуры и переход к тесинскому (или переходному тагаро-таштыкскому) периоду в Минусинской котловине исследователи связывают с северным походом хуннов в самом конце III в. до н. э.³⁴ В Восточном Казахстане в это же время происходят существенные изменения внутри кулажургинской культуры, памятники которой С. С. Чер-

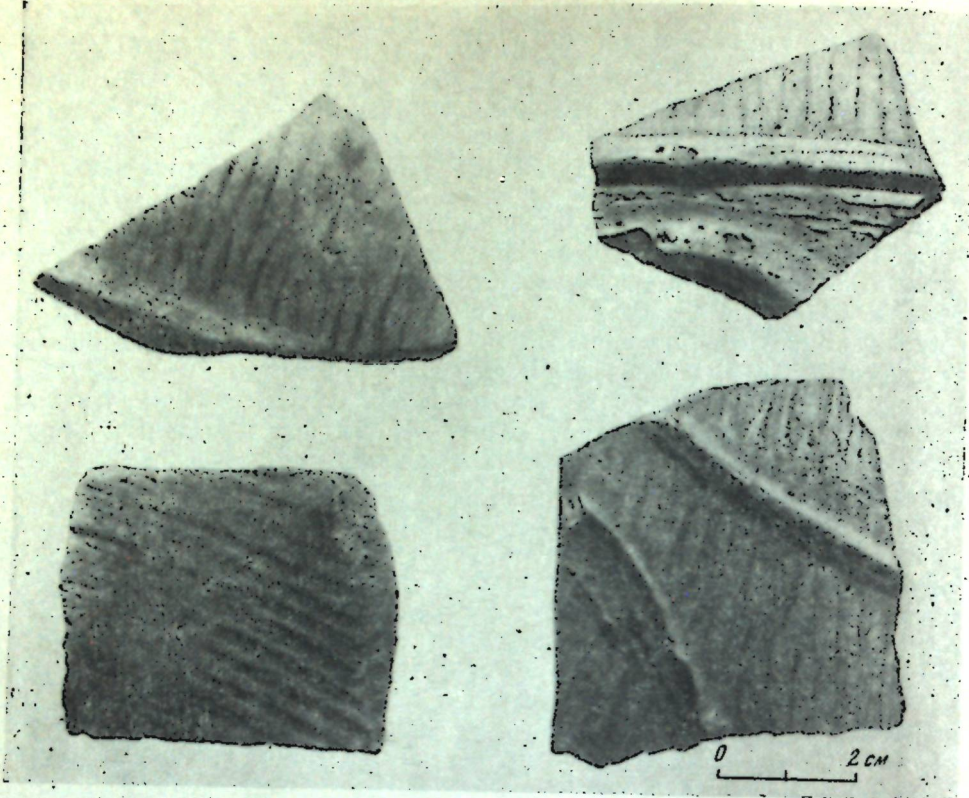

Рис. 3. Фрагменты хуннской керамики, найденные в кургане 2 могильника Узунтал I

ников подразделяет на две группы: III в. до н. э. и II в. до н. э.—I в. н. э. В погребениях поздней группы найдены короткий кинжал с прямым перекрестием, петельчатые и кольчатые ножи, типологически близкие тесинским³⁵. Эти изменения в культуре ранних кочевников Саяно-Алтайского нагорья нельзя рассматривать изолированно друг от друга. Они были выражением общей закономерности процессов аккультурации, происходивших на грани двух культурно-исторических эпох — скифской и гунно-сарматской, которые поглотили яркую пазырыкскую культуру Горного Алтая.

- ¹ Грязнов М. П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана. — В кн.: История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (макет), ч. II. М.—Л., 1939, с. 399—413.
- ² Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960, с. 335—341.
- ³ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 327—399.
- ⁴ Сводку мнений о датировке Пазырыкских курганов см.: Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая..., с. 162, 163; Грач А. Д. Могильник Саглы-Бажи II и вопросы археологии Тувы скифского времени. — СА, 1967, № 3, с. 228, 229.
- ⁵ Грач А. Д. Могильник Саглы-Бажи II..., с. 215—232.
- ⁶ Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая..., с. 335.
- ⁷ Захарисса Е. И. Дендрохронологическое исследование кургана Аржан. — СА, 1970, № 1, с. 106.
- ⁸ Кубарев В. Д. Новые находки эпохи ранних кочевников в Горном Алтае. — В кн.: Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1972, с. 45—59.
- ⁹ Савинов Д. Г. Курганы позднескифского времени в долине Узунтал. — АО 1973 г. М., 1974, с. 220, 221.
- ¹⁰ Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, с. 342.

- ¹¹ Сорокин С. С. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-су. (Южный Алтай). — АСГЭ, 16, 1974, позиционная таблица, 2, 8, 12, 13.
- ¹² Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы. — Вестник МГУ, сер. ист.-филол., № 4, 1958, с. 95, табл. III.
- ¹³ Гаврилова А. А. Раскопки Второго Катавдинского могильника. — СА, XXVII, 1957, с. 255.
- ¹⁴ Киселев С. В. Из работ Алтайской экспедиции ГИМ в 1934 г. — СЭ, 1935, № 1, с. 99.
- ¹⁵ Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая..., с. 39—42, рис. 14, 15.
- ¹⁶ Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая..., с. 163.
- ¹⁷ Чаенова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, табл. 4, 5—7.
- ¹⁸ Чаенова Н. Л. Место культуры Тувы скифского времени в ряду других «скифских» культур Евразии. — Уч. зап. ТНННЯЛН, 9, 1961, с. 142, 143, табл. II.
- ¹⁹ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, табл. XXI, 1—5.
- ²⁰ Грач А. Д. Могильник Саглы-Бажи II..., рис. 10.
- ²¹ Чаенова Н. Л. Происхождение и ранняя история..., табл. 36, 4.
- ²² Грач А. Д. Петроглифы Тувы. I. Проблема датировки и интерпретации, этнографические традиции. — Сборник МАЭ, XVII, 1957, с. 415—419.
- ²³ Andersson A. G. Hunting Magic in the Animal Style. — BMFEA, N 4, 1932, pl. XXI, 10.
- ²⁴ Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая..., табл. XXII, 4—7.
- ²⁵ Сорокин С. С. Материалы к археологии Горного Алтая. — Уч. зап. Горно-Алтайского НННЯЛН, 8, 1969, рис. 12, 13.
- ²⁶ Davydova A. V. The Ivolga Gorodishche a monument of the Hiungnu culture in the Trans-Baikal Region. — Acta archaeologica, 20, 1968, fig. 16, 12—13.
- ²⁷ Грязнов М. П. Раскопки княжеской могилы на Алтае. — «Человек», 1928, № 2-4, рис. 1.
- ²⁸ Киселев С. В. Из работ Алтайской экспедиции ГИМ в 1934 г., рис. 1—4.
- ²⁹ Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая..., рис. 133, табл. XLVI, 2, 3; XLVII, 6—9; LIX и сл.
- ³⁰ Сорокин С. С. Материалы к археологии Горного Алтая, рис. 9, 5; он же. Цепочка курганов времени ранних кочевников..., рис. 5, 2; 7, 12; 14, 9.
- ³¹ Davydova A. V. The Ivolga Gorodishche..., fig. 13, 3, 5.
- ³² Грязнов М. П. Тагарская культура. — В кн.: История Сибири, т. I, Л., 1968, с. 191—194; Пшеницына М. И. Культура племен Среднего Енисея во II—I вв. до н. э. (тесинский этап). Автореф. канд. дис. Л., 1975, с. 18—22; она же. Третий тип памятников тесинского этапа. — В кн.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975, рис. 3.
- ³³ Мартынов А. И., Мартынова Г. С., Кулемзин А. М. Шестаковские курганы. Кемерово, 1971, рис. 11, 13, 59, 67, 68.
- ³⁴ Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960, с. 161—166; Пшеницына М. И. Культура племен Среднего Енисея..., с. 26, 27.
- ³⁵ Черников С. С. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников (по археологическим материалам Восточного Казахстана). — В кн.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975, с. 135, 136.

А. В. ДАВИДОВА

К ВОПРОСУ О РОЛИ ОСЕДЛЫХ ПОСЕЛЕНИЙ В КОЧЕВОМ ОБЩЕСТВЕ СЮННУ

Археологические работы на Иволгинском городище (1949—1974 гг.) дали неоспоримые свидетельства существования у древних центрально-азиатских кочевников сюнну оседлого ремесленно-земледельческого хозяйства, которое производило необходимые кочевникам продукты ремесла и сельского хозяйства (железные орудия и оружие, кожи, шерстяные ткани, посуду, бронзовые и костяные изделия, украшения из различных материалов, а также просо, ячмень, пшеницу). Материалы Иволгинского городища позволили по-новому подойти к проблеме экономических основ общества сюнну¹.

Бесспорно, что благосостояние этого народа определялось в основном огромными стадами скота; письменные источники, как правило, опери-

руют колоссальными цифрами в сотни тысяч голов². Но столь же несомненна и постоянная нестабильность кочевого хозяйства: неблагоприятные погодные условия (засуха летом, обильный снегопад зимой) нередко приводили к массовому падежу скота, болезням и голоду, от которого погибали и люди. Эти трагические события в истории сюнну неоднократно отмечаются хрониками³.

Узость экономической базы кочевого хозяйства, его нестабильность, постоянная потребность дополнять пищевой рацион растительной пищей делали необходимым контакт с земледельческим хозяйством. Он осуществлялся в различной форме: 1) торговля с земледельческими народами; 2) военные набеги на них и, главное, 3) организация собственных оседлых земледельческо-ремесленных поселений.

Основания для таких выводов имеются частично в письменных источниках, но в основном содержатся в археологических материалах, которые позволили выделить в кочевом обществе сюнну его оседлую часть⁴.

Эти выводы, убедительно доказанные материалами Иволгинского городища, находят также подтверждение и в материалах других поселений сюнну. Сейчас обнаружено более десяти городищ в бассейнах рек Енисей, Селенги, Керулена, в Центральном, Хентейском, Архангайском и Булганском аймаках МНР. На территории Монголии открыты также и неукрепленные поселения сюнну⁵. Число известных сейчас оседлых поселений сюнну приближается к 20. Тем самым реконструкция их хозяйства, состоявшего из кочевой и земледельческо-ремесленной частей, становится реальной. Накапливающийся археологический материал в будущем, видимо, позволит выяснить точное соотношение этих двух составных начал в экономике сюнну, но, на наш взгляд, и сейчас уже ясно, что роль оседлых земледельческо-ремесленных поселений в их хозяйстве была гораздо значительнее, чем это принято считать.

Отмечая земледелие у сюнну, обычно указывают на его второстепенную роль в хозяйстве. Этим, как нам кажется, снимается самое важное звено в общем понимании условий жизни кочевого хозяйства: оно не может существовать без связи с земледельческим началом. Признавая земледелие у сюнну, следует в первую очередь подчеркнуть его жизненную необходимость, непреходящую обязательность для этого общества; развитие земледелия было важной частью экономической базы древнего государства сюнну.

Обращает на себя внимание не только число известных сейчас памятников оседлых сюнну (около 20), но и сам характер этих памятников, хотя надо сказать, что их четкая классификация остается делом будущего. Опубликованные монгольскими учеными краткие данные о поселениях⁶ позволяют разделить их на две группы: укрепленные и неукрепленные. Обследовавший укрепленные поселения Х. Пэрлээ интерпретирует их как замки и дворцы правителей. Основанием для такого толкования послужили главным образом сведения письменных источников; археологический же материал, полученный на этих поселениях, слишком мал и фрагментарен. Окончательные суждения о характере поселений могут быть высказаны только на базе массового археологического материала. Достаточно наглядно это видно из истории исследования Иволгинского городища: до проведения на нем систематических раскопок оно интерпретировалось как военный форпост сюнну на севере их владений, что чрезвычайно суживало представления о характере памятника. Это был не только военный форпост, но к тому же хозяйственный центр целой округи с развитым многосторонним земледельческо-ремесленным хозяйством, а также торжище, куда съезжались кочевники для обмена.

Несомненно, интерпретация укрепленных поселений сюнну на территории Монголии, предложенная Х. Пэрлээ, неоправданно суживает значение и характер поселений этого вида. Мы вправе их считать не только

замками правителей, но, как и Иволгинское городище, поселками, где население занималось сельским хозяйством и различными ремеслами.

Вторая группа памятников оседлых сюнну — неукрепленные поселения, которые монгольские археологи справедливо называют земледельческими⁷. Однако сведений о них еще меньше, чем об укрепленных.

Для характеристики поселений такого рода пока можно оперировать только материалами поселения на р. Чикой у с. Дурены (Бурятская АССР, в 35 км к востоку от г. Кяхта). Этот удивительный памятник стал известен в конце прошлого века, когда члены Троицко-Савско-Кяхтинского отделения Русского географического общества произвели здесь первые археологические сборы⁸. К настоящему времени в фондах Кяхтинского музея накопились сотни предметов (керамика, изделия из железа и бронзы, украшения из различных материалов и пр.), собранные местными краоведами. Коллекции эти никогда не публиковались, а представление о поселении у с. Дурены основывалось лишь на скудных сведениях в небольшой статье Г. П. Сосновского, в которой изложены результаты работ на поселении, произведенных в 1928 г. Г. Ф. Дебецем. Он раскопал здесь две полуземлянки⁹.

Анализ коллекций подъемного материала, собранного на поселении у с. Дурены, показывает, что здесь имеются все те категории предметов, которые были обнаружены и на Иволгинском городище. Особое же внимание вызывает большое количество различных земледельческих орудий — серпов, мотыг и главным образом сошников. Достаточно сказать, что сейчас в Забайкалье известно 29 сошников времени сюнну¹⁰, из них 21 обнаружен на поселении у с. Дурены и только 2 — на Иволгинском городище, хотя там раскопано уже около 8 тыс. кв. м.

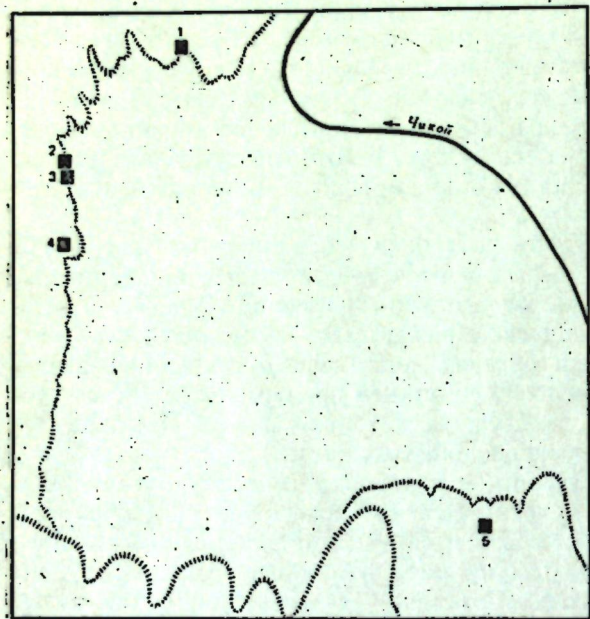
Близость поселения у с. Дурены к основному массиву памятников сюнну на территории Монголии, его исключительные размеры, обилие и разнообразие находок (не только всех известных категорий археологического материала сюнну, но преимущественно земледельческих орудий, остатков производства и обработки металлов — шлаков, конкреций руды, обломков литейных форм) определяют значение этого весьма важного для понимания культуры сюнну памятника. Состояние же его изученности было настолько слабым¹¹, что не имелось ни плана поселения, ни представления о характере культурного слоя. Из-за отсутствия документации неопределимым оказалось и место раскопок Г. Ф. Дебеца, где были открыты две полуземлянки. Учитывая научное значение этого поселения, а также сильно затронувшие его процессы разрушения, кафедра археологии Ленинградского государственного университета в 1972 г. начала археологическое обследование памятника. Разведочные работы, проведенные в 1972—1975 гг. под руководством автора настоящей статьи, доказали возможность широких систематических археологических раскопок во всех частях поселения, тем более необходимых ввиду постоянного сокращения его площади, превращаемой ветром в песчаные выдувы.

Местность, где оно находится, — широкая долина р. Чикой. Обилие рыбы и водоплавающей птицы в заводях этой реки и заболоченных низинах, обилие пастбищ, вода — все эти условия благоприятны как для скотоводства, так и для земледелия. Эти отрасли и поныне определяют основные направления местного хозяйства.

Поселение находится на краю надпойменной террасы, образующей в плане как бы подкову, расположенную в излучине р. Чикой (рис.). Условно оно разделено на три части, четко выделяющиеся в его форме (три стороны дуги) и названные Нижние Дурены (северная часть дуги), Средние Дурены (западная часть дуги), Верхние Дурены (южная часть дуги). Общая протяженность поселения составляет около 5 км. Во всех его частях зафиксированы значительные участки ненарушенного культурного слоя мощностью до 90 см (втрое больше, чем на Иволгинском городище). В разведочных раскопах, заложенных с целью выяснения

характера культурного слоя (их общая площадь составляет 660 кв. м), обнаружено пять жилищ (одно — в Нижних, одно — в Верхних, три — в Средних Дуренах) и десятки хозяйственных ям. Это указывает на заселенность всей обширной площади поселения.

Жилища типа полуземлянок, открытые в Дуренах, имеют те же конструктивные особенности, что и жилища Иволгинского городища. Для их сооружения использовали те же материалы — дерево, сырец, а для печей и дымоходов — необработанные каменные плиты. Полученный в Дуренах материал, однако, еще слишком мал для того, чтобы говорить о полном тождестве этих двух поселений. Более того, здесь имеются некоторые локальные особенности. Так, например, в жилище 2 в Верхних Дуренах канал дымохода, прорытый в материковой почве, не имел обрамления каменными плитами, которое зафиксировано во всех 50 жилищах Иволгинского городища и в остальных жилищах Дурен.

План поселения у с. Дурены (выполнен в 1972 г. С. С. Миняевым). Цифрами обозначены места разведочных раскопок и открытых жилищ

1 — раскоп 1 и жилище 1 (Нижние Дурены); 2 — жилище 3; 3 — раскоп 2 и жилище 4; 4 — жилище 5 (Средние Дурены); 5 — жилище 2 (Верхние Дурены)

были обнаружены на Иволгинском городище (керамика; орудия и оружие из железа — ножи, серпы, топоры, наконечники стрел; бронзовые и железные пряжки; многочисленные изделия из кости; украшения из различных материалов, местных и привозных: халцедона, флюорита, сердолика, агата, стекла и пр.), что, конечно, объясняется одинаковой направленностью хозяйства обоих поселений. В Дуренах зафиксировано значительно большее, чем на Иволгинском городище, количество находок, связанных с производством железа, железных и бронзовых изделий. Одни разведочные раскопы (660 кв. м) дали почти то же количество плаков, которое было найдено на исследованной площади Иволгинского городища (около 8 тыс. кв. м): Это обстоятельство связано, видимо, со значительно большей развитостью ремесел на поселении у с. Дурены.

Следует ожидать, что объем материала (во всех его категориях) с поселения у с. Дурены будет несравненно больше, чем на Иволгинском городище: длина поселения у с. Дурены около 5 км, длина же Иволгинского городища всего 348 м! Выше уже отмечалось, что из 29 сошников сюнну, обнаруженных в Забайкалье, 21 происходит из Дурен. Таким образом, несомненно не только ремесленная и земледельческая направленность хозяйства этого поселения, но, принимая во внимание его об-

ширные размеры, можно предполагать и его исключительно высокий хозяйственный потенциал.

Учитывая, что поселение у с. Дурены — одно из многих на землях сюнну, можно отчетливо представить ту значительную роль, которую они играли в хозяйстве этого общества. Преобладание кочевой основы в хозяйстве сюнну не снимает того обстоятельства, что ремесленно-земледельческая часть была жизненно необходимым условием существования и развития общества сюнну.

Оценка значительной роли поселения у с. Дурены в общей системе памятников сюнну находится в прямой связи с его огромными размерами (рис.). Четко прослеживающееся деление этого поселения на три части (Верхние, Средние и Нижние Дурены) вызывает вопрос об их хронологическом взаимодействии. Материал из разведочных раскопок 1972—1975 гг. позволяет датировать все поселения временем от II в. до н. э. до I в. н. э.¹² и предполагать одновременное существование всех его частей. Возможно, поселение у с. Дурены продолжало существовать и позже (находки керамики уйгурского типа), однако для аргументации этого положения материалов еще явно недостаточно.

- ¹ Давыдова А. В. Иволгинское городище — памятник хунну в Забайкалье. Автореф. канд. дисс., Л., 1965; Davydova A. V. The Ivolga Gorodishce a monument of the Hingnu culture in the Trans-Baikal Region. — Acta archaeologica, 20, 1968.
- ² Таскин В. С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам), вып. 1. М., 1968, с. 51; вып. 2. М., 1973, с. 28.
- ³ Таскин В. С. Материалы по истории сюнну, вып. 2, с. 28, 29, 70.
- ⁴ Давыдова А. В. Иволгинское городище.
- ⁵ Пэрлэз Х. К истории древних городов и поселений в Монголии. — СА, 1957, № 3, с. 43—53; Киселев С. В. Древние города Монголии. — СА, 1957, № 2, с. 92, 93; Шавкунов Э. В. Обследование гуинских городищ в Монголии. — АО, 1972 г. М., 1973, с. 506, 507.
- ⁶ Пэрлэз Х. К истории древних городов..., с. 44.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Протоколы РГО, Протоколы собрания Троицко-Савско-Кяхтинского отделения РГО, № 6—8, 1896, с. 16.
- ⁹ Сосновский Г. П. О поселении гуинской эпохи в долине р. Чуйой (Забайкалье). — КСИИМК, XIV, 1947, с. 35—39.
- ¹⁰ Подсчеты количества сошников производились в основном по неизданным материалам из фондов Кяхтинского музея.
- ¹¹ Сосновский Г. П. О поселении гуинской эпохи...
- ¹² Радиоуглеродный анализ древесины из столбовой ямы в жилище 2 в Верхних Дуренах, произведенный в радиоуглеродной лаборатории ЛОИА АН СССР (Jle-909), показал дату 20 г. н. э. ± 60 лет.

А. К. АБЕТЕКОВ

О ПОГРЕБЕНИИ СОБАКИ В УСУНЬСКОМ КУРГАНЕ В ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЕ

В могильнике Карагай-Булак, расположенном близ ущелья Иссык-Ата в Чуйской долине, в 1974 г. был раскопан курган 9. Это округлый в плане холм диаметром 15 м, высотой около 1 м. Расчистка кургана позволила реконструировать первоначальный вид надмогильного сооружения¹. На дневной поверхности крупной галькой была выложена ограда в форме эллипса высотой четыре-пять рядов. Над оградой была сооружена земляная насыпь, над ней в свою очередь сделан новый панцирь из гальки. Сверху образовался тонкий дерновый слой (рис. 1).

Внутри центральной ограды обнаружено зольное пятно (глубина 0,7 м), содержавшее обугленные кости, обломки керамики и куски сгоревшего войлока. На глубине 0,9 м под пятном найдена передняя часть

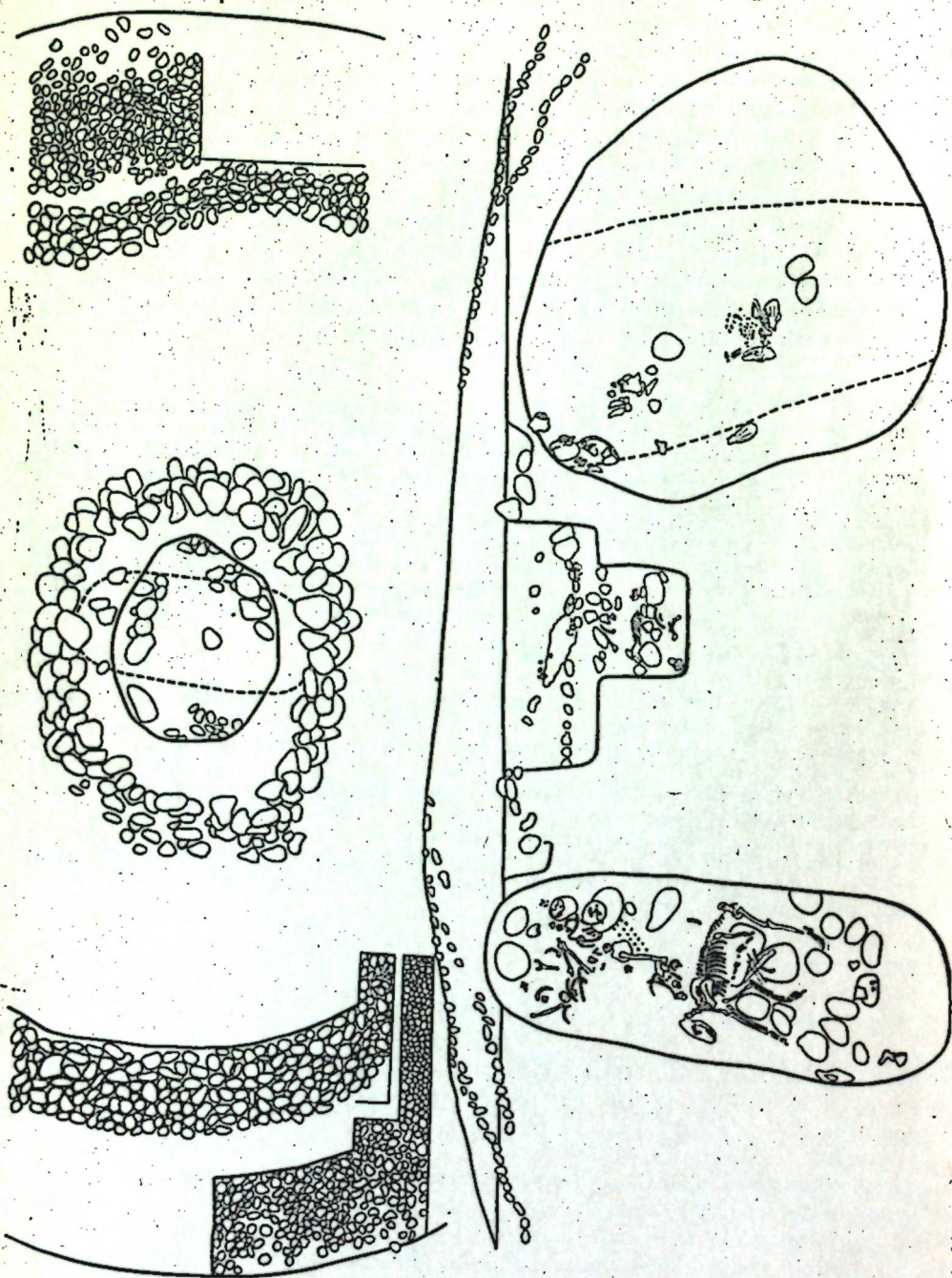

Рис. 1. Карагай-булак, курган 9 (план и разрез)

скелета собаки, положенной на войлочную подстилку. Войлок и некоторые кости собаки сильно обуглены. Непосредственно под собакой обнаружены остатки вымостки из камней, перекрывавшей могильную яму. Среди камней встречены многочисленные фрагменты керамики и череп второй собаки без нижней челюсти.

Под скелетом первой собаки, после расчистки подстилавших его камней, обнаружена овальная могильная яма размерами 2,8×1 м и глубиной 1,8 м, ориентированная с северо-запада на юго-восток. В заполнении могильной ямы встречены разрозненные кости взрослого человека. На глубине 1,6 м оказался скелет третьей собаки в полном анатомическом порядке (рис. 2). По обе стороны от него среди камней найдены фрагменты керамики и лежащие в беспорядке кости взрослого человека. Глубина дна могилы 1,8 м.

В кургане на разных уровнях обнаружены фрагменты не менее десяти разных керамических сосудов, из которых восстанавливаются: а) плоскодонный кувшин с вертикальной ручкой, сделанный на гончарном круге, стенки довольно толстые, обжиг хороший, тесто с примесью песка, венчик слегка отогнут; б) тонкостенная плоскодонная чаша, изготовленная на гончарном круге, венчик слегка отогнут, под венчиком семь горизонтальных желобков, тесто без примеси органических веществ; в) лепная плоскодонная чаша с венчиком, тесто грубое, обжиг хороший (фрагменты этой чаши собраны по всей глубине заполнения могильной ямы).

Кроме этих сосудов, в кургане найдены ручки, фрагмент стенки с основанием ручки, фрагмент крышки котла, украшенной по краям защипами, и обломки еще четырех лепных сосудов из грубого теста.

Мы можем частично восстановить события, происходившие здесь после захоронения человека. Спустя длительное время (после того как полностью разложились связки костей), могила была ограблена. После этого (трудно установить, через какое время) могилу перекрыли камнями и на них похоронили собаку. Затем на более высоком горизонте, на перекрытии из камней была сожжена и погребена вторая собака. И хотя в Карагай-Булакском могильнике между захоронением собак и погребением человека отсутствует реальная связь — они разновременны, но тем не менее сам по себе обычай хоронить собак как культовых животных заслуживает особого внимания. Аналогичные захоронения на памятниках кочевого населения Киргизии и Казахстана неизвестны. Однако такое захоронение, по-видимому, не случайно. Можно предположить, что этот обычай связан с религиозным мировоззрением жителей Карагай-Булака. Очевидно, он идет от ритуалов зороастризма.

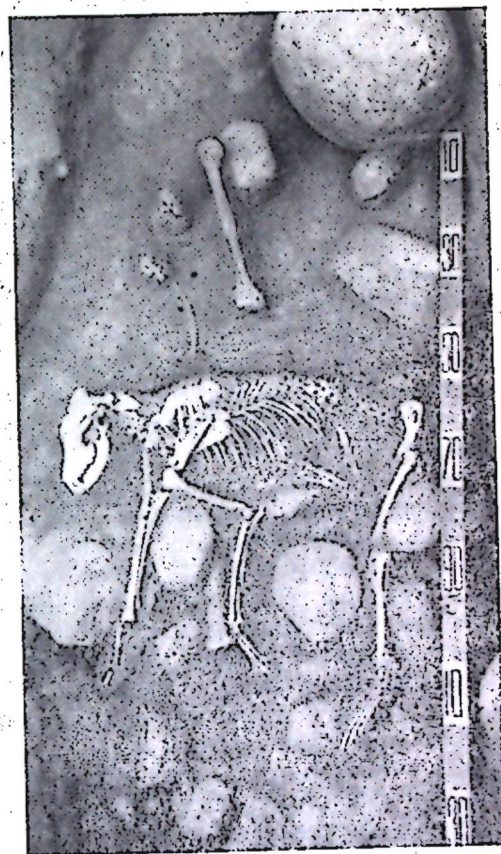

Рис. 2. Скелет собаки в могильной яме кургана 9

Рассмотрим некоторые археолого-этнографические параллели, связанные с культом собаки у разных народов.

Б. А. Литвинский отмечает, что в Авесте рассказывается, как душа умершего добирается до Чинватского моста, где происходит ее допрос, а затем прекрасная девушка в сопровождении двух собак ведет душу верующего через мост к «стене», образующей границу небесного мира. Отсюда душа направляется к Ахура-Мазде². В связи с культом собаки как «волшебного существа» интересно описание церемоний «сагдид» в Видевдате: к умершему человеку подводят собаку для того, чтобы она поглотила на труп. Эта церемония связана с зороастрийскими представлениями о друждах — порождениях Ангро-Манью, зловещих существах женского пола. Одно из них — Насу — вселяется в тело человека сразу же после того как душа его покинет. На любого, приблизившегося к мертвому, Насу способна наслать болезнь или даже смерть. С целью изгнания Насу и производилась церемония «сагдид»³.

Как полагает Б. А. Литвинский, близкие представления существовали и в древнеиндийской мифологии. Там также имеется «мост мертвых», согласно Ригведе (X, 14, 1) путь в загробный мир пересекает большой водный поток, у индийского бога смерти также имеются собаки⁴. В этой связи интересно отметить, что древние индийцы представляли себе месяц в виде небесного пса. Рога молодого месяца они отождествляли с клыками собаки и считали, что небесный пес принадлежит солнечному богу, который ставит ночью верного пса караулить свое жилище. Как собака охраняет ночью дом хозяйина, так месяц с высоты небес наблюдает за сном человека⁵. Исследователи пришли к выводу, что такого рода верования восходят еще ко времени индоиранской общности. Б. А. Литвинский обращает внимание на специальные захоронения собак, иногда волков и козлов, на памятниках древней Индии⁶.

В литературе уже отмечалось, что «у древних персов собаки окружались величайшим почетом, ибо считалось, что в них помещаются человеческие души после смерти. Поэтому труп человека отдавался на съедение собакам, бродившим повсюду в большом количестве»⁷.

В Авесте встречается ряд указаний на то, что религия Ахура-Мазды берет под свою защиту собаку как животное, созданное самим богом: «Кто убьет одну из этих собак — пастушью, деревенскую, охотничью и обученную, того душа, полная страха и болезни, идет из этого (мира) в мир надземный... и не может другая душа его душе по смерти оказать помощь, ибо страх и ужас внушает она тому миру, и помогают ей обе собаки, стерегущие мост Чинвата после смерти, ради страха и ужаса, навводимого ею»⁸. Таким образом, «человек, убивший собаку, по религии Зороастра лишается всех благ будущей жизни: его не допустят до жилища правоверных две собаки, охраняющие мост Чинвата, по которому душа достигает этого жилища»⁹.

В погребальном обряде у племен ухуань и сяньби (конец I тысячелетия до н. э. и первые века нашей эры) собаке также принадлежала особая роль. «Именно собака была у них проводником души покойного в загробный мир, она приобщала душу умершего к его ранее ушедшим „в тот мир“, на гору Чиншань, духам предков»¹⁰. В Хоуханьшу говорится, что ухуаньцы «берут одну откормленную собаку и ведут ее на цветном шнурке; также берут лошадь, на которой покойник ездил, его одеяние и вещи и все это сжигают, и несут за гробом для препоручения собаке, чтобы она охраняла душу умершего до горы Чиншань»¹¹.

Интересно, что одна из групп племен, отколовшаяся от сяньбийцев еще в III в. н. э. и поселившаяся на другой, более отдаленной территории, длительное время сохраняла представления о собаке как о предке-то-теме¹².

Существуют сведения о происхождении древних жунов от бай-цюаня, т. е. белой собаки. В легенде отражен древний тотемический миф о про-

исхождении от животного предка. В данном случае группа жунов «имела предком» белую собаку, принадлежала к роду собаки. Эти сведения, как утверждает Л. Л. Викторова, относятся к глубокой древности, примерно ко II тысячелетию до н. э.¹³

Л. Л. Викторова обращает внимание на отголоски обычая, связанного с культом собаки. В свадебном обряде одной из этнических групп современного населения Монголии невеста, чтобы приобщиться к семейному очагу в доме мужа, прежде всего должна покормить собаку, надеть ей на шею хадак (ошейник) и пропеть собаке йораль (хвалебную песнь)¹⁴.

Для изучения религиозного мировоззрения древних кочевников-скотоводов Чуйской долины особый интерес представляют сохранявшиеся до недавнего времени у киргизов пережитки тотемизма, связанные с культом собаки. В сознании киргизов, как отмечает С. М. Абрамзон, они уцелели лишь в виде отдельных, сильно трансформированных пережитков¹⁵.

Не менее интересны археологические факты.

Рассматривая религиозные представления племен уюкской культуры Тувы, М. Х. Маннай-оол упоминает о захоронениях уюкцев «вместе с убитыми собаками»¹⁶. К сожалению, исследователь не дал описания погребального обряда и комплексов вещей и не объяснил значение этих культовых захоронений, раскрывающих некоторые особенности ритуала и верований древних жителей Саяно-Алтая скифского времени. Кости собаки вместе с костями овцы, лошади, козы и крупного рогатого скота отмечены в одном из больших курганов той же Уюкской долины Л. Р. Кызласовым¹⁷.

К. Ф. Смирнов неоднократно упоминает о скелетах собак вместе с зарубленными тушами барана и лошади в савромато-сарматских погребениях. В семи различных могильниках им обнаружены кости собаки. В кургане 4 у с. Норки «полный скелет собаки с черепом лежал на покойнике вместе с расчлененной тушей барана»¹⁸. В могильниках у сел Политотдельское (курган 6) и Усатовское (курган Г-13) найдены кости двух щенков и нижняя челюсть собаки¹⁹. Захоронения собак вместе с расчлененной тушей барана известны по дореволюционным раскопкам А. А. Спицына²⁰.

На Кавказе открыты изображения собаки разных периодов — от эпохи бронзы до раннего средневековья. Погребения собак известны на памятниках кобанской²¹ и фатьяновской культур²². Собака и лошадь часто встречаются в произведениях скифского искусства. Их нередко можно увидеть на скифских надгробных рельефах. Так, например, на одном из скифских надгробий среди сюжетов военного характера изображены две собаки, бегущие по полю битвы среди трупов убитых²³. В. А. Кузнецов обнаружил на позднеаланских дольменообразных склепах изображения пяти собак, которые, по его мнению, выполняли «охранные» функции, оберегая покой погребенных²⁴.

П. Н. Шульц отмечает, что обычай захоронения собаки вместе с хозяином, а иногда и вместе с его конями имел место у скифов и представлен в Крыму и на Таманском полуострове²⁵. Так, в кургане Васюринской горы у лестницы, которая вела в склеп, обнаружен остов собаки²⁶. Захоронения лошади и собаки открыты рядом с погребением скифского воина вблизи Нимфея на Керченском полуострове²⁷. Погребения собак встречены в скифских курганах Нижнего²⁸ и Среднего Поднепровья²⁹. Ярко представлен обряд погребения собаки в мавзолее Неаполя скифского, где встречено три захоронения собак³⁰. М. И. Вязьмитина в насыпи одного из сарматских погребений обнаружила целый скелет собаки, расположенный над покойником³¹.

Специальное захоронение собаки — «в деревянном гробу и в особой яме» — обнаружено в Новоникольском I могильнике Нижнего Поволжья.

Этот обычай В. П. Шилов связывает с ролью собаки в скотоводческом хозяйстве у раннесарматских кочевых племен³².

Захоронения собаки в насыпи над погребальной камерой, а иногда в специальном каменном ящике известны на памятниках тагарского времени на Среднем Енисее³³. Очевидно, такой же ритуал был широко распространен и на Южном Урале. Об этом свидетельствует ряд захоронений собак под Челябинском³⁴. В Средней Азии на городище Ток-кала в одном из помещений на стене науса рядом с человеческим скелетом в оссуарии находились кости собаки³⁵, как и в одном из помещений ранне-средневековой сельской усадьбы под Самаркандом³⁶. В некрополе Миздахкана наряду с погребениями человеческих костей в сосудах и оссуариях найдено погребение в бытовом сосуде предварительно очищенных костей собаки³⁷. В Тали-Барзу также найдены челюсти собак вместе с человеческими черепами и фрагментами оссуариев³⁸. Погребения людей с собаками обнаружены и в убейдском могильнике Эриду³⁹.

По вопросу о месте собаки в религиозном мировоззрении древних людей у исследователей нет единого мнения. Появление ритуальных захоронений собак в Средней Азии связывают с влиянием «канонизированного зороастризма Ирана на религиозную идеологию населения Средней Азии»⁴⁰. Другие считают, что собака, как и верховая лошадь, сопровождала своего хозяина скотовода в загробный мир как верный его помощник. Захоронения собак в сибирских памятниках эпохи палеолита и неолита В. М. Массон объясняет заботой «благодарного охотника о своем усопшем друге»⁴¹.

У нас нет пока возможности предложить четкую гипотезу по этому поводу. Но тем не менее представляется, что выводы наших коллег в некоторой степени не лишены категоричности и односторонности. Правда, В. М. Массон к этому вопросу подходит более осторожно, чем другие исследователи, допуская «многообразность трактовок культового характера этого животного». Действительно, в одних случаях собак хоронили вместе с хозяином, почти рядом с ним (как в мавзолее Неаполя скифского), в других — просто в насыпи кургана (сарматское погребение у с. Ново-Филипповка), иногда — в специальных деревянных или керамических гробах — оссуариях (Новоникольский могильник и некрополь Миздахкана), наконец, для собак устраивали и специальные «похороны» в могильной яме, на кошме или каменной вымостке (Карагай-Булак, курган 9).

Из всех перечисленных аналогий в хронологическом отношении к нашему кургану наиболее близко стоят памятники скифо-сарматской культуры с подобным же обрядом захоронения. Это позволяет думать, что курган 9 из Карагай-Булака синхронен сарматской культуре, быть может, ее более позднему этапу. Такое заключение, нам кажется, подтверждают результаты радиоуглеродного анализа, произведенного в лаборатории Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, по данным которого возраст кургана 9 из Карагай-Булака 2460 ± 200 лет до наших дней.

¹ Реконструкция надмогильного сооружения выполнялась по методике, разработанной М. П. Грязновым.

² Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972, с. 118.

³ Ягодин В. И., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970, с. 143.

⁴ Литвинский Б. А. Курганы и курумы... с. 118, 119.

⁵ Миллер В. Ф. Значение собаки в мифологических верованиях. — Древности. Труды МАО, VI, 1876, с. 119.

⁶ Литвинский Б. А. Курганы и курумы... с. 119, 120.

⁷ Соколова З. П. Культ животных в религиях. М., 1972, с. 6.

⁸ См.: Миллер В. Ф. Значение собаки... с. 197.

⁹ Там же.

¹⁰ Викторова Л. Л. Ранние формы религии киданей. — В кн.: Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974, с. 264.

¹¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I. М., 1950, с. 143, 144.

¹² Викторова Л. Л. Ранние формы религии киданей, с. 264.

¹³ Там же, с. 263, 264.

¹⁴ Там же, с. 264.

¹⁵ Абрамзон С. М. Киргизы и их этнические и историко-культурные связи. Л., 1971, с. 280.

¹⁶ Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время (уюкская культура). М., 1970, с. 97.

¹⁷ Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы. — Вестник МГУ, сер. ист.-филол., 1958, № 4, с. 77.

¹⁸ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 102; он же. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. — МИА, № 60, 1959, с. 316.

¹⁹ Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское... с. 316.

²⁰ Rau P. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929.

²¹ Миллер А. А. Изображения собаки в древностях Кавказа. — ИРАИМК, II, 1922, с. 321.

²² Крайнов Д. А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Автореф. докт. дисс. М., 1967, с. 26.

²³ Шульц П. Н. Мавзолей Неаполя скифского. М., 1953, с. 67.

²⁴ Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. — МИА, № 106, 1962, с. 53.

²⁵ Шульц П. Н. Мавзолей Неаполя скифского, с. 63.

²⁶ Там же, с. 63.

²⁷ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925, с. 389.

²⁸ Там же, с. 437.

²⁹ Бобринский А. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. СПб., 1894, с. 85.

³⁰ Шульц П. Н. Мавзолей Неаполя скифского, с. 63.

³¹ Вязьмитина М. И. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. — В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, с. 222.

³² Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975, с. 115.

³³ Николаев Р. В. Курганы тагарской эпохи у г. Красноярск. — В кн.: Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963, с. 99.

³⁴ Там же, см. примеч.

³⁵ Гудкова Е. В. Ток-кала. Ташкент, 1964, с. 86.

³⁶ Шишкина Г. В. Ранне-средневековая сельская усадьба под Самаркандом. — В кн.: История материальной культуры Узбекистана, вып. 2. Ташкент, 1961, с. 218.

³⁷ Ягодин В. И., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздахкана, с. 143.

³⁸ Альбаум Л. И. Балалык-Тепе. Ташкент, 1960, с. 101.

³⁹ Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976, с. 35.

⁴⁰ Ягодин В. И., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздахкана, с. 143.

⁴¹ Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976, с. 28.

М. К. КАДЫРБАЕВ, Ж. К. КУРМАНКУЛОВ

ПОГРЕБЕНИЕ ЖРИЦЫ, ОБНАРУЖЕННОЕ В АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Сведения античных письменных источников о гинекократии в савроматском обществе неоднократно были предметом специальных исследований. Наиболее полно, во всей совокупности античной традиции и археологических материалов, эта проблема была разработана Б. Н. Граковым¹. Гипотеза Б. Н. Гракова о связи савроматского женовластия с сильными пережитками матриархата в этом обществе получила дальнейшее развитие в работах К. Ф. Смирнова и А. М. Хазанова². Существует, как известно, и противоположная точка зрения, ставящая под сомнение значение материнского рода и его пережитков у савроматов³.

А. М. Хазанов верно подметил неоднозначность зависимости между положением женщины в обществе и характером его линейной принадлежности⁴. В самом деле, мнение о роде как об универсальной ячейке перво-

бытного общества, в которой экономические отношения совпадали с кровнородственными и семейно-брачными связями, совершенно невозможно распространить на эпоху раннего железа — время распада в степях Евразии первобытнообщинного строя и сложения раннеклассовых образований. В эту эпоху уровень развития производительных сил древних кочевников не только ослабил зависимость общественного строя от родовых связей, но и в определенной степени разделил два вида производства, характеризующие Ф. Энгельсом как ступени развития «... с одной стороны — труда, с другой — семьи»⁵. Поэтому сам по себе факт существования матриархата или его пережитков у савроматов еще не говорит о регрессе общественного производства и социальных отношений у этих племен⁶.

При всем несходстве мнений о характере общественного строя савроматов сторонники обеих гипотез единодушны в оценке женских погребений с каменными алтарями-жертвенниками. Определение их как захоронений жриц — отправителей религиозных культов в семье или роде — заслуга прежде всего археологов⁷, ибо античная письменная традиция, широко повествующая о воительницах-амазонках, почти не содержит данных о женщинах-жрицах, если не считать глухих сведений Псевдо-Гиппократ. о совершении ими до замужества каких-то жертвоприношений.

Убедительность такой трактовки женских погребений с каменными жертвенниками все более подтверждается новыми материалами. Менее бесспорным выглядит тезис о принадлежности этих захоронений собственно савроматам. Дело в том, что для собственно савроматских племен Геродота, о которых и говорит Псевдо-Гиппократ, такие погребения, по наблюдениям К. Ф. Смирнова, не типичны⁸. Они широко распространены только в Самаро-Уральской области, а вопрос об этническом облике населения этой территории в савроматское время остается открытым⁹.

Среди 40 с лишним погребений жриц Южного Приуралья, если считать по числу найденных жертвенников¹⁰, процент богатых женских погребений очень невелик. Из новых захоронений жриц, изученных в 1973—1974 гг. в Актюбинском левобережье р. Илек, особый интерес представляет погребение женщины в кургане 3 могильника Бес-оба. Эта курганная группа из 12 насыпей находится в 3,5 км к юго-западу от центральной усадьбы совхоза Хлебодаровский Актюбинского р-на той же области. Курган 3 входит в состав центральной группы наиболее крупных по размеру курганов могильника. Высота его земляной насыпи достигает 1,9 м, диаметр с севера на юг 38 м и с востока на запад 36 м. Насыпь покрывала сложную деревянную конструкцию, имевшую почти круглую шатрообразную форму. Ее площадь около 44 кв. м. Бревна и плахи, использованные для сооружения перекрытия, имели толщину 0,15—0,25 см и сохранились в длину на 7—9 м. В раскопе хорошо прослеживалась радикальная позиция бревен по направлению к центру могилы, где эти бревна каким-то образом соединялись между собой. Предполагаемая первоначальная высота деревянной конструкции была не менее 1,5 м. Сверху этот деревянный шатер был покрыт кустарником и соломой.

Для поддержания такой сложной постройки использовались скорее всего деревянные опоры, хотя следы столбовых ям обнаружить не удалось. В центре под перекрытием были выявлены контуры круглой погребальной площадки, углубленной в грунт на 0,6 м. Диаметр ее с севера на юг 6,4 м, с востока на запад 6,2 м.

Северная половина могильной ямы была занята погребением женщины-жрицы (рис. 1). Скелет вытянут на спине черепом на запад с небольшим отклонением к югу. Густой слой тлена от шерсти и растительных остатков, обнаруженный над погребенной и под ней, указывает на то, что покойница была завернута в кошму и затем обмотана плетенкой из веток кустарника. Кости сохранились плохо. Правая рука скелета согнута в локте и поднята к голове, левая вытянута вдоль туловища. Грудь и шея покойницы украшены ожерельем, состоящим из сердоликового

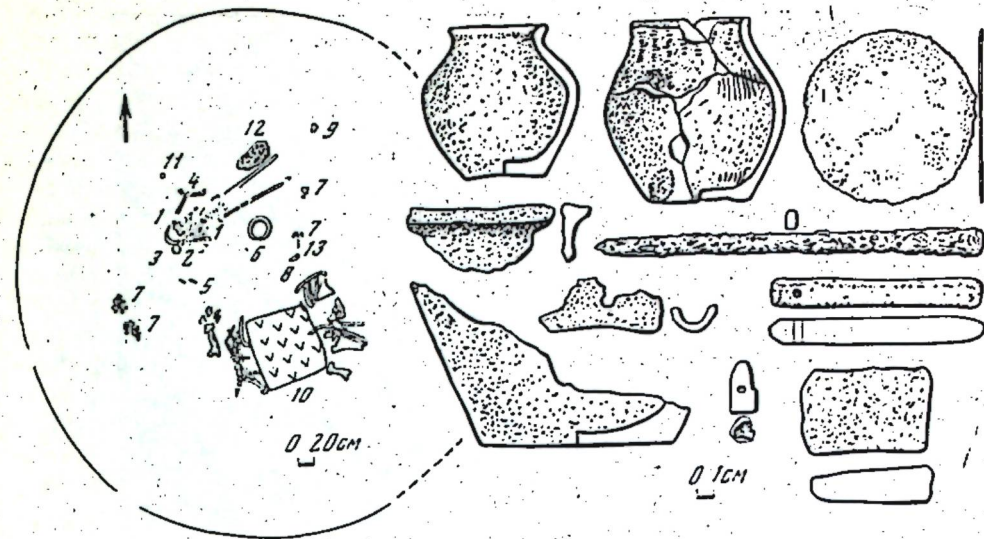

Рис. 1. Могильник Бес-оба, курган 3. План погребальной площадки и вещи
1 — серьги; 2 — нашивные блишки; 3 — зеркало; 4 — зеленая краска; 5 — железный нож; 6 — каменный алтарь; 7 — глиняные сосуды; 8 — точильный камень; 9 — краскотерка; 10 — ритуальное ножище; 11 — обломок костяного изделия; 12 — красная краска; 13 — реальгар

кулона, обрамленного золотой оправой, золотых бус и трубок, связки синих стеклянных бусин. С правой стороны черепа и на левой стороне груди найдены полые внутри массивные золотые, украшенные зернью серьги конической формы. На верхней одежде нашиты 95 электровых полшарных нашивок.

С левой стороны погребенной на уровне локтя обнаружены следы зеленой краски, фрагмент костяного предмета неясного назначения, а у ног — красная краска в виде порошка в матерчатом мешке, плоская, почти прямоугольная каменная краскотерка и глиняный сосуд бабочной формы с неглубоким орнаментом по шейке. С правой стороны у головы лежало бронзовое круглое зеркало с чуть отогнутой закраиной, а на уровне бедренной кости — большой каменный жертвенник из розового песчаника на трех ножках (рис. 2), превосходной художественной выделки. Ножки жертвенника сделаны в виде скульптурной головы хищника (волка). Снизу жертвенник украшен рельефной трехлепестковой фигурой. Чуть правее жертвенника находились второй маленький глиняный сосуд без орнамента, кусочек реальгара и длинный, почти круглый в сечении точильный камень с отверстием для подвешивания на одном конце. В 20 см к югу от черепа лежал плоский железный нож без выделенной рукояти. Ближе к западной стенке могильной площадки находились обломки крупного глиняного сосуда с носиком-сливом.

В южной половине могильной ямы обнаружен прямоугольный очаг в виде кострища, углубленный в землю на 5 см. Сохранившиеся зола и куски древесного угля свидетельствуют о том, что во время обряда захоронения в очаге горел огонь. У западной и восточной стенок очага располагались части туши лошади. На правой стороне лежали плечевая кость, лопатка, ребра, а на левой — кости таза, хвостовые позвонки, вторая плечевая кость, спинные позвонки и ребра.

Коллекция золотых изделий этого захоронения содержит яркие образцы ювелирного искусства. Крупные серьги, украшенные зернью, — редкое произведение древних мастеров по золоту (рис. 3). Каждая серьга состоит из несомкнутого кольца, сделанного из расплюсченной проволоки; к кольцу припаян полый конус, свернутый из золотого листа; полоски

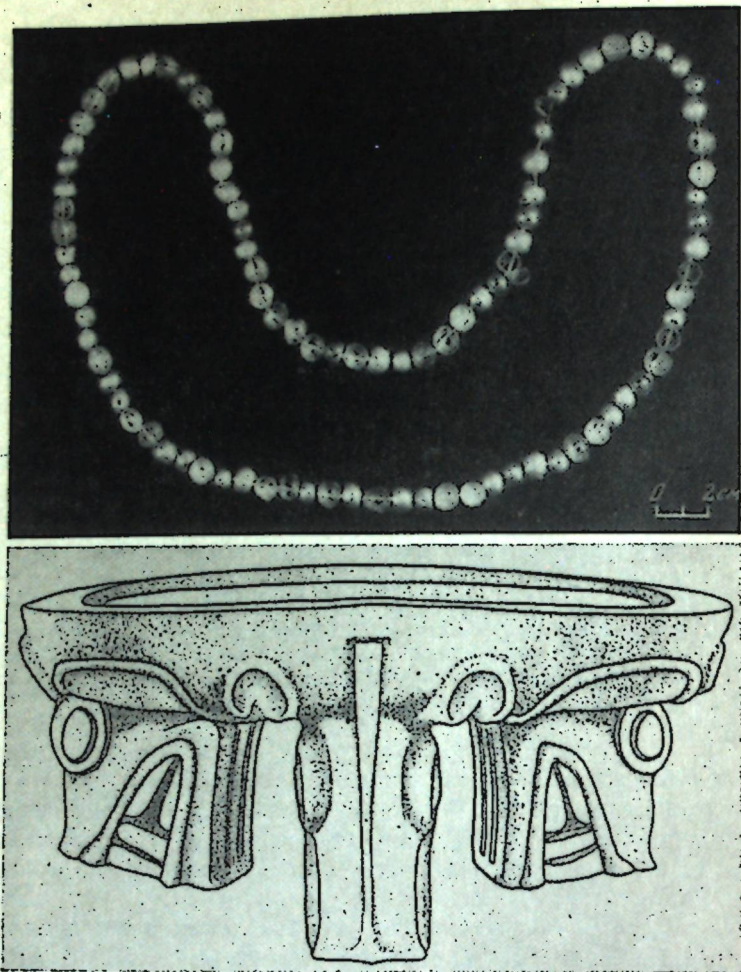

Рис. 2. Нашивные бляшки и жертвенник

зерни покрывают вертикальный шов конуса и низ тулова каждой серьги; зернь украшает также место соединения тулова и кольца.

Из опубликованных материалов по Приуралью нам известна лишь одна находка крупных золотых серег из могильника Биш-оба второй половины VI в. до н. э.¹¹ Однако бишобинские серьги, близкие нашим по технологии, отличаются от них биконической формой и рядом технических деталей. Аналогии бесобинским формам имеются далеко на востоке, в Центральном Казахстане, где в кургане 2 могильника Жиланды первого этапа тасмолинской культуры была найдена подобная сережка, но только меньших размеров¹². Вообще наибольшее количество серег с конусовидными колпачками происходит из Сибири и восточной половины Казахстана. Это серьги из коллекции Витзена, из алтайских курганов Сротинского и Быстринского могильников, погребений Тувы¹³. Однако все перечисленные серьги были с подвесками или со вставками камня, в то время как бесобинские такой особенности не имели. Указанные различия объясняются, вероятнее всего, индивидуальным характером изготовления подобных изделий.

Оригинально и ожерелье, состоящее из 23 золотых предметов (рис. 3). В центре ожерелья помещался сердоликовый прямоугольный кулон, оправленный в золотую рамку. На лицевом щитке рамки, у камня, припаяна витая тонкая проволока, обрамленная комбинациями зерни; сверху ку-

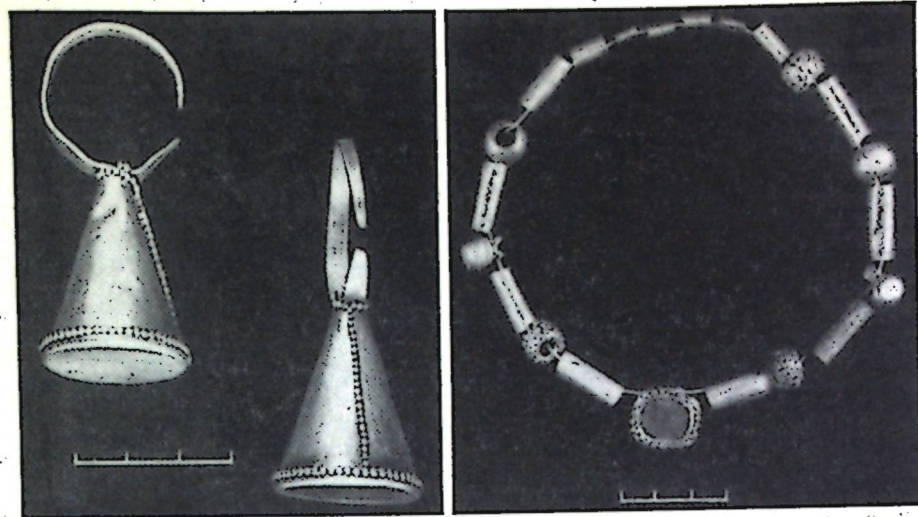

Рис. 3. Золотые серьги и ожерелье

лон имеет три миниатюрные петельки; кроме того, середину кулона пронизывает просверленное отверстие.

Своеобразны и золотые бусины. Две из них состоят из припаянных друг к другу шариков; на верхнем маленьком шарике есть петельчатое отверстие (первоначальное отверстие износилось, поэтому новое сделано с другой стороны). Бока большого нижнего шарика в результате долговременного употребления ожерелья износились. Поверхность шариков сплошь покрыта зашлифованной зернью. Точно такой же зернью украшены еще две массивные круглые бусины. По-ипному сделаны три другие бусины; они покрыты маленькими ячейками. Ячейки изготовлены следующим образом: сначала к тулову припаявались миниатюрные полые шарики, которые затем в центре продавливались. В состав ожерелья входят также восемь крупных и пять малых цилиндрических трубочек.

Рядом с золотым ожерельем были найдены 34 стеклянные бусины. Большинство из них (21) — темно-синего цвета, плоские, без орнамента; четыре бусины — сплюснуто-эллипсоидные с белым глазчатым орнаментом; шесть бусин — голубые, орнаментированные белой глазурью; три — соломенно-желтого цвета, с сосцевидными отростками.

В материале из кургана Биш-оба, раскопанного под Орском одним из видных этнографов Башкирии конца XIX в. П. С. Назаровым, есть параллели и 95 нашивным полусферическим украшениям одежды¹⁴. Украшения такого типа известны в Чирик-рабаде¹⁵, а далее на восток — в могильнике Карамурун Павлодарской обл.

Жертвенное блюдо из кургана 3 — высокохудожественное произведение камнерезного искусства, свидетельствующее о том, что иллекские ваятели по камню в совершенстве владели объемно-пластическими средствами. Об этом говорит оформление пожек бесобинского алтаря. На них в скульптуре представлены характерные для савроматского искусства канонические изображения волчьих голов с грозно оскаленной пастью. На тесную связь каменных алтарей с солирными культами и культами поклонения огню указывает оформление дошной части бесобинского жертвенника рельефным орнаментальным крестом, составленным из трехлестчатой фигуры.

Предметы кургана Бес-оба по многим линиям сопоставляются с материалами таких ярких памятников, как уже упомянутая Биш-оба, второй и третий курганы Тара-Бутака¹⁶. Датировке нашего кургана рубежом

VI—V вв. до н. э. не противоречат и остальные находки, в частности глиняные сосуды.

Бесобинский курган принадлежит к наиболее богатым погребениям приуральских жриц, составивших ярко выраженную привилегированную социальную прослойку древних скотоводческих племен Орь-Илекского междуречья.

- ¹ Граков Б. И. Пережитки матриархата у сарматов. — ВДИ, 1947, № 3, с. 100—121.
- ² Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 200—205; Хазанов А. М. Материнский род у сарматов. — ВДИ, 1970, № 2.
- ³ Шилов В. П. Калиновский курганный могильник. — МИА, № 60, 1959, с. 430—432; Смирнов А. П. К вопросу о матриархате у савроматов. — В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 188—190.
- ⁴ Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975, с. 86.
- ⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 26.
- ⁶ Ср.: Смирнов А. П. К вопросу о матриархате... с. 190.
- ⁷ Граков Б. И. Пережитки матриархата... с. 109, 110; Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 202—205.
- ⁸ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 203—204.
- ⁹ Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. — САИ, вып. Д1-9, 1963, с. 6.
- ¹⁰ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 162.
- ¹¹ Там же, с. 302, рис. 10, 1е.
- ¹² Кадырбаев М. К. Могильник Жиланды на реке Нуре. — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 44, рис. 12.
- ¹³ Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I. М.—Л., 1962, рис. 2, 3, 19; Завагузина М. П. Курганы у с. Быстринского в Алтайском крае. — АСИЭ, 8, 1966, рис. 3, 3; Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы. — Вестник МГУ, сер. ист.-филол., 1958, № 4, табл. II, 57.
- ¹⁴ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 10 (тип Id).
- ¹⁵ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, рис. 81.
- ¹⁶ Смирнов К. Ф. Савроматы, рис. 10, 17, 18.

Х. Ю. ЮСУПОВ

НОВЫЙ ПАМЯТНИК ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ НА УЗБОЕ

Изучение памятников кочевого населения античного периода на территории современного Туркменистана было начато в 50-х годах Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией и Институтом истории, археологии и этнографии АН ТССР. Изучение курганных памятников Присарыкамьшской дельты Амударьи проводилось Хорезмской археолого-этнографической экспедицией под руководством С. П. Толстова¹. В эти же годы А. А. Марущенко были раскопаны курганные погребения сарматского времени (Хаскяриз, Кизыл-чешме) в подгорной полосе Южного Туркменистана². Проведены раскопки могильников на побережье Амударьи (Бабанов)³, в подгорной полосе Конет-Дага (Пархай Мешренитахта, Чукур и др.)⁴ и в других местах археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии АН ТССР и Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством А. М. Мандельштама⁵.

С 1970 г. отряд отдела археологии Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР ведет систематические исследования курганных памятников Северо-Западной Туркмении. Раскопки проводились в могильниках Богарслан, Камалкыр, Черешлы 1—3, Гичгельды, Таланхайата, Акляла, Гараязы и на Дордуле.

Природно-климатические условия Северо-Западного Туркменистана благоприятствовали развитию кочевого скотоводства в разные исторические периоды. Немаловажное значение имел Узбой, протекавший через огромное пространство пустыни. В последние годы на Узбое изучены многочисленные курганные памятники.

В 1974—1975 гг. на Узбое обследован памятник, получивший название Ичянылы-депе. Ичянылы-депе расположен наверху самой южной сошки Дордуля. Это развалины сооружения, почти квадратного в плане размерами 35×40 м, возведенного из необработанных каменных плит ракушечника. В центре находится всхолмление округло-овальной формы высотой около 3 м, размерами по линии восток—запад 27 м, север—юг — 16 м. Основанием всхолмления служит скалистый материк. На верху и на склонах видны стоящие ребром крупные плиты, в северо-западном и северо-восточном углах заметны остатки стен квадратных и прямоугольных в плане комнат. Юго-западный и юго-восточный углы сооружения выступают массивными валами, между которыми расположена низина. Развалины покрыты мелкими и средних размеров кусками плитняка и шлаками. Керамика, поднятая на поверхности памятника, малочисленна и сильно фрагментирована.

Расчистка поверхности центрального всхолмления выявила помещение прямоугольной в плане формы, размерами 4,5—3,5 м, сооруженное из поставленных на ребро плит и ориентированное длинными сторонами с востока на запад. Изнутри на глубину 45—50 см оно заполнено известью с мелкими кусками известняковых плит⁶, затем на глубину около 1 м — завалом мелких законченных (?) плит. Ниже на скалы плиты поставлены ребром и образуют узкие закопченные сооружения (поды печей?). Между ними сохранились остатки древесных угольков и даже веточки какого-то сгоревшего кустарника. На этом раскопе единственной находкой является миниатюрная модель корытообразного сосуда (рис. 1, 40). Тесто в изломе сероглиняное с примесью песка и дресвы.

Частичные раскопки юго-восточной части памятника выявили помещение неправильной формы 7×6×5×5 м с двумя (южным и западным) входами. Помещение сооружено из плит, уложенных плашмя. Строительным материалом служили также шлаки. Изнутри комната облицована плитами, поставленными на ребро. Высота стен 2 м, толщина — 2,6 м, пол — неровная скала. В центре комнаты сооружена прямоугольная камера, основанием ее служит квадратная плита (размеры 1×1×0,15 м). Боковые стенки сложены из крупных вертикально поставленных плит, укрепленных снаружи более мелкими плитами, уложенными плашмя. Комната была заполнена надувным песком, в котором найдено немного обломков керамических сосудов, несколько обломков костей животных и один бронзовый трехлопастный наконечник стрелы с выступающей втулкой. Среди плит найден круглодонный сероглиняный лепной горшочек (рис. 1, 10), аналогичный по форме и фактуре горшочкам из курганных памятников Верхнего Узбая.

Западный проход ведет в какое-то крупное помещение (или двор), раскопанное лишь частично. Здесь на участке длиной 14 м расчищена северная стена, возведенная из крупных плит, поставленных с наклоном в сторону центрального всхолмления. Уровень культурного слоя не везде одинаков: у прохода — около 1 м, к западу постепенно понижается до 0,3—0,5 м. Дальнейшие раскопки в западном направлении выявили еще одно помещение (?) неправильных очертаний.

В заполнении всего раскопа в большом количестве найдены лепная и круговая керамика, бронзовые трехлопастные втульчатые наконечники стрел, обломки челюсти с зубами крупных животных и копыта лошадей. Керамика преимущественно лепная, представлена в основном горшками с прямым, слегка отогнутым наружу или загибающимся внутрь,

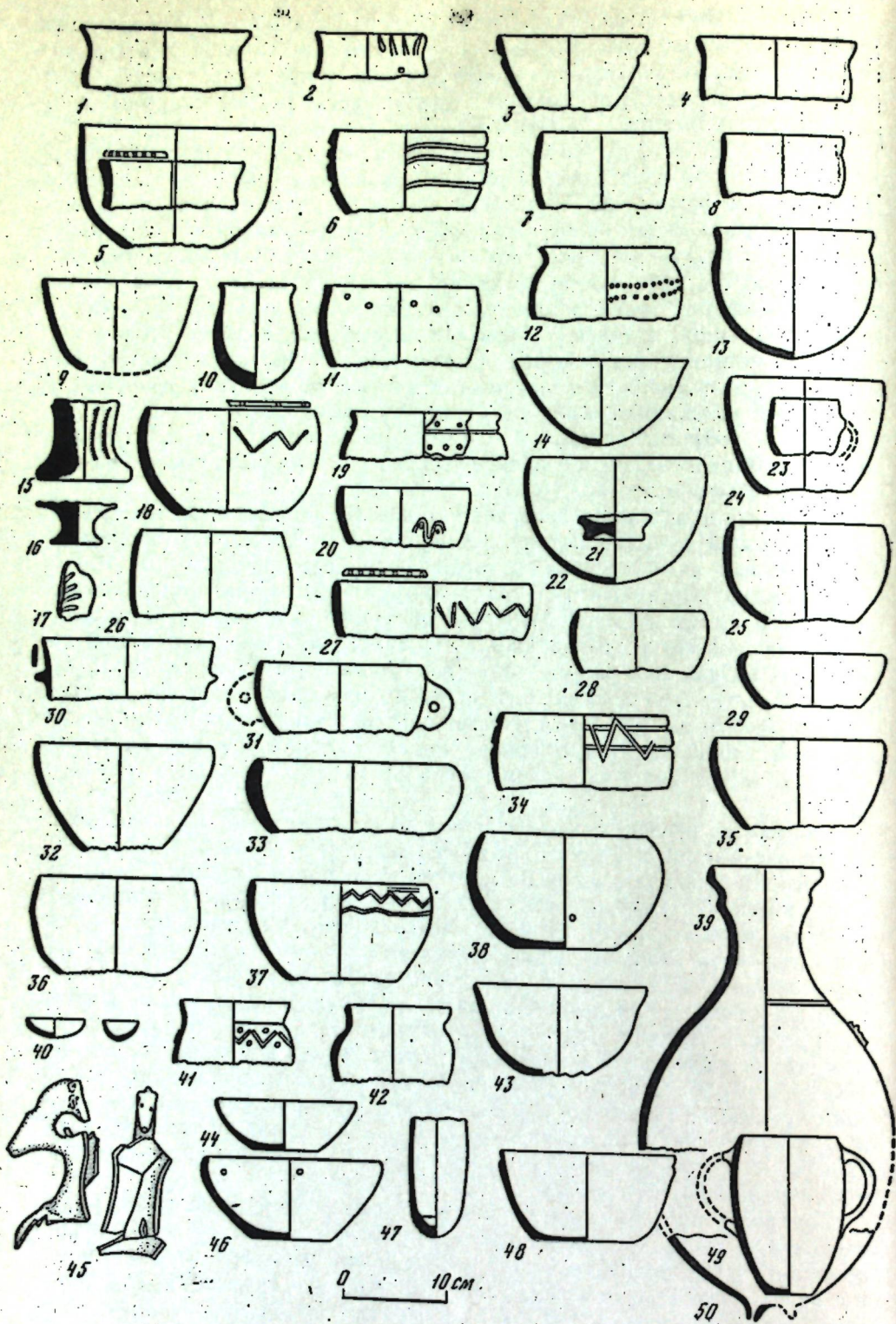

Рис. 1. Керамика Ичтялы-депе (1—50)

утолщенным и слегка закругленным венчиком, округлым полусферическим или чуть выпуклым туловом, круглым, уплощенным, плоским или кольцевым дном. Ручки плоские, с отверстием, прикрепленные вертикально или горизонтально, ручки-держалки в виде выступа, кольцевидные ручки, круглые в сечении. Орнамент нарезной: одинарные, парные или тройные концентрические круги, штрихи или вдавленные кружочки, насечки и палежные валики, нанесенные по верхней части сосуда и по краю венчика. Встречается также прорезной зигзагообразный орнамент, в верхней части зигзага имеется по одному кружочку, нанесенному вдавлением. Все эти орнаменты выполнены до обжига. Обжиг неравномерный, тесто в изломе светло- и темно-серое. В тесте — значительные примеси. Имеется фрагмент венчика с отпечатками ткани. Найдены обломки вазообразных сосудов на сплошном и полом коническом поддоне различных размеров, иногда выпуклом у основания, и с вертикальными каннелюрами. К лепным сосудам относятся также обломки двух фляг. Тесто хорошо промешано. Изготовлены они более тщательно, на станке.

Круговые сосуды представлены обломками кувшинов, фляг, чашек и кружек. Венчики прямые, простые, слегка закругленные или треугольные в сечении. Тулово округлое, дно плоское. Ручки круглые в сечении. Встречаются чаши с загibaющимися внутрь краями и округлой верхней частью. Носики не крупные цилиндрические. Найдены обломки сосудов со сплошным лошением. Тесто в изломе красновато-коричневое, кремовое, светло-желтое и темно-серое. Есть один круглодонный сосудик со сферическим туловом (рис. 1, 49). Снаружи на нем сохранились остатки бледно-зеленой поливы. Тесто в изломе пористое, светло-серого цвета.

Обломками представлен узкогорлый сосуд с треугольным в сечении венчиком, округлым дном. У горла имеется рельефный валик, горло от плечика отделяется бороздкой. В донной части сохранился один отросточек в виде сосочка со сквозным отверстием, соединяющийся с внутренней частью сосуда. Тесто в изломе бледно-розовое с примесью дресвы. Сосуды с двумя или одним отверстием, обычно оформленные сосковидными палежами в донной части, были широко распространены в ранний и поздний периоды античности. Они известны среди материалов кувшинных захоронений из Азербайджана⁷. На Кой-Крылган-кала они обнаружены в нижнем и среднем строительных горизонтах⁸. В Старом Чарджоу они найдены в слое, датированном монетами III—IV вв. н. э.⁹ Кувшин с остроконечным дном со сквозным отверстием найден в Старом Мерве (Гяур-кала) и ориентировочно датирован первыми веками нашей эры¹⁰. Назначение этих сосудов неясно: предполагается, что они связаны с религиозными церемониями.

От одной из двух круговых фляг найдены обломки плоской и выпуклой сторон из теста красновато-кремового цвета. От другой фляги найдены обломки плечика и часть тулова с узким обломанным краем горла, ручка, близкая к полуцилиндру, с вертикальным неправильным отверстием; тесто в изломе темно-серого цвета.

Заслуживают внимания обломки зооморфных ручек. Отметим часть горла и плечика кувшина с ручками в виде фигурки лошади (рис. 1, 47). Сохранившаяся часть кувшина и ручка залощены. Переход от горла к плечику выделен валиком. Красноглинная лоцная фигурка-палеп — видимо, птица (?). Найдена также грубо вылепленная от руки фигурка собачки, видимо, служившая детской игрушкой.

Кроме керамики, отметим бронзовую пластинку, напоминающую стилизованную фигурку лежащего хищника. Близкое изображение известно среди находок из хорезмской крепости Джанабас-кала, относящейся к кангуйскому времени¹¹.

При раскопках Ичтялы-депе найдено более 30 бронзовых трехлопастных и трехгранных (?) втульчатых наконечников стрел разных размеров,

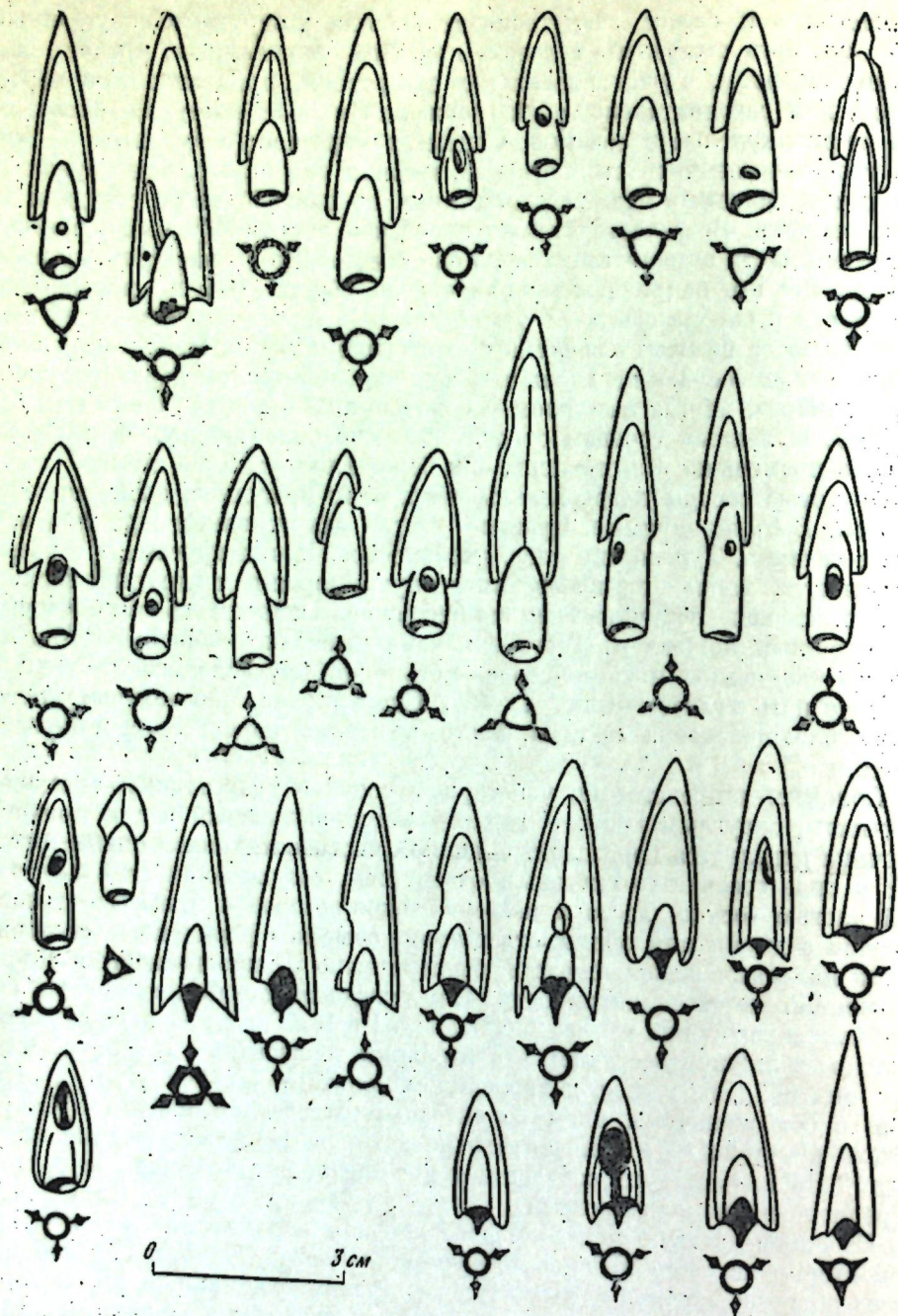

Рис. 2. Наконечники стрел Ичтылы-депе

со скрытой и выступающей втулкой, с опущенными жальцами (рис. 2). Один трехлопастный черешковый наконечник железный, он сильно изъеден коррозией.

Расположение развалин наверху сопки пока не находит объяснения. Находки в развалинах керамических шлаков, а также встреченные в соседних курганах крупные корытообразные и кувшинообразные сосуды-костехранилища, не пригодные для перевозок, позволяют предположить, что среди насельников «усадьбы» были керамисты. Преобладание керамических материалов, изготовленных от руки, свойственно кочевникам-скотоводам.

Часть описанных круговых и лепных сосудов Ичтылы-депе относится к той серии керамических материалов, которые были распространены и в ранней античности. Некоторые круговые сосуды по форме и фактуре близки керамике Хорезма раннекангюйского времени¹², а также сосудам из развалин парфянских поселений подгорной полосы Копет-Дага, датированным III—II вв. до н. э.¹³

Основным датировочным материалом памятника служат стройные бронзовые трехлопастные и трехгранные втульчатые наконечники стрел скифо-сарматского типа. Детальная хронологическая классификация бронзовых наконечников стрел Средней Азии не создана, поэтому мы вынуждены обращаться к материалам сопредельных территорий. В частности, вполне правомерно привлечение материалов из раннесарматских погребений Поволжья и Приуралья¹⁴. Однако, учитывая, что эта классификация разработана для другой территории, нельзя исключить возможность несколько иной датировки некоторых типов наконечников. Основанием для сопоставления может служить отмечаемое многими исследователями сходство материальной культуры среднеазиатских скотоводческих племен с сарматской¹⁵.

Наконечники стрел из Ичтылы-депе следует датировать в пределах V—IV вв. до н. э. Эту датировку, видимо, можно расширить до V—II вв. до н. э., так как при раскопках курганных памятников (Дордуль, курган 1 (1971 г.), курган 10 (1973 г.), Талайханата, курган 5 (1972 г.), Акяйла, курган 1 (1974 г.) и др.) подобные бронзовые наконечники стрел найдены совместно с раннекангюйской (IV—II вв. до н. э.) и раннепарфянской (III—II вв. до н. э.) керамикой.

Таким образом, на Дордуле наряду с различными погребальными памятниками IV в. до н. э.—IV в. н. э. выявлена интересная каменная постройка. До завершения раскопок трудно сказать что-либо определенное о назначении этого памятника. Отметим лишь, что нет никаких данных, позволяющих сделать вывод о том, что это была погребальная постройка. Возможно, это остатки своеобразного культового центра массагетских племен. Этот памятник в настоящее время — наиболее древний комплекс на Дордуле и, очевидно, самый ранний из известных античных памятников на Узбое.

¹ Вайнберг В. И. Могильник Тумек-кичиджик в Северной Туркмении. — АО 1972 г. М., 1973; она же. Новые памятники кюсайской культуры в Северной Туркмении. — АО 1974 г. М., 1975; Лохвиц В. А. Новые данные о подбойных погребениях в Туркмении. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.

² Марущенко А. А. Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана. — Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР, т. 5, 1959.

³ Мандельштам А. М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. — Труды Таджикской археологической экспедиции. Л., 1975.

⁴ Мандельштам А. М. Некоторые новые данные о памятниках кочевого населения Южного Туркменистана в античную эпоху. — Известия АН ТССР, сер. обществ. наук, № 2, 1963; она же. Мешрепитактинский могильник. — КСИА, 128, 1971.

⁵ Подробные отчеты и рукопись А. М. Мандельштама хранятся в архиве Института истории им. Ш. Батyroва АН ТССР.

⁶ Создается впечатление, что здесь обжигали известь. Остатки извести, вероятно, относятся к более позднему времени.

⁷ Казиев С. М. Археологические раскопки в Мингечауре. Альбом кувшинных погребений. Баку, 1960, с. 22, табл. XXVI, 1, 4, 6.

⁸ Кой-Крылган-кала (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. V). М., 1967, с. 112, табл. V, 23, 24; с. 126, табл. X, 136.

⁹ Массон М. Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр. — Труды ЮТАКЭ, т. XIII, Ашхабад, 1966, с. 147, рис. 44.

¹⁰ Пиотровский Б. В. Разведочные работы на Гюр-кала в Старом Мерве. — В кн.: Материалы ЮТАКЭ, вып. I. Ашхабад, 1942, с. 37, 38, рис. 4 (верхний левый сосуд).

¹¹ Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 88, 89, рис. 26 (спизу второй ряд, первый слева).

- ¹² Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода. — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. IV. М., 1959, с. 110—114, рис. 17, 23, 25, 30; 19, 2.
- ¹³ Пилипко В. Н. Раскопки парфянского сельского поселения в местности Гарри-кярз (Парфия). — В кн.: Каракумские древности, вып. III. Ашхабад, 1970, с. 79, 80; он же. Исследование античных памятников в Северной Парфии в 1970 г. — В кн.: Каракумские древности, вып. IV. Ашхабад, 1972, с. 78—86.
- ¹⁴ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. — САИ, вып. Д1-10, 1963, с. 30, 31, табл. 14—16.
- ¹⁵ Мандельштам А. М. Некоторые новые данные..., с. 27, 32; Марущенко А. А. Памятники кочевников..., с. 115, 116; Обельченко О. В. Лявандакский могильник. — В кн.: История материальной культуры Узбекистана, вып. 2. Ташкент, 1961, с. 172.

Г. А. КУШАЕВ

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА

Западный Казахстан, включающий в себя территорию Уральской, Гурьевской и Актюбинской областей, археологически изучен слабо. Одной из причин этого является фрагментарность источников и источниковедческой базы.

Говоря о периоде ранних кочевников, исследователи обычно переносили на Западный Казахстан свои представления об археологических культурах смежной территории. Период раннего средневековья оставался полностью неизученным, а развитое средневековье связывалось с историей Золотой Орды. Подобное представление о древней и средневековой истории Западного Казахстана было закономерным. Главными источниками по эпохе железа Западного Казахстана до последних лет являлись раскопки И. В. Сипицына в низовьях Большого Узень¹ и К. Ф. Смирнова в Оренбуржье² и на Илеке³.

Систематические археологические исследования были начаты Уральским педагогическим институтом в 1968 г., и накопленные к настоящему времени данные позволяют говорить о локальных особенностях в культуре древних сарматских племен Западного Казахстана (керамика, погребальный обряд, топография памятников); об устойчивых культурных и экономических связях племен начала нашей эры со Средней Азией и югом Казахстана; об исторической непрерывности и преемственности в развитии материальной культуры и этноса с глубокой древности до развитого средневековья (прослеживается преемственность физических типов древнего населения от эпохи бронзы до периода Золотой Орды).

Археологическими раскопками 1968—1971 гг. изучены курганы могильников Чалкар I—VI, содержавшие материалы по истории савроматов⁴ и сарматов⁵, сарматов и алап, огузов и печенегов, половцев (кыпчаков) и ранних казахов. Экспедициями 1972—1973 гг. исследованы курганы могильников Барбастау I—V с материалами разных этапов сарматской культуры и средневековья. Наконец, надзорные археологические экспедиции 1974—1975 гг. изучили курганы могильников Алебастрово I, II, Кара-Су I, Мокринский I, III, Кысык-Камыс I с материалами эпохи бронзы⁶ и железа, периода поздних кочевников и периода Золотой Орды.

Таким образом, за последние восемь лет раскопано 157 курганов, сохранивших более 200 захоронений, датирующихся временем от эпохи бронзы до периода Золотой Орды.

При обследовании площади затопления Айдарханской оросительной системы в низовьях р. Большой Узень были выявлены могильники Кара-Су I, II, Сорчаганак I, Мокринский I—III. В 1974—1975 гг. здесь

было вскрыто 57 курганов сарматской культуры, печенегов, половцев и времени Золотой Орды. Особый интерес представляют результаты раскопок кургана 7 в могильнике Кара-Су I.

Могильник Кара-Су I. Могильное поле расположено на первой надпойменной террасе, в 400 м от левого берега р. Большой Узень, в 6 км к северо-востоку от центральной усадьбы совхоза Жулдызский (пос. Кара-Су). Оно вытянуто с востока на запад на 2 км по гребню едва заметной гряды, понижающейся к левому берегу р. Большой Узень. Ширина могильного поля с юга на север 600—700 м.

В могильнике насчитывалось 34 кургана. Диаметры насыпей от 8 до 40 м (исключая курган 7), высота варьировала от 0,2 до 1,8 м. Можно выделить две группы курганов. К первой группе относятся большие курганы, имеющие диаметр более 20 м, со сферической насыпью и ровиками вокруг основания насыпи. Таких курганов восемь. Ко второй группе относятся курганы без ровиков — 26. У некоторых курганов в ровиках оказались перемычки (от трех до семи). Насыпи курганов лёссовые, задернованные, поросшие полынью, как и ровики. На трех насыпях имелись грабительские воронки. Курганы расположены бессистемно, по три, четыре и пять насыпей, но в общем вытянуты неправильной цепочкой, на западном конце которой располагается самый большой в могильнике курган 7.

Курган 7 имел насыпь сферической формы диаметром 52 м, высотой 1,8 м. На ее вершине — грабительская воронка диаметром 4 м, глубиной 0,4 м. У подошвы насыпи — ровик шириной до 5 м. Для раскопок кургана был размечен круг диаметром 60 м с контрольной бровкой по линии запад—восток. Насыпь сносили бульдозером.

В юго-восточном секторе насыпи на глубине 0,55—0,60 м от уровня высшей точки, на расстоянии 7,6 м от центра раскопа обнаружены сложенные в кучу ребра лошади, а на расстоянии 5,4 м от центра в этом же секторе — разрозненные позвонки лошади. В юго-западном секторе на указанном уровне на расстоянии 6 м от центра — череп лошади.

В юго-западном секторе на глубине 1,15 м обнаружено захоронение женщины на спине, головой на запад. Череп лежал на правой стороне. Позвоночный столб слегка изогнут. Руки вытянуты вдоль туловища, от левой руки в неповрежденном состоянии сохранилась лишь плечевая кость. Ноги вытянуты и слегка согнуты в коленях. Длина скелета 1,45 м. Сопровождающего инвентаря нет.

На глубине 1,8 м от высшей точки насыпи, при зачистке среза контрольной бровки в южной половине раскопа выявились контуры трех могильных ям.

Насыпь в этой части имела следующую структуру (рис. 1, Б): сверху шел дерновый слой толщиной 10—15 см, под которым сразу начинался лёссовый грунт, прерывающийся широкой линзовидной впадиной центральной ямы диаметром 6 м. Грунт в этой части представлен подобием глиняной заливки. К востоку от нее на расстоянии 2,5 м начинался западный срез восточной (третьей) ямы, которая была представлена широкой (до 5 м) площадкой, доходившей до уровня древнего горизонта. Западная яма с четвертым захоронением находилась в 1 м от центральной ямы.

При спуске северной половины насыпи на глубине 0,7 м от высшей точки в северо-восточном секторе раскопа, на расстоянии 8 м от центра обнаружены сваленные в кучу ребра лошади (как и в юго-восточном секторе); в северо-западном секторе встречены кости ног лошади. При расчистке кургана на глубину 1,4 м в северной половине раскопа найден большой (высота 0,45 м, диаметр 0,49 м) бронзовый котел с яйцевидным туловом (рис. 2). Диаметр устья котла 0,4 м. Закраина, на которой сохранилась одна петлевидная ручка с выступами, скошена внутрь, вторая ручка обломана в древности. От ручек вниз по тулову опускаются по два

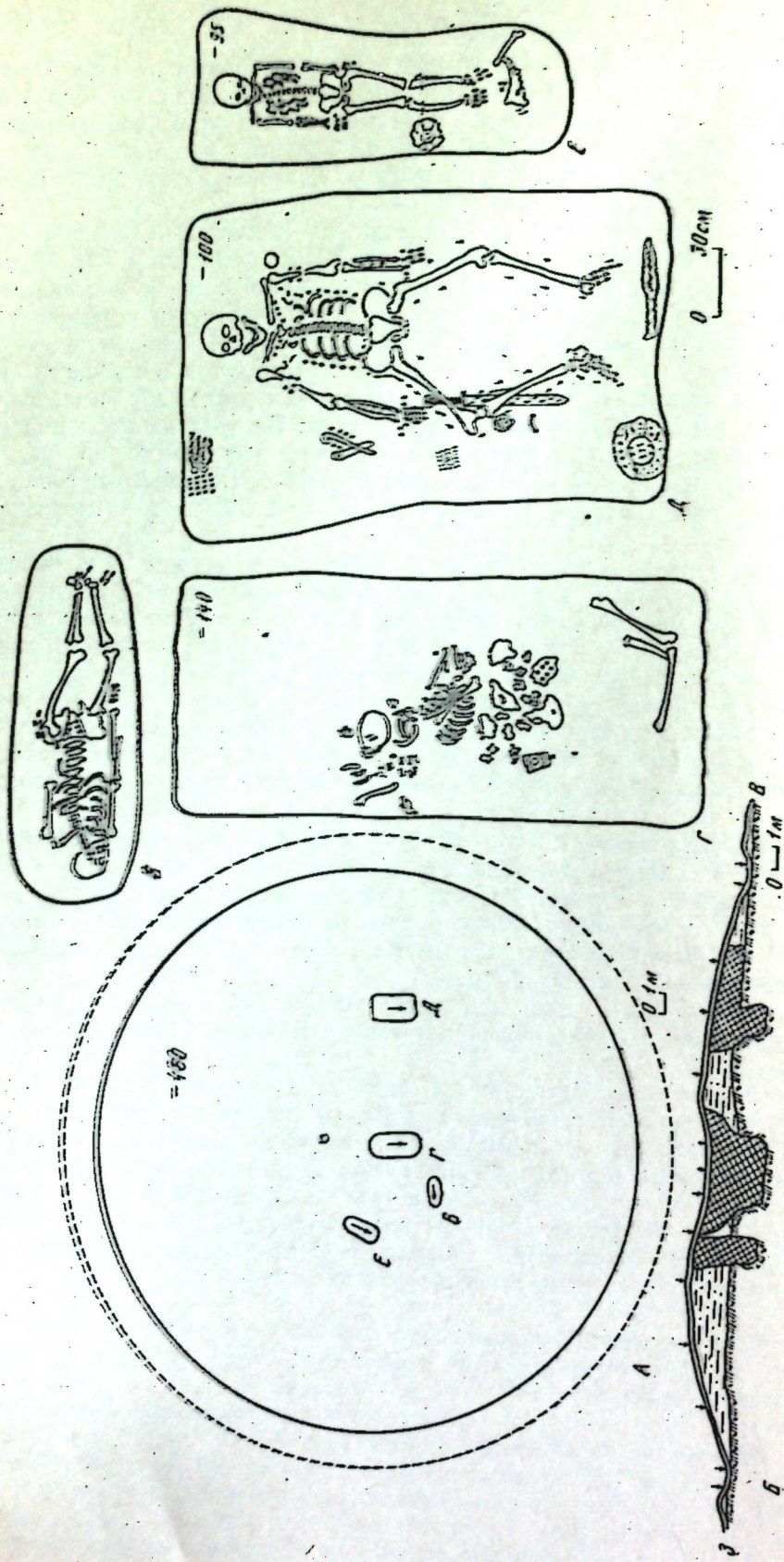

Рис. 1. План (А), разрез (В) и погребения (В—Е) кургана 7 могильника Кара-Су I
 Д — погребение 1; Г — погребение 2; А — погребение 3; Е — погребение 4

параллельных полувалика, уходящих до орнаментального пояса-полува-
 лика на тулове котла. Кроме петлевидных ручек, у закраины-бортика и
 на тулове котла имелись две малые, расположенные друг против друга
 петлевидные ручки с выступами для подвешивания котла. Внутри котла
 обнаружены кости животного, на которых находился обломок деревян-
 ного блюда-столика (рис. 3, 8).

У основания котла с западной стороны при расчистке грунта обнару-
 жены 22 золотые бляшки (рис. 3, 1, 1а), инкрустированные гранатовыми
 вставками (20) и настой бирюзового цвета (2). Каждая бляшка пред-
 ставляет собой плоское золотое основание, на которое напаяны золотые
 шарики, образующие два ряда зерни; в середине — гнездо для вставки.
 С верхней стороны — массивная
 петля для напизывания на пить,
 а с нижней — гроздь из четырех
 золотых шариков. Среди этих зо-
 лотых бляшек найдена одна круп-
 ная гранатовая бусина каплевид-
 ной формы.

Для захоронений кургана 7 ха-
 рактерен сарматский обряд погребения. Нам представляется, что
 вначале в центральной яме был
 похоронен какой-то племенной
 предводитель (погребение 2). За-
 тем над его могилой была устро-
 ена невысокая (до 0,5—0,7 м)
 плоская площадка, на которой
 принесли в жертву коня. Конь по
 обычаю кочевых племен был рас-
 членен на четыре части и поло-
 жен в четырех углах ямы⁷. Часть
 позвонков, ребра, таз (жапбас)
 были сварены в северной части площадки в жертвенном котле⁸ и
 съедены. В южной половине площадки похоронили насильственно умерщ-
 вленную женщину. В дар погребенному были принесены и золотые укра-
 шения (бляшки).

Все указанные находки оказались почти на одной глубине и на значи-
 тельном расстоянии от могильной ямы. Их, несомненно, положили над
 могилой в одно время. Над ними сразу была насыпана лёссовая насыпь
 кургана.

Анализ структуры насыпи, инвентаря захоронений в погребениях 2—
 4 свидетельствует о том, что захоронения совершены с небольшими про-
 межутками во времени. Все три основных подкурганых захоронения
 имеют устойчивую ориентировку ям и скелетов — южную, с небольшими
 отклонениями на запад и восток.

Погребение 2 расположено под грабительской воронкой — оно было
 разграблено в древности. Могильная яма прямоугольной формы длиной
 2,5 м, шириной 1,1 м имела глубину 1,4 м от уровня древней поверх-
 ности (рис. 1, Г).

При расчистке ямы с глубины 0,2 м и до дна (1,4 м) в разных ча-
 стях ее обнаружены разрозненные кости скелета человека и кости овцы,
 погребальный инвентарь, угольки, бронзовая патина. По расположению
 костей скелета человека была восстановлена первоначальная ориенти-
 ровка умершего. Он был положен головой на юг. Несмотря на ограбление
 ямы, в ней обнаружен богатый и разнообразный инвентарь. Особенно
 интересны два костяных двудырчатых псалля S-образной формы. На од-
 ном из них имеется изображение головки лошади (рис. 3, 29, 30). Эти
 изображения были широко распространены в сарматское время и

Рис. 2. Бронзовый котел из насыпи кур-
 гана 7 могильника Кара-Су I

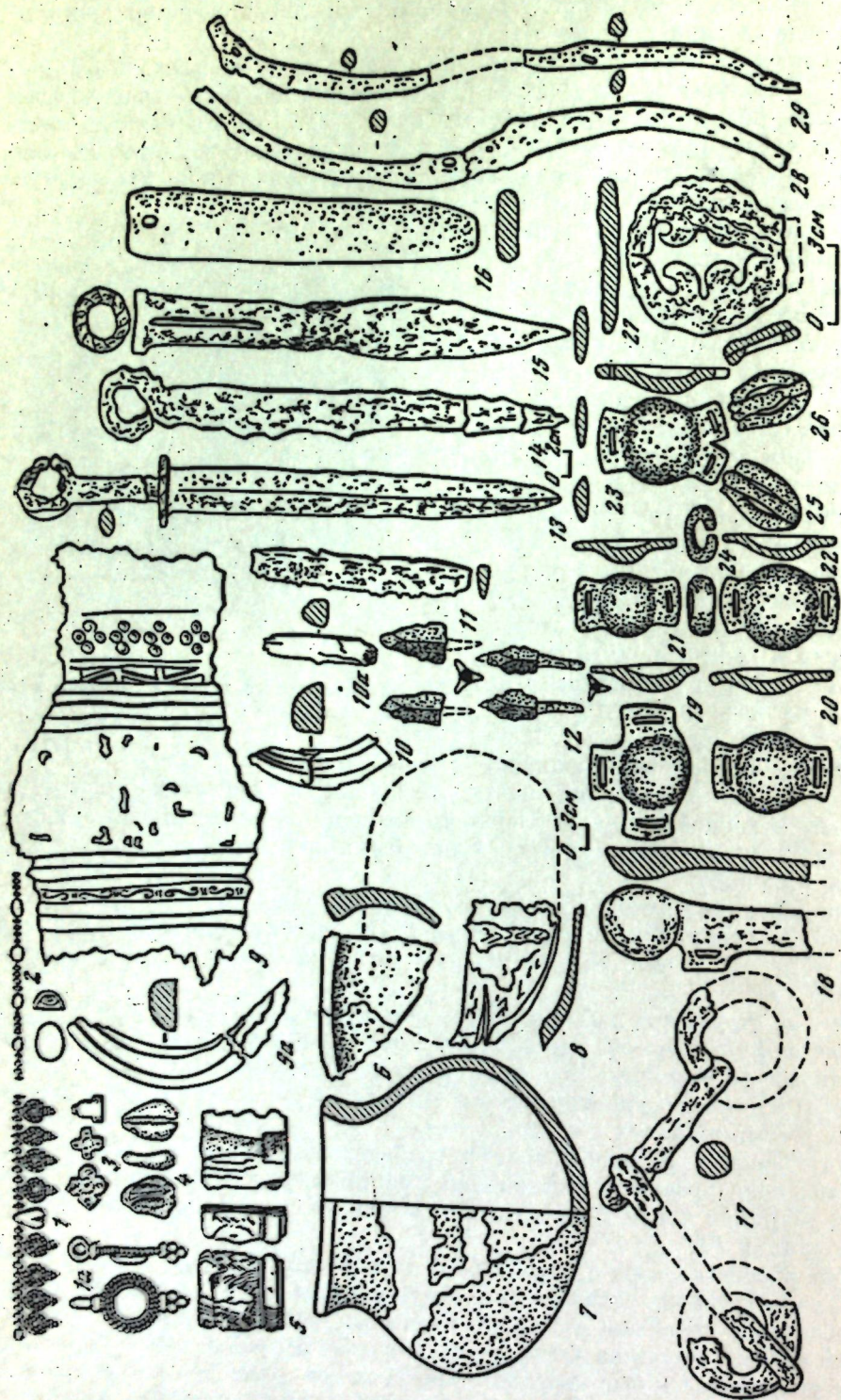

Рис. 3. Инвентарь погребений кургана 7 могильника Кара-Су I (7—9)

в среднесарматскую эпоху. Кроме того, найдены железный нож с притупленной спинкой и без выделенной ручки (рис. 3; 11) и бронзовая подвеска-наконечник пояса (рис. 3, 10, 10a). В могиле уцелели также круглые мелкие пастовые бусины бирюзового и голубого цвета (рис. 3, 2), обломок браслета и часть навершия из слоистой кости с рельефными изображениями двух женских головок и бюстов, между которыми вырезано изображение пальмы (?) (рис. 3, 5). В могиле найден фрагмент венчика сероглиняного сосуда сарматского типа (рис. 3, 6). Среди костей скелета обнаружены три обломка красноглиняного гончарного сосуда, не характерного для сарматов Приуралья.

Инвентарь основного захоронения позволяет датировать его по аналогии с ближайшими памятниками Приуралья и Припаралья III—II вв. до н. э.

Погребение 3 располагалось к востоку от центрального. В срезе контрольной бровки отчетливо выделялся его перемешанный грунт, доходивший от вершины до уровня древнего горизонта и свидетельствующий о впускном характере захоронения (рис. 1, Б, Д).

Могильная яма погребения 3 тоже имела прямоугольную форму, длина ее 2,2 м, ширина — 1,4 м, глубина — 1 м. Яма засыпана перемешанным грунтом, легко отпадающим от стенок. На глубине 0,2 м в яме замечены кости скелета человека. После полной расчистки ямы в ней обнаружено захоронение мужчины, скелет которого лежал посредине, на спине, руки вытянуты вдоль туловища, ноги слегка согнуты в коленях и разведены в стороны (как у всадника, сидящего на коне). Длина скелета 1,8 м. Рядом со скелетом найден многочисленный и разнообразный инвентарь. В северном конце ямы встречен массивный наконечник копья лавролистной формы с удлиненной втулкой для посадки на древко (рис. 3, 15). Длина жала копья 22 см, втулки — 16 см, диаметр ее 5 см. Сохранность копья плохая. В северо-восточном углу ямы сохранились остатки деревянного седла с кожаной облицовкой. На кожаную облицовку седла темно-коричневого цвета нанесен ярко-красной краской орнамент в виде параллельных линий, вдавлений, удлиненной O-образной линии с двумя штрихами на концах и геометрических фигур (рис. 3, 9, 9a).

Справа от скелета под коленным суставом и трубчатыми костями бедра и голени лежал железный кинжал с круглым кольцевым навершием, прямым перекрестием и ромбовидным в сечении клинком. Длина кинжала 46 см, клинка — 33 см, рукояти с навершием — 13 см. В 10 см справа от нижнего конца кинжала встречена круглая железная бляха диаметром 7 см, с незамкнутыми концами, с фигурными изображениями. Правее коленного сустава правой ноги найдены сложенные в кучу, спекшиеся в одну массу, мелкие железные трехперые черешковые наконечники стрел. Справа от скелета у локтевого сустава руки обнаружены точильный камень удлиненной прямоугольной формы с отверстием для подвешивания и лежавший на нем железный нож с кольцевым навершием, без выделенной ручки, с притупленной спинкой, длиной до 17 см (рис. 3, 14, 16).

В юго-восточном углу ямы найдена часть кольчуги, состоявшей из мелких (диаметр до 1 см) железных колец. Здесь же лежали железные двусоставные удила с кольцами для псалий в форме плоской пластины с круглым плоским навершием и 14 железных блях налобного и носового ремня уздечки (рис. 3, 18—27). На костях груди, правой и левой рук, на трубчатых костях ног найдено около 300 золотых нашивных бляшек в виде четырехлистника и ступенчатых башенок размерами до 1—1,5 см (рис. 3, 2, 3).

Погребение 4 располагалось к западу от центральной ямы и было ориентировано на юго-запад. Яма имела длину 1,8 м, ширину 0,5 м (рис. 1, А, Е). При расчистке ямы на глубине 0,95 м обнаружено захоронение девочки 12—14 лет. Скелет лежал на спине. Ноги вытянуты,

руки — вдоль туловища. Длина скелета 1,25 м. На плечевых костях рук найдены пастовые бусины круглой и квадратной формы. Справа от скелета, у коленного сустава, стоял глиняный сосуд типичной сарматской формы, с черной фактурой теста, очень плохой сохранности (рис. 3, 7). В погах скелета лежали лопатка и передняя нога овцы. Между костями овцы и ступнями ног скелета были две раковины каури. К востоку от лопатки найдены пастовые бусы (рис. 3, 4).

Из описания видно, что все погребения имеют черты сарматской культуры. Погребения в центральной яме (1 и 2) содержали инвентарь, который имеет аналогии в материалах памятников Приуралья более раннего периода. В частности, костяные псалли из погребения 2 (центральная яма) имеют характерную для Приуралья S-образную форму, широко распространенную в Оренбуржье, Приуралья, отчасти — в Нижнем Поволжье. Аналогичные двудырчатые псалли встречены в кургане 8 могильника Пятимары I⁹, в кургане 7 могильника у с. Сары¹⁰. Изображение головки лошади на нашем псалли наиболее сходно с изображением на псаллих из кургана 3 могильника Алебастрова Гора¹¹. Все эти памятники К. Ф. Смирнов датирует V—IV вв. до н. э.

Бронзовый котел, обнаруженный в северной половине насыпи, находит аналогии в котле из кургана 2 в урочище Урал-Сай¹², датруемого VI в. до н. э.

Анализ золотых украшений гуннской эпохи свидетельствует о том, что на них окантовка двумя рядами припаянных шариков (зернь) не встречается¹³. По-другому оформлены на гуннских украшениях и завершающие пирамидки зерни. На золотых бляшках из описываемого кургана пирамидки состоят всего из четырех шариков, образующих зернь. По этому признаку мы склонны сравнивать наши находки с ювелирными изделиями более раннего времени — IV в. до н. э.¹⁴

Погребения 3 и 4, по-видимому, относятся к более позднему времени, чем основные захоронения. Аналогии копью, кинжалу с кольцевым навершием мы находим в могильнике Кара-Оба (курган 3, погребение 2; курган 11, погребения 1, 2), который датируется III—II вв. до н. э.¹⁵

Таким образом, курган 7 следует датировать временем со второй половины IV в. до н. э. до начала I в. н. э., к которому относятся впускные погребения 3 и 4.

¹ Силицын И. В. Археологические раскопки в Западном Казахстане. — Труды ИИАЭ АН КазССР, т. I, археология, 1956, с. 87—139.

² Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964.

³ Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975; Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. — САИ, вып. Д1-10, 1963.

⁴ Мошкова М. Г., Кушаев Г. А., Фелезчикова Б. Ф. Археологические исследования в Западном Казахстане. — АО 1969 г. М., 1970, с. 394.

⁵ Кушаев Г. А. Археологические исследования в Западном Казахстане. — АО 1971 г. М., 1972, с. 498.

⁶ Мошкова М. Г., Кушаев Г. В. Сарматские памятники Западного Казахстана. — В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973, с. 258—269.

⁷ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 19, 20.

⁸ Там же, рис. 4, с. 10, 11.

⁹ Там же, рис. 28, 13.

¹⁰ Там же, рис. 35Б, 10.

¹¹ Там же, рис. 40, 1а.

¹² Там же, рис. 4, 4а.

¹³ Засецкая И. П. Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975.

¹⁴ Артамонов М. И. Сокровища саков. М., 1973, с. 194, рис. 246, 250, 251.

¹⁵ Силицын И. В. Археологические раскопки..., табл. 9, 1; рис. 35, 38.

САРМАТСКИЙ КУРГАН НА УСТИОРТЕ

В 1975 г. археологическим отрядом Института истории, языка и литературы Каракалпакского филиала АН УзССР был обнаружен на плато Устюрт курганный могильник, получивший наименование «Каскажол». Могильник расположен на Восточном чпике Устюрта, у спуска Каскажол, на мысе, обращенном к равнине Приаральской дельты Амударьи, в 45 км к северо-западу от районного центра Каракалпакской АССР пос. Шуманай.

В составе могильника учтено девять курганных насыпей. В 1975 г. были раскопаны три из них. В одном из раскопанных курганов (4) обнаружен интересный комплекс находок, публикации которого посвящена настоящая статья.

Насыпь кургана сильно оплывшая, высота ее не более 0,4 м, диаметр около 15 м. В северной ее части до раскопок на поверхности было видно много крупных обломков камня. В центре насыпь просевшая, с явными признаками перекопанности. В основании насыпи на древнем горизонте из обломков каменных плит выложено двойное каменное кольцо: внешнее — диаметром около 14 м и шириной 1,5 м, внутреннее — диаметром около 4,5 м и шириной около 0,7—0,8 м (рис. 1).

Под внутренним кольцом находилась могильная яма с подбоем, размещавшимся внутри малого кольца. Входная яма овальной формы в плане, длинной осью вытянута по линии юг—юго-восток—север—северо-запад. Ее размеры по осям 2,70×1,25 м, глубина около 1,6 м. В западной длинной стороне входной ямы находился подбой. На всю глубину входная яма была завалена крупными обломками известняка. Устье подбоя было закрыто вертикально установленными в один-два ряда очень большими каменными плитами.

Подбой в плане овальной формы, имеет размеры по осям 2,8×1,5 м, высота его около 0,5 м. Дно подбоя глубже, чем дно входной ямы. От входной ямы дно подбоя отделено ступенью высотой около 0,3 м. Свод подбоя пробит примерно по центру внутреннего кольца. На дне подбоя вдоль его западной стенки находились останки человеческого скелета, сильно поврежденного. Судя по положению сохранившихся костей, костяк был вытянут на спине, черепом на юг—юго-восток. В осыпи, образовавшейся под пробитым сводом, были обнаружены фрагменты лепных и станковых сосудов, разбитое бронзовое зеркало. Вдоль западной стенки подбоя лежали обломки железного меча, отдельные его обломки встречены и в центре подбоя. У ног костяка лежали девять бронзовых наконечников стрел. В области таза и у входа в подбой найдено несколько крупных бусин. В центре подбоя лежали керамическое пряслице и обломки станкового сосуда (рис. 1).

Перекоп в центре внутреннего кольца, частично уничтоженные оба кольца, пробитый свод, разбитые сосуды в подбое и явная смещенность большинства вещей комплекса свидетельствуют о частичном ограблении кургана. Однако полученные материалы вполне достаточны для того, чтобы охарактеризовать погребальный обряд.

Погребальный обряд, следуя за В. А. Назаренко, я рассматриваю как комплекс, сочетающий в себе три основные категории признаков: 1) конструкция погребального сооружения, 2) состояние и положение останков погребенного, 3) характер и размещение погребального инвентаря¹.

1. Конструкция погребального сооружения. Земляная насыпь, подкурганные сооружения над погребением в виде каменных колец, широкая, меридионально ориентированная входная овальная яма, через ступень выходящая в сводчатый подбой в западной продольной стенке,

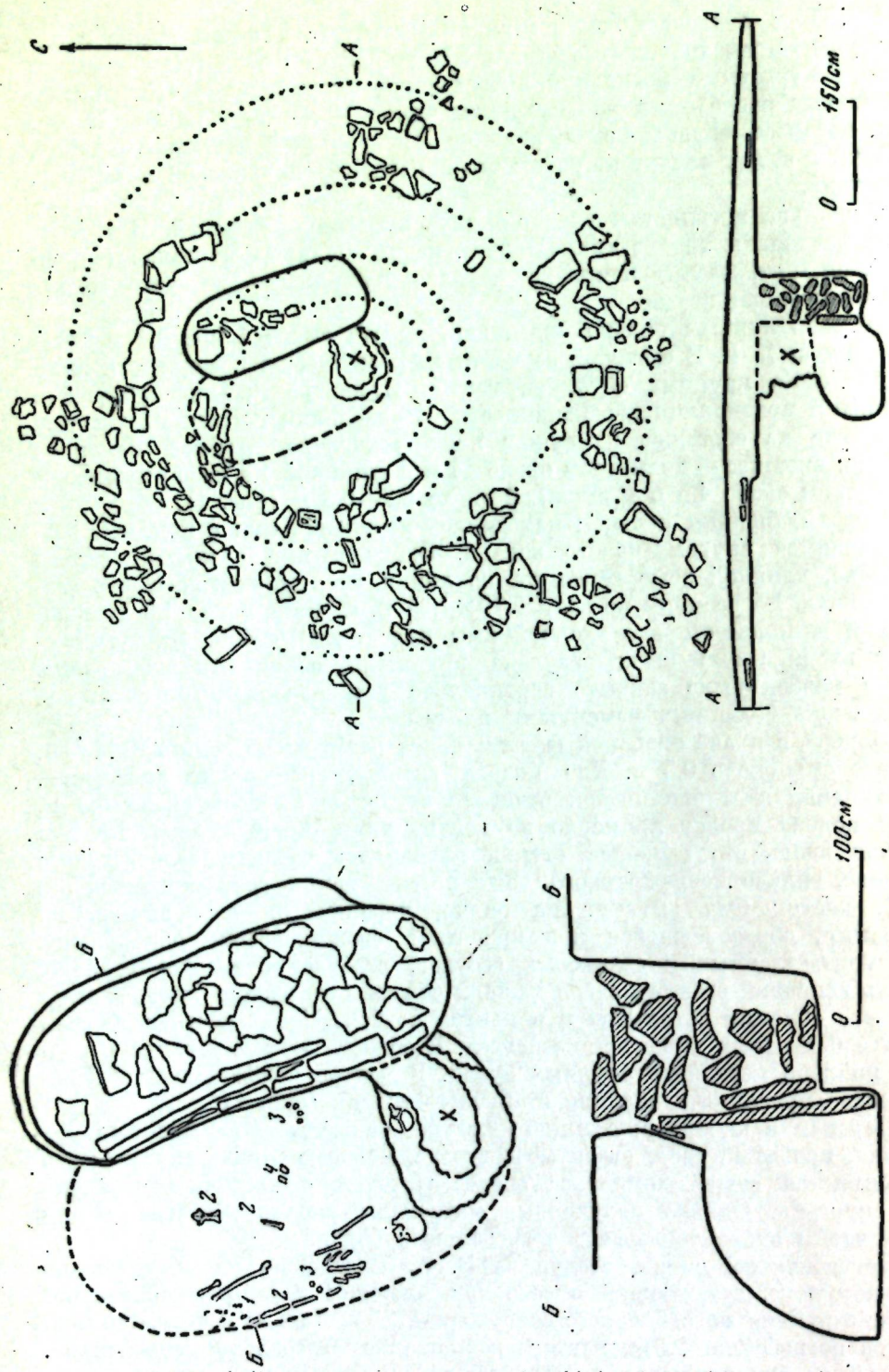

Рис. 1. Курганный могильник Каскажол. Курган 4. План и разрез

1 — наконечник стрел; 2 — обломки меча; 3 — бусы; 4 — фрагменты керамики; 5 — зеркало (крестиком обозначен грабительский ход)

закладка ямы и закрытие устья подбоя — все эти признаки одинаковы у анализируемого и раннесарматских курганов. Каменные кольца и широкая (ширина более 1 м) входная яма характерны лишь для IV и IV—III вв. до н. э.² Подбойные могилы появляются на раннепрохоровской стадии (IV в. до н. э.) и наибольшее распространение получают в III—II вв. до н. э. Для них характерен более низкий уровень дна подбоя по сравнению с дном входной ямы, разделенных обычно ступенью³.

2. *Положение останков погребенного.* Расположение костяка на спине, в вытянутой позе, черепом на юг — характерная и специфическая схема для прохоровских погребений. Единичное захоронение в подбое — также признак, характерный для прохоровской культуры⁴.

3. *Характер и размещение погребального инвентаря.* Поскольку погребение частично ограблено, данные о составе и особенно о расположении инвентаря страдают определенной дефектностью. Если состав инвентаря, очевидно, близок к первоначальному, то его расположение явно не отражает ни состояния, ни расположения вещей *in situ*. Меч и зеркало найдены разломанными на куски. Хотя в сарматской культуре известны случаи положения в могилу преднамеренно разбитых вещей и зеркал, однако условия находки не позволяют с уверенностью говорить о том, что они были повреждены преднамеренно во время акта погребения. Однако и исключить подобную возможность мы не можем.

Обратимся к анализу инвентаря.

Фрагмент лепного сосуда. Принадлежал сосуду, форма которого не реконструируется. Изготовлен из грубого шамотного теста, обжиг костровый, черепок в изломе черный, крошащийся.

Фрагмент станкового сосуда. Принадлежал сосуду, форма которого не реконструируется. Изготовлен из тонкоотмученной и хорошо перемешанной формовочной массы с незначительными мелкоизмолотыми примесями отошителя.

Зеркало (рис. 2, 2). Принадлежит к типу плоских бронзовых зеркал с боковой ручкой. Диск зеркала круглый, ручка узкая, плоская, прямоугольная в сечении, суживается от основания к концу. Сохранилась не на всю длину, конец ручки обломан. Диск с оборотной стороны имеет по краю слабо заметное концентрическое широкое утолщение, образовавшееся, вероятно, за счет проковки центральной части. Лицевая сторона диска гладкая, оборотная — орнаментированная. Зеркало цельнолитое вместе с ручкой, однако последняя с оборотной стороны по краю диска уплощена проковкой. Диаметр диска 14,3 см, толщина по краю 0,3 см, в середине — 0,2 см. Оборотная сторона диска украшена гравированным орнаментом в виде вписанных одна в другую окружностей и изображения птицы в центральном круге. По краю диска нанесена одинарная концентрическая линия, за ней у основания утолщения — окружность, околонтурная двойной линией, затем следует тройная окружность, заполненная «елочным» орнаментом. В поле этого последнего круга изображена птица из семейства утиных, плущая вправо.

Зеркала этого типа широко распространены в Евразии. В классификации савроматских зеркал они выделены в тип 1 отдела 1, время бытования которого VI—III вв. до н. э.⁵ В прохоровской (раннесарматской) культуре они выделены в тип 3 отдела 1, датируемого IV—III вв. до н. э.⁶ Наконец, в классификации среднеазиатских зеркал они отнесены в тип 1 отдела 1, датируемого в целом VI в. до н. э. — I в. н. э. Среднеазиатские зеркала данного типа разделены на четыре подтипа. Наиболее близки к зеркалу из могильника Каскажол зеркала подтипа 2, который датирован VII—III вв. до н. э.⁷

Таким образом, по общетипологическим признакам каскажолское зеркало может быть датировано в пределах VII—III вв. до н. э. Однако наличие на нем такого признака, как слабо заметный широкий валтик по краю оборотной стороны диска, позволяет ограничить его более

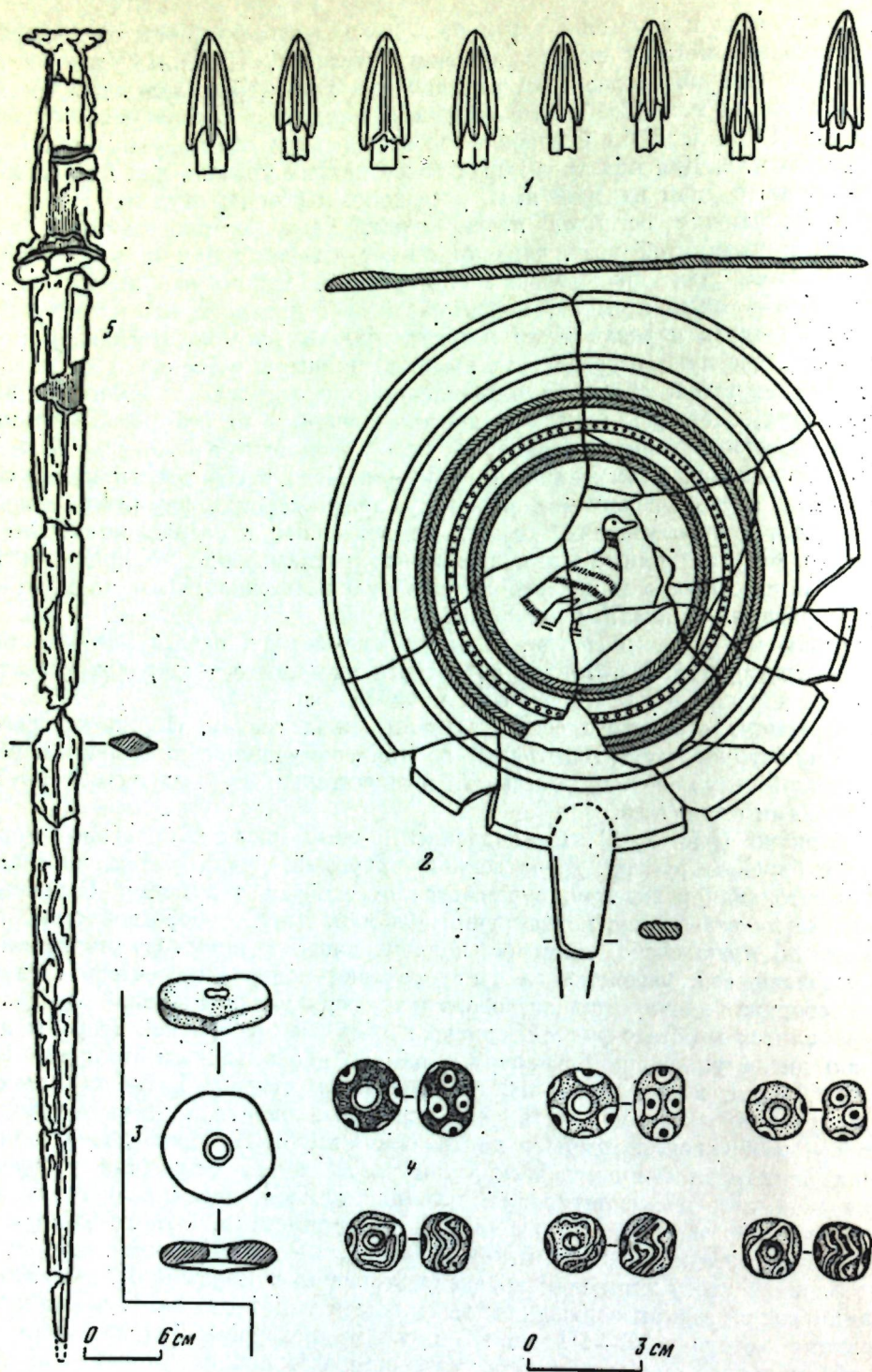

Рис. 2. Курганный могильник Каскажол. Курган 4. Инвентарь
1 — наконечники стрел; 2 — зеркало; 3 — прислице; 4 — бусы; 5 — меч.

узкими хронологическими рамками. По этому признаку зеркало может быть сопоставлено с зеркалами, найденными в Оренбургской обл. в кургане начала IV в. до н. э. у хут. Веселый близ с. Акбулак⁸, в кургане (7) V в. до н. э. группы Бис-оба у с. Благословенского⁹, в курганах (1—3) IV—II вв. до н. э. у с. Прохоровка¹⁰. Одно из прохоровских зеркал (из кургана 1) найдено в комплексе, который датируется IV—началом III в. до н. э.⁴¹ По мнению К. Ф. Смирнова, подобные валики на плоских зеркалах можно рассматривать как «зародышевые», получающие полное развитие в другом типе зеркал. Плоские зеркала с «зародышевым» валиком могут быть признаны «прототипом зеркал с широким, выпуклым валиком, характерных для прохоровской культуры»¹².

Таким образом, наличие «зародышевого» валика позволяет ограничить время бытования зеркал, имеющих этот признак, V—III вв. до н. э. и признать их своеобразной «переходной» формой от плоских зеркал с боковой ручкой к зеркалам с валиком по краю и боковой ручкой.

И, наконец, еще один признак, который, на мой взгляд, можно использовать для обоснования даты устьюртского зеркала, — орнамент на его оборотной стороне. В целом орнаментальная композиция на зеркале из могильника Каскажол, насколько мне известно, не имеет аналогий. Однако отдельные орнаментальные элементы этой композиции встречаются на некоторых савромато-сарматских и среднеазиатских зеркалах интересующего нас типа.

Орнамент из двойных concentрических линий отмечен на зеркале из кургана (2) IV в. до н. э. на р. Тара-Бутак в Оренбургской обл.¹³ Орнаментальный мотив в виде concentрической окружности из тройных линий с «елочным» орнаментом известен в материалах из кургана (8) IV в. до н. э. Мечетсайского могильника на р. Илек в Оренбургской обл.¹⁴ Эти находки позволяют сузить дату анализируемого зеркала до IV в. до н. э.

Подобный орнамент на среднеазиатском плоском зеркале с боковой ручкой из могильника Туп-хона в Таджикистане, датируемого II—I вв. до н. э.¹⁵, и на прохоровских зеркалах других типов, датируемых III—I вв. до н. э.¹⁶, может свидетельствовать, на мой взгляд, лишь о генетической зависимости орнамента на перечисленных зеркалах от орнамента из двойных и тройных concentрических линий на плоских зеркалах с боковой ручкой IV в. до н. э. прохоровской культуры.

Представляет интерес и рассмотрение вопроса о территориальной локализации анализируемого типа зеркал. К. Ф. Смирнов отмечает, что «большая часть находок зеркал (савроматских. — В. Я.) с плоским диском и длинной ручкой была сделана в Оренбургских степях, где, возможно, существовал центр их производства»¹⁷.

Наконечники стрел (рис. 2, 1). Все девять наконечников, обнаруженных в подбое, принадлежат одному типу. Наконечники трехлопастные, со сводчатой, в некоторых случаях — даже дуговидной, головкой с широко расходящимися гранями и выступающей короткой втулкой. Лопастии четко отделены от втулки и возвышаются над ней, края лопастей заострены в шипы. Стрелы литые, на втулках некоторых наконечников видны литейные швы. В нескольких втулках сохранились обломки деревянных древков стрел. Длина наконечников от 3,1 до 3,7 см.

Подобные наконечники в классификации К. Ф. Смирнова — М. Г. Мошковой отнесены в отдел II, тип 6¹⁸. Описываемые наконечники ближе всего к варианту Б этого типа. Подобные стрелы употреблялись савроматами — сарматами с конца VII до II в. до н. э.¹⁹ Однако наиболее широкое распространение в сарматских колчанах они получили в IV в. до н. э.²⁰ По наблюдениям М. Г. Мошковой, этот тип особенно характерен для прохоровской культуры Приуральской территориальной группы²¹.

Железный меч (рис. 2, 5). Меч имеет массивную рукоятку, очевидно прямоугольную в сечении, сегментовидное навершие, перекрестие в виде

узкого бруска, «сломанного» в середине под тупым углом. Клинок узкий, равномерно суживающийся от рукоятки к концу, уплощенно-ромбический в поперечном сечении. Длина меча около 106 см.

Аналогии известны в раннепрохоровской культуре, где подобные мечи выделяются в так называемый переходный тип от скифо-савроматских к раннесарматским мечам прохоровской культуры²². В классификации К. Ф. Смирнова подобные мечи выделены в отдел VI, тип 1 и датированы IV в. до н. э.²³ В классификации мечей прохоровской культуры М. Г. Мошковой эти мечи отнесены в подраздел IV, тип 1 и датированы IV в. до н. э.²⁴

Исследователи единодушно отмечают, что все находки подобных мечей приурочены к территории Южного Приуралья (лишь один экземпляр происходит с территории Нижнего Поволжья)²⁵, и это дает основание полагать, что Южное Приуралье было местом сложения мечей данного типа.

Бусы (рис. 2, 4). Шесть бусин шаровидной формы изготовлены из стеклянной пасты. Распадаются на две группы: 1) полосчатые: три бусины диаметром 1,4—1,6 см, диаметр отверстия 0,4 см; изготовлены из стеклянной непрозрачной пасты темно-каштанового цвета со светлыми полосками кожно-бурого цвета; 2) глазчатые: три бусины диаметром 1,4—1,8 см, диаметр отверстия 0,6—0,8 см; изготовлены из темно-синей, почти черной, и голубой непрозрачной пасты с белыми глазками и темным зрачком основного цвета бусины.

Крупные бусины, подобные описанным, в раннепрохоровских погребениях IV в. до н. э. являются ведущими формами. Небезынтересно то обстоятельство, что подобные бусы находят лишь в курганах прохоровской культуры Приуральской группы, а в Поволжской они отсутствуют²⁶.

Пряслице (рис. 2, 3). Плоское круглое дисковидное пряслице выточено из стенки красноглиняного станкового сосуда. Диаметр пряслица 3 см, диаметр отверстия 0,6 см.

Находки пряслиц обычны в прохоровских погребениях как Нижнего Поволжья, так и Южного Приуралья. Однако круглые плоские пряслица, выточенные из стенок сосудов, характерны только для Приуральской группы памятников раннесарматской культуры²⁷.

Сопоставительный анализ показывает, что по основным признакам описываемое погребение совпадает с раннепрохоровскими подобными могилами. Следовательно, мы с достаточным основанием можем отнести его к раннесарматской (прохоровской) культуре. Дата погребения твердо устанавливается в пределах IV в. до н. э. Уже присутствие одного только меча переходного типа в рассматриваемом комплексе позволяет ограничить его дату IV в. до н. э. Не противоречат этому и остальные вещи комплекса. Зеркало несет на себе ряд переходных признаков, позволяющих ограничить его дату IV в. до н. э. Наконечники стрел, подобные находящимся в исследуемом комплексе, наибольшее распространение имеют в раннепрохоровских комплексах. Глазчатые и полосчатые пастовые бусы также именно в IV в. до н. э. являются в прохоровских погребениях ведущей формой.

Анализ инвентаря погребения и погребального обряда в целом позволяет прийти к заключению, что раннепрохоровское погребение курганного могильника Каскажол связано с Приуральской, а не с Поволжской группой памятников прохоровской культуры. Действительно, подводя итог анализу инвентаря каскажолского кургана 4, мы можем отметить ряд любопытных особенностей. В погребении найдено пряслице. Они характерны для всей прохоровской культуры, но данная форма — лишь для ее приуральского варианта. Глазчатые и полосчатые бусы также специфичны лишь для прохоровских погребальных комплексов Южного Приуралья. Мечи, подобные нашему, найдены, за единственным исключением, опять-таки в раннесарматских курганах Южного Приуралья. То же можно от-

метить и относительно трехлопастных наконечников стрел с выступающей втулкой. И, наконец, большая часть находок плоских зеркал с боковой ручкой происходит из степей Оренбуржья.

Таким образом, мы можем не просто констатировать принадлежность описанного кургана к прохоровской культуре, но и связать его именно с Приуральской территориальной группой этой культуры.

- ¹ Назаренко В. А. Классификация погребальных памятников Южного Приуралья. — В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, с. 191.
- ² Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. — САИ, вып. Д1-10, 1963, с. 19, 20, табл. I.
- ³ Там же, с. 20, 21.
- ⁴ Там же, с. 21, 22.
- ⁵ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 153, 154; Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. — САИ, вып. Д1-9, 1963, табл. 28.
- ⁶ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры, с. 41, 42, табл. 27, 15—21.
- ⁷ Литвинский Б. А. Хронология и классификация среднеазиатских зеркал. — В кн.: Материальная культура Таджикистана, вып. 2. Душанбе, 1971, с. 38—41.
- ⁸ Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, с. 152, 153; Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 153, рис. 38, 17; Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья, с. 15, табл. 28, 6.
- ⁹ Grafov B. N. Deux tombeaux de l'époque scythique aux environs de la ville d'Orenbourg. — ESA, IV, 1929, p. 169—182; Граков В. Н. Пережитки матриархата у сарматов. — ВДИ, 1947, № 3, с. 106, 107; Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья, с. 16, табл. 28, 4; Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 153, рис. 15, 4а.
- ¹⁰ Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. — МАР, № 37, 1918, с. 1—18; Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры, с. 17, 41, табл. 27, 19—21.
- ¹¹ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры, с. 18.
- ¹² Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 153.
- ¹³ Нефедов Ф. Д. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг. — МАРГР, III, 1899, с. 17, 18; Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья, с. 15, табл. 28, 5; Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 153, рис. 47, 7; Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры, с. 41, 51, табл. 27, 15.
- ¹⁴ Смирнов К. Ф. Бронзовое зеркало из Мечетсая. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 116 сл., рис. 2.
- ¹⁵ Литвинский Б. А. Хронология и классификация..., с. 39, рис. 3, 1.
- ¹⁶ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры, с. 41, табл. 27, 8, 9; с. 42, табл. 28, 19, 20.
- ¹⁷ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 154.
- ¹⁸ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. — МИА, № 101, 1961, с. 46—48, табл. II.
- ¹⁹ Там же, с. 46.
- ²⁰ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры, с. 31; она же. О раннесарматских втульчатых стрелах. — КСИА, 89, 1962, с. 79.
- ²¹ Мошкова М. Г. О раннесарматских втульчатых стрелах, с. 81.
- ²² Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 25, рис. 5, 3; 7, 1—6.
- ²³ Там же, с. 24 (см. также сводку аналогий к мечам указанного типа).
- ²⁴ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры, с. 33, табл. 18, 5, 6, 9, 10 (см. также сводку мечей данного типа).
- ²⁵ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 25; Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры, с. 33.
- ²⁶ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры, с. 44, 45, табл. 30.
- ²⁷ Там же, с. 39, табл. 24.

Н. Н. НЕГМАТОВ, А. К. МИРБАБАЕВ

РАСКОПКИ КУРКАТСКИХ СКЛЕПОВ (предварительное сообщение)

Начаты в 1974 г. полевые исследования Северо-Таджикстанской археологической комплексной экспедиции (СТАКЭ) в окрестностях сел. Куркат Ленинабадской обл. Таджикской ССР сразу же дали неожиданные результаты. Ученики местной средней школы Бахром Атабаев и

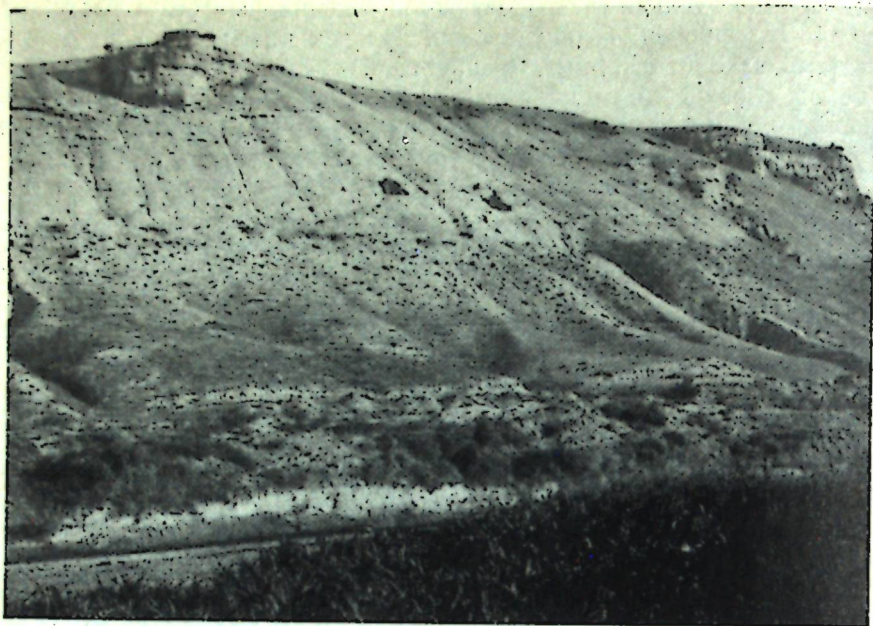

Рис. 1. Гора Ширин. Расположение склепов I и II

Рахмат Нурматов сообщили о месте человеческих захоронений на горе Ширин. При осмотре оказалось, что останки находились в скальном склепе, специально вырубленном на крутом восточном склоне кряжа, в 300 м к югу от известного городища Ширин¹, в 55—60 м выше подножия горы и на 13 м выше древнего канала, проходившего по ее склону (рис. 1).

Полная расчистка склепа I показала, что он был вырублен в виде пещеры в особой геологической породе (вид твердой глинистой породы), именуемой местным населением «кыр». Фасадом склеп обращен на юго-восток, азимут осевой линии 130°, ширина его 3,7 м, длина — 6,25 м, высота — 2,14 м. Часть свода со стороны входа разрушена. Пол ровный, со следами обмазки в отдельных местах. Склеп был заполнен надувным лёссом и песком. Входная часть склепа «расщипана» местными школьниками, черепа и кости выброшены, а находки унесены. Оставшаяся часть склепа расчищена нами.

Всего в склепе оказалось 58 человеческих черепов и кости скелетов, лежавшие в беспорядке. Часть останков у входа в склеп сильно испорчена дождевыми потоками и снеговыми наносами. Расположение, ориентировка черепов и костей хаотичны. Какую-либо общность между определенными черепами и частями скелетов выявить не удалось. Не удалось восстановить и целые скелеты. Большинство черепов без нижней челюсти, в то же время много нижних челюстей, лежавших обособленно.

В 10,5 м к северу вскрыт склеп II, также вырубленный в скале. Он несколько больше: 3,75 × 7,52 × 2,2 м. Уровень пола на 1,2 м ниже, чем в склепе I. Вдоль всей западной стены вырублена суфа (ширина 1,45 м, высота 1,25 м), превращающая данную часть склепа в приподнятую обособленную нишу. Свод склепа из-за сильной крутизны ската наполовину разрушен, упавшие глыбы перекрыли вход.

Склеп II, как и склеп I, был заполнен надувным лёссом и песком, смытыми породы и упавшими глыбами. Примерно нижняя треть заполнения содержала захоронения, расположенные двумя ярусами. В верхнем ярусе расчищены 43 черепа и лишь один более или менее целый скелет, у которого сохранились части верхних и нижних конечностей, хребта, грудной клетки, левая тазовая кость и кости стопы правой ноги. В нижнем ярусе

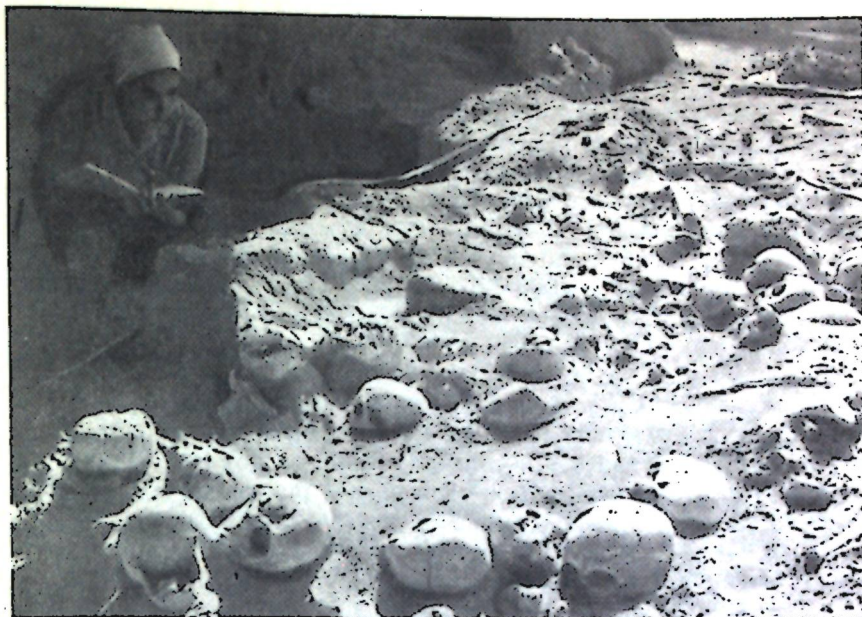

Рис. 2. Склеп II. Верхний ярус погребений

Рис. 3. Склеп II. Нижний ярус погребений

обнаружено 99 черепов. Все черепа обоих ярусов, находившиеся у входа, раздавлены каменными глыбами. В склепе было огромное количество хаотично расположенных костей погребенных (рис. 2 и 3). В верхнем ярусе у северной стены, на 20 см выше пола, найдены обломки сильно стертой и коррозированной монеты, не поддающейся определению, и обломки узкогорлого сосуда, а у суфы, вплотную к черепу 1, — фрагмент доосуария. Произведенная в 1975 г. окончательная дочистка склепа II дополнительно выявила более 30 черепов, кости погребенных и предметы украшения. В этом склепе оказались останки более 127 погребенных.

В промежутке между склепами I и II в 1975 г. выявлен и раскопан склеп III, который, как и склеп II, состоял из большой входной камеры и маленькой погребальной ниши в глубине склепа. Размеры камеры 6,50 × 3,55 × 2,20 м. Глубина погребальной ниши 1,5 м, высота — 0,40 м. Вход был завален упавшим сводом и сползшей глиной. Входная камера и погребальная ниша были заполнены надувным лёссом и человеческими костями, расположенными в три условных яруса, но в полном беспорядке. Какой-либо системы или общей тенденции в положении покойников уловить не удалось. В первом (сверху) ярусе обнаружено 74 черепа, во втором — 47, в третьем, на полу, — 61 череп, т. е. всего 182 черепа, и множество хаотически лежавших костей конечностей, позвонков, ребер, тазовых костей, нижних челюстей.

В склепах найдено огромное количество предметов (рис. 4). Среди находок из склепов I и II имеются великоленные бронзовые серьги с корпусом в виде сердечка (3 экз.), полумесяца (1 экз.) и замочка (1 экз.) и со стеклянными вставками с лицевой стороны корпуса; оригинальные бронзовые и медные подвески, внутри полые, шаровидной формы, на маленьких петельках (8 экз.); разной величины бронзовые подвески колоколовидной формы (6 экз.); бронзовые серьги-подвески, состоящие из а) верхнего колечка и нижних массивных шаровидных частей (3 экз.); б) верхнего колечка и нижнего стержня с двумя перехваченными «обвязками» (1 экз.); в) системы тонкопроволочных колечек (1 экз.); г) простых проволочных колечек (2 экз.); одна бронзовая миниатюрная подвеска из массивного кольца и петельки. Обнаружено шесть перстней, в том числе хорошо сохранившийся миниатюрный перстень-печатка, два изящных перстня с «глазками» для драгоценных вставок, два проволочных перстня, перстень из массивного проволочного кольца с уплощенной верхней частью и «шишечкой», и обломки нескольких проволочных браслетов.

Великолепна серия бронзовых булавок для женских причесок. Они выполнены в виде длинных прямых стержней с гладко заостренным концом и посаженным навершием — украшением на другом конце. Навершия шаровидные, спаянные из двух половинок, а в одном случае в виде суживающегося к стержню миндаля с округлым и треугольным «глазками» для вставок. На одну из булавок вместо металлического навершия посажена каменная бусина.

Среди остальных металлических находок особенно интересны бронзовое зеркало с большим припаянным налепом-ручкой, полым внутри и заполненным какой-то твердой массой; замечательная по конструкции и орнаменту бронзовая ручка небольшого кинжала (ножа), лицевая сторона которой внутри невысоких бортиков заполнена «наркосом» из металлической растительной вязи, видимо, залитым в древности какой-то затвердевшей массой; очень реалистично выполненная литая миниатюрная бронзовая фигурка горного козла (или архара).

Кроме того, среди находок были бронзовые мелкие и крупные бусы, пряжки, тонкие пластинки, принадлежавшие деталям одежды, обломки железных кинжалов и ножей.

В обоих склепах обнаружено около 850 бусин и амулетов, самых разнообразных по размерам и формам, материалу и технике выделки, цветовой гамме и орнаментации. Среди них есть бусины и амулеты, сделанные из простых речных галек, полудрагоценных и драгоценных камней, стекла и пасты, морских раковин. Имеется около десятка великоленных образцов расписных инкрустированных бусин. Особо отметим крупную бусину-амулет из черного камня с выгравированным изображением горного козла, плоскую бусину-амулет из темно-синей пасты со штампованным на одной выпуклой поверхности изображением человеческой головы, бусину из белой пасты со штампованным изображением лягушки. Перечень находок из склепов I и II завершает серия каменных косметических палочек.

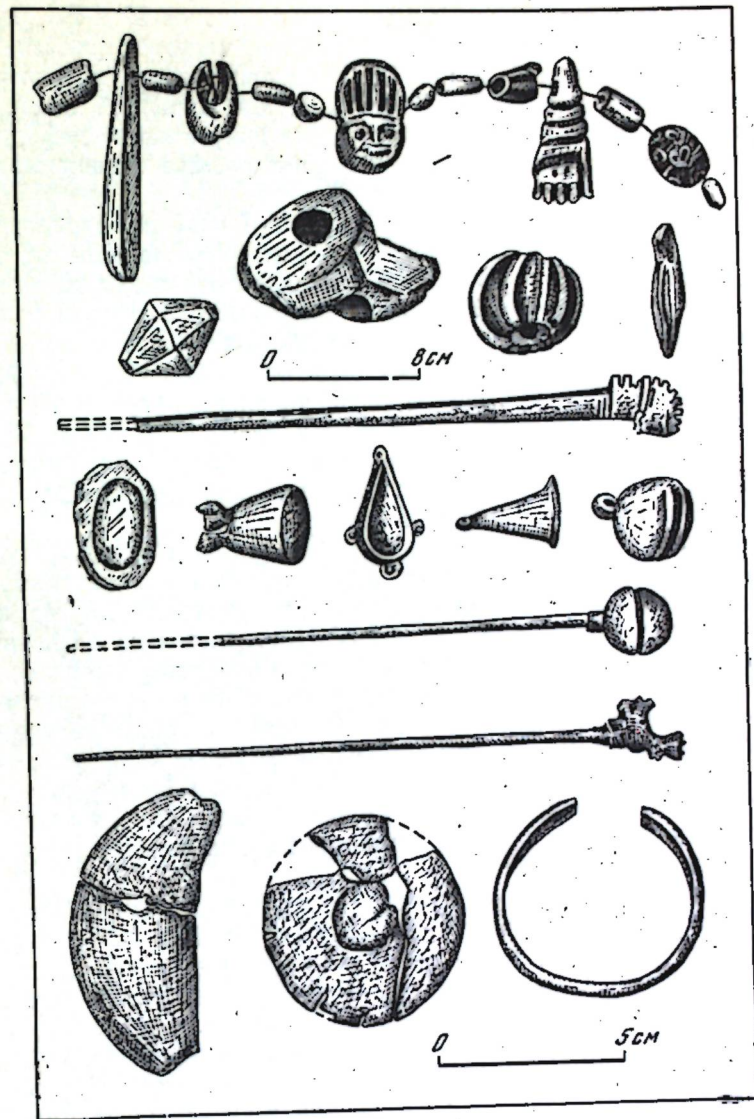

Рис. 4. Склепы I, II и III. Образцы находок

Большая коллекция находок собрана в склепе III. В их числе два брактеата из тонких золотых пластин с оттисками портретных изображений на лицевой стороне (видимо, позднекушанско-эфталитского происхождения), две миниатюрные золотые подвески пирамидальной формы и одна золотая серьга замочковидной формы, выполненная в технике перегородчатой эмали. Обнаружено свыше 1200 бусин и амулетов различной формы и величины, материала и техники выделки. Среди них около 240 — из коралла, около 50 — из сердолика. Из находок этой серии интересны бусины в виде человеческой руки и стилизованной человеческой головы. Великолепна костяная булавка с навершием в виде козлой головы.

Изделия из бронзы включают браслеты, бубенцы, колокольчики, кольца, подвески, зеркала, цепочки и др. В склепе обнаружены 11 бронзовых монет, пока не определенных, узкогорлый миниатюрный кувшинчик, крышечка, пока не определенных, маленькая чаша, все — станковой работы, с дополнительной подрезкой нижних частей, покрыты белым ангобом.

Антропологическая серия, полученная из склепов II и III, состоит из 412 черепов и множества костей конечностей, позвонков, ребер, тазовых костей, нижних челюстей и пр. По предварительным визуальным наблюдениям антрополога Т. П. Кияткиной, в полученной краниологической серии имеется очень большой процент искусственно деформированных черепов. Деформация круговая. Серия в расовом отношении смешанная.

В 500—600 м к юго-западу от склепов I—III зафиксировано еще 14 склепов аналогичного характера. Все они расположены на высоких отвесных скалах той же горы Ширин и фасадом обращены на юго-восток. Склепы эти стоят в одиночку или группами — по два, пять и более. Еще два склепа находятся в непосредственной близости от городища Ширин. Площадь камер каждого из этих склепов колеблется от 6 до 11 кв. м. Из 16 склепов только в четырех обнаружены следы погребений, а остальные оказались совершенно пустыми. Почти все склепы имеют обширную входную камеру и маленькую погребальную нишу в глубине камеры. Они, видимо, использовались первоначально как фамильные усыпальницы богатой аристократии Уструшаны.

Полученный из склепов материал разнообразен и очень разновременен. Предметы украшений — серьги, перстни, кольца, значительная часть бус с изображениями, золотые бракетты и некоторые другие находки пока удается датировать в рамках III—VII вв. н. э. Однако по археологической ситуации трудно объяснить постепенное длительное заполнение склепов I—III и нельзя исключить факт массового разового захоронения жертв какой-то катастрофы. Возможно также объяснить хаотическое состояние погребенных действиями грабителей, искавших золото и оставивших на месте украшения из бронзы, камня и других материалов.

Куркатские склепы по типу и местонахождению, по богатству и ценности антропологической серии и серии ювелирных изделий в археологии Средней Азии уникальны².

Присырдарьинская часть Уструшаны, уже известная по таким памятникам, как городище Мунчактепа³, Ширинсайский и так называемый Восточный некрополи⁴, а также бекабадская серия художественных металлических изделий⁵, становится одним из археологически перспективных районов. Особенно это касается изучения пока мало выявленной здесь культуры античного и раннесредневекового периодов, от которых сохранилось в местной топонимике древнее наименование Куркат (Курукада), уводящее нас к эпохе существования староуструшанских городов, отмеченных греко-римскими и средневековыми арабоязычными авторами⁶. Перспективы дальнейших поисков, полное исследование Куркатских склепов и продолжение раскопок самого городища Ширин весьма заманчивы.

¹ См.: Гайдукевич В. Ф. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. — КСИИМК, XIV, 1947, с. 98, 99; Смирнова О. П. Археологические разведки в Уструшане в 1950 г. — МИА, № 37, 1953, с. 225—227; Негматов Н. Н. Исследования в Северном Таджикистане в 1970 г. — В кн.: Археологические работы в Таджикистане, X (1970 г.). М., 1973, с. 95, 96.

² Негматов Н. Н., Вилалов А. И., Мирбабаев А. К. Открытие скальных склепов у сел. Куркат. — АО 1974 г. М., 1975, с. 540, 541.

³ Гайдукевич В. Ф. Работы Фархадской археологической экспедиции...; он же. Керамическая обжигательная печь Мунчак-тепа. — КСИИМК, XXVIII, 1949.

⁴ Гайдукевич В. Ф. Могильник близ Ширин-Сая в Узбекистане. — СА, XVI, 1952, 1948, № 5, с. 71—81; Рутковская Л. М. Бронзовая статуэтка из Беговата. — СА, 1968, № 1, с. 255—259.

⁵ Негматов Н. Н. Уструшана в древности и раннем средневековье. Сталинабад, 1957, с. 18, 42.

О ПОГРЕБЕНИЯХ РАННИХ СКОТОВОДОВ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ФЕРГАНЕ

На правобережье Сырдарьи, вдоль южной подгорной полосы Кураминско-Кармазарского хребта, к юго-западу от кишлака Ашт расположен могильник. Он занимает территорию слегка холмистой песчано-каменистой пустыни, изрезанной глубокими пересохшими саями. В могильнике насчитывается около 500 погребальных сооружений, имеющих вид округлых в плане каменных с примесью мелкого песка насыпей полусферической формы, диаметром от 4 до 12 м, высотой от 0,4 до 1,5 м. Иногда встречаются насыпи в виде плоских каменных выкладок. На поверхности некоторых насыпей в центре до раскопок удалось проследить контуры овальных или прямоугольных в плане каменных конструкций.

Могильник Дашти Ашт был открыт в 80-х годах прошлого столетия Н. И. Веселовским, во время его разведывательной поездки по Фергане¹. В 1957 г. около двух десятков курганов было раскопано здесь под руководством Б. А. Литвинского².

В течение 1967, 1971—1974 гг. сотрудниками Аштского отряда раскопано 200 курганов, 48 из них оказались кенотафами. Значительная часть курганов была ограблена еще в древности. Среди раскопанных захоронений по признакам погребального обряда выделено несколько основных, хронологически четких групп.

К первой группе относятся наиболее древние захоронения (очень плохой сохранности). Они представлены одиночными погребениями. Костяки лежат на спине в вытянутом положении черепом на запад в наземных каменных сооружениях овальной или прямоугольной формы, иногда с чуть углубленным в материковый грунт дном. Стены их сложены из одного ряда крупных, поставленных на ребро камней или из нескольких рядов более мелких камней (рис. 1). В некоторых могильных сооружениях сохранились остатки перекрытий длинными узкими камнями, располагавшимися поперек. Обычно дном такого сооружения является материковый грунт; лишь в одном случае дно было выложено плоскими каменными плитами. Конструкция этих сооружений ближе всего напоминает каменные «ящики» с детскими погребениями, открытые в 1956 г. близ мазара Ходжа Ягона в Кайрак-Кумах. Б. А. Литвинский датирует их первой четвертью I тысячелетия до н. э.³ Другую близкую аналогию, тоже из Ферганы, представляют подобные сооружения Кулгайского могильника, датированного Н. Г. Горбуновой V—III вв. до н. э.⁴ Менее выраженное, но довольно близкое сходство усматривается в подобных сооружениях Карамкульского и Вуадильского могильников, относящихся к первой и началу второй четверти I тысячелетия до н. э., а также в подземных каменных камерах Даханийского могильника того же времени⁵.

Круг аналогичных каменным конструкциям могильника Дашти Ашт инвентарю, найденному в них, не исчерпывается перечисленными памят-

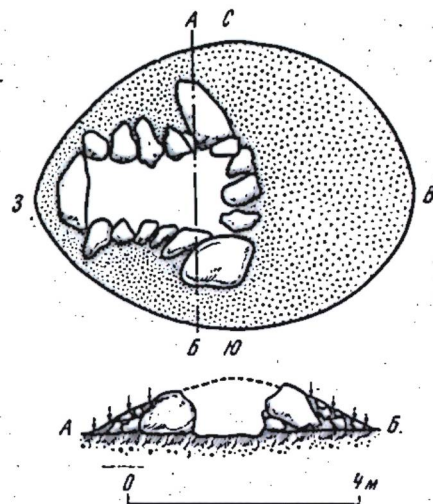
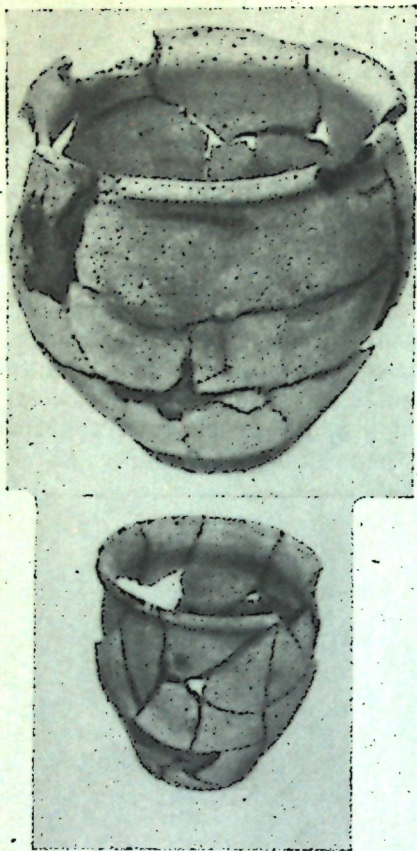

Рис. 1. План и разрез кургана 319

пиками и выходит далеко за пределы Ферганской долины. В этом плане представляют интерес исследованные А. М. Мандельштамом в Южной Туркмении (в западной части подгорной полосы Копет-Дага) погребения периода поздней бронзы в неглубоких ямах, обложенных крупными камнями или с выделенным внутренним кольцом из камней. Как полагает А. М. Мандельштам, они оставлены степными племенами, родственными посетителям срубной культуры Поволжья и проникшими в зону господства местной раннеземледельческой культуры извне⁶.

Сопровождающий инвентарь исследованной группы погребений могильника Дашти Ашт очень беден, видимо по вине грабителей. Он представлен крупными каменными оселками, миниатюрной косметической палочкой, каменными деталями копской сбруи, мелкими пастовыми бурами, единичными бронзовыми изделиями (шило, серьга, пуговица), фрагментами и целыми керамическими сосудами ручной лепки, четко разделяющимися на две группы.

К первой группе относятся сосуды, изготовленные из грубой черно-серой глины с примесью белого мелкозернистого песка (рис. 2). Это

Рис. 2. Керамика кайраккумского типа

крупные широкогорлые горшки с выделенной шейкой, а также небольшие сосуды баночной формы с почти вертикальными стенками, резко суживающимися к неустойчивому плоскому дну. Обе поверхности сосудов, как правило, покрыты тонким слоем серо-коричневой глины или плотной коричневато-черной облицовкой со следами полосчатого лощения. Часть сосудов украшена неглубокими резными полосами в виде «елки» или отрезками линий гребенчатого штампа.

Вторая группа представлена сосудами из серой или розовато-серой тонкоотмученной глины без включений или с примесью мелкоотмученного белого материала. Среди этих сосудов выделяются следующие формы: 1. Глубокие миски-горшки с сильно выпуклым туловом на небольшом плоском дне, с невысоким отогнутым венчиком. Наружная поверхность их покрыта розовато-красной облицовкой, внутренняя — серо-коричневой. Высота 13,3 см, диаметр венчиков 15,5 см, диаметр дна 7 см. 2. Круглодонные сосуды с шаровидным туловом, серолощенной поверхностью, невысоким почти цилиндрическим горлом и чуть отогнутым наружу венчиком. Высота 12,5 см, диаметр венчика 8,8 см, диаметр тулова 12,5 см. 3. Круглодонные миски с полусферическим туловом, украшенные расписным геометрическим орнаментом; роспись нанесена на розовато-фиолетовом фоне коричнево-красной краской в виде заштрихованных и обращенных вершинами вверх треугольников. 4. Плоскодонные миски с полусферическим туловом, украшенным расписным геометрическим орнаментом: по краю у венчика — коричневые, сплошь закрашенные треугольники (тре-

угольные клинья), под ними на кремовато-желтом фоне — коричневая роспись типа «шеvron» или горизонтальной «елки».

Значительная часть посуды первой группы по форме и технике изготовления близка керамике поселений и могильников Ферганы периода поздней степной бронзы: это разветвленные селища в урочище Кайрак-Кум, Даханинский и Вуадильский могильники⁷. Небольшие баночные сосуды обнаруживают некоторое сходство с сосудами тазабагыябской культуры Хорезма⁸. Сосуды второй группы типичны для самого позднего этапа (VIII—VII вв. до н. э.) чустской земледельческой культуры древней Ферганы⁹. Известно и еще несколько находок сосудов чустского типа в керамических комплексах степной бронзы. Так, фрагмент чустского расписного сосуда был найден в слое степной бронзы навеса Ак-Танги под Шахристанским перевалом¹⁰. Находки керамики чустского типа были зафиксированы при раскопках поселений эпохи бронзы в Кайрак-Кумах. Там же, на такыре Ходжа Ягона, был случайно найден чустский расписной горшок¹¹.

Как нам кажется, совместная находка в каменных сооружениях Дашти Ашта изделий чустско-дальверзинского типа и керамических сосудов степного круга еще раз подтверждает выдвинутую в начале 50-х годов гипотезу А. Н. Бернштама «о двух основных линиях развития культуры эпохи бронзы в Фергане — степной и земледельческой»¹² и точку зрения некоторых исследователей о существовании непосредственного двустороннего контакта между оседлыми земледельцами Ферганы и кайраккумцами-степняками¹³.

Совокупность изложенных выше фактов позволяет, на наш взгляд, считать раскопанную группу курганов с каменными конструкциями принадлежащей к кайраккумскому варианту культуры степной бронзы и датировать ее на основании анализа керамических находок примерно концом первой — началом второй четверти I тысячелетия до н. э., т. е. временам, предшествующим раннему железному веку (VIII—VII вв. до н. э.). Предложенная датировка подтверждается и остальными находками: небольшое с припостренным концом бронзовое шило очень похоже на четырехгранные шилья из Чуста и Дальверзина¹⁴.

К сожалению, вблизи могильника пока не обнаружено поселений с аналогичным материалом. Самыми близкими являются поселения восточной группы Кайрак-Кумов, которые расположены в 45—50 км. Не исключено, что поселения и могильник связаны друг с другом.

По соседству с каменными наземными выкладками расположены погребальные сооружения второй группы. Это неглубокие грунтовые могилы, иногда обложенные по краю камнями. В них обнаружены коллективные захоронения, принадлежавшие, по-видимому, одной большой патриархальной семье. Погребения в каждом таком сооружении совершались последовательно, при этом похороненные раньше оказывались грубо сдвинутыми с места. В сопровождавшем инвентаре вскрытых курганов впервые для этого района были отмечены лепные миски полусферической формы на плоском и округлом дне, украшенные красно-коричневой росписью на светлом фоне, и тонкостенные станковые горшки и кувшины, имеющие близкое сходство с керамикой поселений и могильников раннего железного века в Центральной Фергане, особенно Актамского могильника¹⁵.

На основании этого сходства была принята ориентировочная дата для раскопанной нами группы курганов — VI—III вв. до н. э. Эта датировка подкрепляется находками значительного количества различных предметов погребального инвентаря, в том числе нескольких трехлопастных бронзовых втульчатых наконечников стрел с «лапками» и копьевидного наконечника стрелы со скрытой втулкой, относимых исследователями к VI—IV вв. до н. э. В некоторых погребениях второй группы встречено несколько станковых мисок и горшков, покрытых тусклым желтовато-

красным ангобом. Возможно, это самое раннее ангобное покрытие стальных сосудов, так как в синхронных могильниках Центральной Ферганы и на городище Эйлатап его пока не удалось обнаружить.

К сожалению, сохранность костных остатков из курганов очень плохая, но тем не менее удалось получить несколько половозрастных определений и три определения для антропологической характеристики этой группы: все черепа без признаков искусственной деформации: один череп — долихокраничного, два — мезокраничного типа¹⁶.

Следующая самостоятельная группа, охватывающая время от рубежа нашей эры до VI—VII вв. н. э., представлена наземными погребальными сооружениями крупных размеров в форме каменных «ящиков» и мугхона, именуемых местным населением курумами. Погребальный инвентарь этих погребений, особенно керамический, тесно перекликается с материалами расположенного в непосредственной близости от могильника поселения Тудан Калон, свидетельствуя о чрезвычайной близости и тесной связи двух хозяйственных укладов — оседлоземледельческого и скотоводческого: керамические комплексы I и II строительных периодов поселения (конец III — начало VI в. н. э.¹⁷) состоят из множества типично кочевнических форм, а в погребальных сооружениях могильника, наоборот, в большом количестве найдена посуда, изготовленная на поселениях¹⁸.

Как нам кажется, предварительно выделенные группы погребений могильника характеризуют последовательно хронологические этапы развития одной культуры от эпохи бронзы до раннего средневековья. Полученные в результате раскопок материалы позволили проследить непрерывную генетическую линию развития каменных наземных конструкций в Северо-Западной Фергане. Их истоки лежат в подземных погребальных камерах Дахагинского могильника, оформленных на поверхности плоскими выкладками¹⁹.

Следующий после дахагинских погребальных камер этап с очень незначительным хронологическим перерывом (или даже без него, судя по сопровождающему инвентарю) представлен каменными наземными сооружениями могильника Дашти Ашт, датированными, как и Дахагинский могильник, первой — началом второй четверти I тысячелетия до н. э. Стены их сложены из крупных монолитных камней или, как в дахагинских погребальных камерах, выполнены кладкой из нескольких рядов более мелких камней.

Усматривается преемственность в развитии форм погребальных сооружений и на следующем, более позднем — сако-усуньском — хронологическом этапе, когда наземные каменные конструкции сменились очень неглубокими грунтовыми могилами (с лепной расписной и станковой посудой), обложенными иногда по краям окатанными камнями²⁰. Интересно, что в этой более поздней группе погребений в ямах (VI—III вв. до н. э.) было встречено несколько наземных каменных сооружений, как бы продолжавших старую традицию.

По А. Н. Бернштаму и К. А. Акишеву, могилы с каменными выкладками, покрытые каменной насыпью, еще встречаются среди погребений ранних саков, по-видимому, как пережиток андроновской культуры. Эта преемственность памятников сако-усуньского времени по отношению к предшествующей культуре периода поздней бронзы наглядно прослеживается и в керамических материалах. Так, в одном из погребений (курган 165г) вместе с кайракумской керамикой (венчики крупных кухонных горшков и фрагменты стенок сосудов, орнаментированных неглубокой резной «елкой») встречены две расписные миски (типично актамских форм), характерные для следующего, более позднего хронологического этапа. На наш взгляд, в этой коллекции кайракумские формы играют роль пережиточного явления, как бы свидетельствуя о сохранении старых традиций. Приведенные выше факты подтверждают выдвинутые

в свое время гипотезы А. Н. Бернштама и С. С. Черникова о преемственности и генетической связи сакского населения Средней Азии и Казахстана с племенами поздней бронзы, обитавшими на этих территориях.

¹ См.: ОАК за 1882—1888 гг. СПб., 1891.

² Литвинский Б. А. Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской обл. в 1957 г. — В кн.: Археологические работы в Таджикистане, V. Душанбе, 1959, с. 109—129; *он же*. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972.

³ Литвинский Б. А., Окладников А. П., Рапов В. А. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962, с. 117, 118, 158—164.

⁴ Горбунова И. Г. Кунгайский могильник. — АСГЭ, 3, 1961, с. 187—190.

⁵ Гамбург В. З., Горбунова И. Г. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. — КСИИМК, 63, 1956, с. 85—93; Литвинский и др. Древности Кайрак-Кумов, с. 158—168; Литвинский Б. А. Дахагинский могильник эпохи бронзы в Западной Фергане. — КСИИМК, 80, 1960, с. 47—52.

⁶ Мандельштам А. М. Погребения срубной культуры в Южной Туркмении. — КСИИМК, 108, 1966, с. 107; *он же*. Новые погребения срубного типа в Южной Туркмении. — КСИИМК, 112, 1967, с. 61—65.

⁷ Литвинский Б. А. и др. Древности Кайрак-Кумов, с. 91 сл.; Гамбург В. З., Горбунова И. Г. Могильник эпохи бронзы... с. 85—93.

⁸ Итима М. А. Первобытная керамика Хорезма. — Труды Хорезмской экспедиции, т. IV. М., 1959.

⁹ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА, № 118, 1962, с. 24, 25, 40, 44.

¹⁰ Литвинский Б. А., Рапов В. А. Раскопки навеса Ак-Танги в 1959 г. — В кн.: Археологические работы в Таджикистане. Душанбе, 1961, с. 48, 49.

¹¹ Литвинский и др. Древности Кайрак-Кумов... с. 255—257.

¹² Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, № 26, 1952, с. 186.

¹³ Литвинский Б. А. и др. Древности Кайрак-Кумов, с. 256, 290.

¹⁴ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура... с. 41, табл. XXII, 7.

¹⁵ Заднепровский Ю. А. Городище Эйлатап. — СА, 1960, № 3; Гамбург В. З., Горбунова И. Г. Кунгайский могильник. — КСИИМК, 69, 1957, с. 78—93; Горбунова И. Г. Кунгайский могильник, с. 87, 88; *она же*. Культура Ферганы в эпоху раннего железа. — АСГЭ, 5, 1963, с. 97, 98; *она же*. Суфанский могильник. — АСГЭ, 11, 1969, с. 72—91.

¹⁶ Все определения сделаны антропологом Т. П. Кияткиной.

¹⁷ Салтовская Е. Д. Северо-Западная Фергана в древности и раннем средневековье. Автореф. канд. дисс. Душанбе, 1971, с. 3—21.

¹⁸ История таджикского народа, т. I. М., 1963, с. 422.

¹⁹ Литвинский Б. А. Дахагинский могильник... с. 47—52.

²⁰ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки... с. 213; Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. — Алма-Ата, 1963, с. 78.

Б. Н. НУРМУХАНБЕТОВ

МОГИЛЬНИК МАРДАН

Окрестности древних городов и поселений Отрарского оазиса насыщены развалинами архитектурных комплексов. Они имеют вид различных по форме и размерам холмов, которые располагаются обычно вдоль оросительных каналов. Отдельные цепочки таких холмов иногда по прямой линии тянутся и посреди современных полей. Холмы покрыты осколками жженого кирпича и глиняной посуды: на некоторых из них видны остатки разрушенных зданий.

Первые попытки историко-археологического толкования этих памятников базировались на их топографических признаках и подземном материале. Так, по мнению А. Н. Бернштама, они являлись остатками жилых построек, относящихся к античному времени¹. Е. И. Агеева и Г. И. Пачевич полагали, что эти холмы и валы могли быть остатками поселений

оседающих тюркоязычных племен. По мнению исследователей, приток населения из кочевой степи в города происходил в конце VIII в.²

В 1971 г. Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция приступила к раскопкам на городище Отрар. Одновременно начались исследования холмов. В результате выяснилось, что далеко не все из них скрывают под собой остатки жилых построек. Так, под холмами южнее городища Куйрыктобе и на валах вокруг Отрара были открыты городские кладбища феодального периода с мусульманскими захоронениями³.

Погребальными памятниками оказались также холмы, расположенные в конце цепочек западнее городища Куюкмардан. Здесь насчитывается 15 небольших протянутых с запада на восток цепочек курганов с сильно оплывшими насыпями. В каждой из этих цепочек — от двух до пяти насыпей. Насыпи в цепочках расположены плотно друг к другу. Иногда они, расплываясь, перекрывают друг друга и превращаются в своеобразные валы удлиненной формы. Отдельные погребальные сооружения в них различаются по едва заметным седловинкам в местах их соединения и по мелким сопочкам на вершинах.

Раскопкам подверглись три цепочки и один из отдельно стоящих курганов. Большинство вскрытых погребений могильника Мардан оказалось либо разваленными, либо со следами вторичного использования. Вследствие этого материал могильника в какой-то мере смешанный. Из раскопанных конструкций хорошо сохранились лишь четыре; погребения в них были непогрешенными. В целом небольшой археологический и антропологический материал из этих погребений для Отрарского оазиса совершенно нов.

Могильные сооружения представляли собой своеобразные наземные паховые склепы, сооруженные на песчаных буграх. К сожалению, ни в одной из исследованных могильных конструкций не были выявлены внешние очертания. В то же время внутренние стенки могил фиксировались довольно четко. Определялась также их абсолютная глубина. Это были прямоугольные строения с внутренней «ваннообразной» одиночной камерой. Размеры зависели от возраста и телосложения погребенных. Вследствие того, что эти склепы последовательно пристраивались друг к другу, швы паховых стенок со временем оплыли.

Во всех погребениях были труположения. Поза их определена лишь в 7 из 13 расчищенных погребений. Способ помещения покойников — общий для всех погребений: юго-юго-восточная ориентировка, вытянутое положение на спине, руки прижаты к корпусу, лицо обращено вверх. Этот обряд можно распространить на остальные шесть погребений, в которых останки в момент расчистки оказались разрозненными или сложенными в кучу. Исключением из этого общего правила являлось одно детское погребение (1, цепочка 1), где костяк был ориентирован черепом на юго-запад. Частичным отклонением, возможно, следует считать также положение черепа погребения 3 (цепочка 1), повернутого лицом на запад.

Погребальный инвентарь немногочислен, но разнообразен. Это керамика, предметы быта, украшения и амулеты. Керамика встречается во всех погребениях. Она представлена исключительно столовой (парадной) посудой (рис. 1). Кувшины первого типа имеют шаровидное или бочковидное тулово, цилиндрическое горло, отогнутый наружу венчик и носик-слив; четырехугольные вертикальные ручки с продольным желобком по спинке прикреплены верхним концом к краю горла (или несколько ниже), а нижним — к плечу сосуда. Поверхность некоторых сосудов покрыта густым красным ангобом. Один сосуд украшен по плечу гребенчатым штампом из чередующихся прямых и волнистых линий; оригинальна и S-образная вертикальная ручка кувшина. Цилиндрические носики-сливы слегка смяты снизу. Посажены они на плечиках под ост-

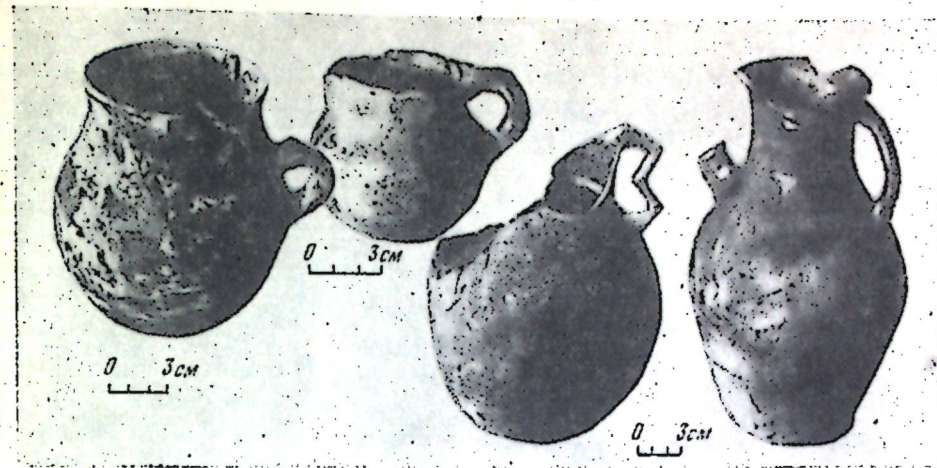

Рис. 1. Глиняные сосуды из погребений

рым углом по отношению к вертикальной оси сосудов. Края носиков обычно оформлены так же, как венчики.

Кувшины второго типа не имеют ручек и носиков-сливов. У них грушевидное тулово, низкое горло и слегка отогнутый простой или треугольный в сечении венчик. Ангобная обмазка отсутствует. Поверхность несет следы сглаживания руками или мокрой тряпкой.

Встречены также кружки, в основном двух типов. У кружка первого типа ручка прикреплена верхним концом к венчику, приземистое, округлое тулово, слегка выделенное широкое горло. У кружка второго типа ручка прикреплена к середине или верхней половине корпуса (на верхнем конце ручки — характерный выступ), округлое, довольно высокое тулово, маловыраженная широкая горловина и маленький треугольный в сечении венчик. Кружки покрыты темно-коричневым ангобом с лощением.

Бытовые предметы представлены исключительно железными ножами. Они двух типов: с прямой и изогнутой спишкой и с клиновидными в сечении соответственно с прямыми и кривыми лезвиями. Черенки ножей не сохранились.

В комплект украшений входят бусы, перстни, шпильки и цепочки. Бусы — стеклянные, каменные и пастовые — различны по форме и пропорциям. О перстнях можно судить по одному сохранившемуся экземпляру: у него плоский круглый серебряный щиток с каменной вставкой, припаянный к пластинчатой бронзовой дужке; гнездо вставки обрамлено серебряной зернью. Бронзовые шпильки сохранились плохо. Одна имеет головку в виде узелка, крученого из той же проволоки. Найдены также железные цепочки из звеньев-колючек с сомкнутыми концами и амулеты из просверленных косточек и зубов животных. По-видимому, амулетами были и отлитые из бронзы фигурки, весьма реалистично изображающие козлов. Судя по имеющемуся в передней части отверстию, эти фигурки были предназначены для подвешивания (рис. 2). Кроме того, в погребениях обнаружена железная щитково-рамчатая пряжка: щиток длинный одинарный, подвижно скреплен с рамкой; рамка овальная с подвижным язычком.

Таков состав немногочисленного погребального инвентаря. Интересны некоторые особенности его размещения в погребениях. Обращает на себя внимание местоположение кружки (цепочка 1, курган 1, погребение 1) и кувшинов (цепочка 1, курган 2, погребения 3, 4). Они стояли не внутри камеры, как обычно, а были вкопаны, или «замурованы», в одну из стен склепов, в некотором отдалении от захоронений. Это обстоятельство за-

трудняет определение принадлежности этих сосудов к тому или иному погребению. При этом возникает справедливый вопрос, относятся ли они вообще к вскрытым погребениям? Эти сомнения снимаются некоторыми полевыми наблюдениями, а также этнографическими параллелями. По обычаю казахов оставлять могильный инвентарь поверх могилы сообщает Ибрай Алтынсарин. По его словам, «на самый верхний конец памятника мужчины ставят ... копы, а на могилах женщин — палку (бакап⁴ или писпек⁵), на таковых же ребенка — люльку»⁶. В Хорезме был распространен обычай оставлять на могилах посуду разного рода: «Часто поливные блюда или их фрагменты вмазывают в торцовые стенки сагоны»⁷. Символические изображения предметов, положенных в могилу, отмечены на ряде современных казахских⁸ и киргизских⁹ кладбищ.

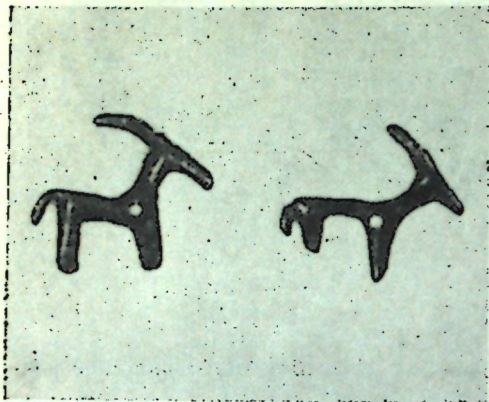

Рис. 2. Скульптурные изображения козлов

Обнаруженные материалы не дают основания для датировки каждой раскопанной погребальной конструкции. Речь может идти лишь о времени существования могильника в целом. Зафиксированные топографические особенности и погребальный об-

ряд могильника по сравнению с другими погребальными памятниками степных районов имеют ряд отличительных признаков. Как видно из характеристики погребальных сооружений, это необычный курганный могильник: курганообразные всхолмления его содержат не одиночные, а коллективные погребения; отдельные же наземные конструкции могил не разрознены, а составляют компактные группы. Все эти признаки и само расположение могильника Мардан неподалеку от поселений позволяют предполагать, что кладбище оставлено оседлым населением.

Археологические данные показывают, что здесь, в Отрарском оазисе, в первых веках I тысячелетия н. э. получают распространение ранние укрепленные поселения. На некоторых из них обнаружена керамика, аналогичная найденной в могильнике. Сходство керамики отдельных типов с посудой могильника прослеживается как в формах, так и в деталях отдельных частей сосудов. Хронологический диапазон аналогичных типов керамики охватывает весьма длительный период с I по VI в. н. э. На протяжении этого отрезка времени керамика сохраняла преемственность и «в развитии основных ведущих типов посуды, и в элементах орнаментики, и в технике изготовления»¹⁰.

Характерным признаком многих кувшинообразных сосудов I—IV вв. н. э. является рифленое горло с мелкими concentрическими каннелюрами. Подобный прием украшения посуды не встречен в комплексе могильника Мардан. При общем сходстве керамических форм рифление горловины, очевидно, не было еще известно гончарам, изготавливавшим посуду из склепов. Не дает ли это основания для датировки могильника? Вспомним обстоятельства находок кувшинов с рифленным горлом на поселениях Отрарского оазиса. На поселении Костобе (южное) они, появляясь впервые в нижнем слое, продолжают бытовать и в последующем¹¹. Существенно и то, что в верхнем слое наряду с ними появляются также и кувшины новых типов. Это столовые и водоносные сосуды с такими характерными элементами, как валик на горле и желобчатая ручка, соединяющая горло и плечики. Отдельные экземпляры этих сосудов также украшены каннелюрами, но уже сплошными. На сосудах Мардана ха-

рактерного валика на горле еще нет. Не случайно и отсутствие здесь сосудов с двойными ручками. На поселении Батайтобе кувшинов с рифленным горлом довольно много. Встречены и другие формы. Среди них по-прежнему присутствуют кувшины с валиком на горле и характерной желобчатой ручкой. Такое соотношение сосудов определяет, в частности, нижнюю границу жизни на Батайтобе IV—VI вв. н. э.¹²

В детском захоронении найдено семь монет с квадратным отверстием в центре. Принадлежность их к монетам типа «у-шу» не вызывает сомнений. Находки монет такого рода на территории Казахстана ранее не были известны. В Средней Азии такие монеты находили в погребальных комплексах. Основной их ареал — Ферганская долина. Найдены они недавно и в могильнике Гурмироп. Большинство этих монет отлито, по определению М. В. Воробьева, в 118 г. до н. э. Самые же поздние из них относятся к 73—47 гг. до н. э.¹³

Таким образом, можно предполагать, что в могильнике Мардан, состоявшем из однотипных погребений, хоронили в течение I в. до н. э. — II в. н. э. Могильник, очевидно, принадлежал рядовому сельскому населению, поселки которого пока еще неизвестны. Надо надеяться, что в ближайшем будущем они будут открыты.

1 Бернштам А. И. Древний Отрар. — Известия АН КазССР, сер. археологическая, вып. 3, 1951, с. 82—93.
2 Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. — Труды ТИИАЭ АН КазССР, т. 5, 1958, с. 70, 71.
3 Нурмуханбетов Б. И. Раннемусульманское кладбище близ городища Куйрык-тобе. — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 85—94.
4 Бакап — шест, которым поднимают копы и верхнюю часть остова юрты.
5 Писпек — мутовка для взбивания кумыса и масла.
6 Алтынсарин И. Очерк обычаев при похоронах и поминках у киргизов Оренбургского ведомства. — В кн.: Алтынсарин И. Избранные произведения. Алма-Ата, 1957, с. 300.
7 Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, с. 112.
8 Арзынбаев Х. А. Казак халкапдагы семья мен неке. Алматы, 1973, с. 125, 126.
9 Абрамзон С. М. Киргизы и их этнические и историко-культурные связи. Л., 1971, с. 333.
10 Акишев К. А., Байпаков К. М., Ермакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с. 134.
11 Там же, с. 123—135.
12 Там же, с. 144—146.
13 Кадыров Э. Б. Древние погребальные памятники Ферганы как исторический источник. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1975, с. 12.

Е. Е. КУЗЬМИНА

СЮЖЕТ ПРОТИБОБОРСТВА ДВУХ ЖИВОТНЫХ В ИСКУССТВЕ АЗИАТСКИХ СТЕПЕЙ

Среди памятников искусства звериного стиля азиатских степей привлекают внимание бронзовые бляшки с изображением сцены сражения двух коней. Композиция их однотипна: правый конь кусает колени левого, а левый впился зубами в загривок правого; группа помещена в обрамлении из листьев внутри прямоугольной рамки. При сходстве композиции трактовка самих животных различна. На некоторых изображениях животное больше напоминает не домашнего коня, а лошадь Пржевальского или кулана. Дата этих бляшек была ограничена С. В. Киселевым III—I вв. до н. э.¹ на основании находки одной из них в погребении мо-

гильника у Дерестуйского култука в Забайкалье². Гуниской эпохой датировал их и М. П. Грязнов³. Ту же дату принял и М. И. Артамонов⁴.

В настоящее время эти и аналогичные им по форме бляшки собраны и систематизированы М. А. Давлет⁵, относящей их ко II—I вв. до н. э. по новейшим находкам в комплексах погребений и в Косокольском кладе, обнаруженном в 1966 г. в районе Ужура⁶. Подобные бронзовые бляхи известны по материалам не только из Западной Сибири и Забайкалья, но и из Ордоса⁷. Хронология ордосских экземпляров может быть теперь определена на основании аналогов из датированных сибирских комплексов.

Какова семантика сцены борьбы двух коней? Вопрос этот уже поднимался М. П. Грязновым, видевшим в этой композиции отражение страниц героического эпоса сибирских народов. Исследователь справедливо обратил внимание на то, что в алтайских и монголо-ойратских поэмах верные кони выступают как активные помощники героев и подобно своим хозяевам сражаются в поединках⁸. Однако М. П. Грязнов допускал, что в создании этого эпоса могли принимать участие не только тюрко-монгольские народы, но и некоторые ираноязычные племена⁹.

С критикой гипотезы М. П. Грязнова выступил М. И. Артамонов, считавший население евразийских степей ираноязычным и полагавший, что объясняемые М. П. Грязновым из тюрко-монгольского эпоса сюжеты (в том числе и противоборство коней) были «не специфически сибирскими, а тем более не собственно хуннскими, а общеиранскими, известными по всей области распространения иранского искусства, включая сюда и Северный Китай»¹⁰.

Справедливость замечания М. И. Артамонова усугубляется тем, что, хотя анализируемые бляхи датируются временем около рубежа нашей эры, их прототипы, по мнению большинства ученых, восходят к более древним ирано-среднеазиатским истокам. Но М. И. Артамонов не предложил своей интерпретации семантики сцены борьбы двух коней.

Между тем, как мне кажется, обращение к мифологии ираноязычных народов позволяет вскрыть содержание этой композиции. В Авесте есть гимн, посвященный божественному герою Тиштрии (Тиштр Яшт, 14, 26—29)¹¹, сражающемуся с демоном Апаоша ради освобождения священных вод на берегу озера Воурукаша, предположительно отождествляемого некоторыми исследователями с Каспийским морем. Тиштрия борется «в образе белого коня, прекрасного, златоухого, с золотым чепраком», дев Апаоша — «в образе черной лошади, лысой, с лысыми ушами, с лысой шеей, с лысым хвостом, тощей, безобразием пугающей». Сначала Тиштрия, «блестящий, сверкающий», терпит поражение от демона и восклицает: «Гибель мне..., гибель всей растительности», но, наконец, он одолевает Апаошу, гонит его от озера Воурукаша, освобожденные волны озера вздымаются, и на землю проливается дождь. А Тиштрия поет хвалебную песнь: «Благо, воды и растения... Благо, вы, страны! Каналы вод да текут к вам без помехи к посевам с крупным зерном, к травам с мелкими семенами, ко всем телесным мирам!»

Последние строки свидетельствуют о тесной связи Тиштрии с плодородием природы. Эта взаимосвязь особенно явственно выступает в авестийской легенде, где говорится, что посреди моря Воурукаша растет целебное дерево, на котором находятся семена всех растений, и сидящая на нем птица Сенмурв рассыпает семена, а птица Хаумрош относит их «в то место, где Тиштар пьет воду». Таким образом, Тиштар выпивает воду со всеми семенами и проливает ее дождем на весь мир (Меног-и Храд, гл. LXII, 14, 28—42)¹². Эта авестийская легенда позволяет объяснить изображение на анализируемых бляхах между фигурами противоборствующих животных листьев-рудиментов дерева жизни.

Правомерно ли привлечение авестийского гимна для интерпретации сакского сюжета? Ведь Дарий в Бехистунской надписи¹³ прямо говорит о саках: «Саки были неверными и не читали Ахура-Мазду». Однако культ

Тиштрии, по-видимому, был очень древним, дозороастрийским, восходящим к эпохе единства ираноязычных народов. Почитание Тиштрии засвидетельствовано не только в Иране, но и в Средней Азии, в частности в Согде¹⁴. Тиштрия — покровитель дождя, ассоциировавшийся со «звездой дождя» — Сириусом, стоящим на иранском небосклоне в зените в период дождей. В зороастрийском календаре ему были посвящены 13-й день каждого месяца и самый засушливый месяц года Тир — июль, когда звезда Сириус впервые восходила над горизонтом, предвещая приближение сезона дождей. Тот же месяц и день были посвящены Тиштрии в парфянском и хорезмийском календарях¹⁵. По авестийской легенде, Тиштрия первые десять ночей являлся в облике прекрасного 15-летнего юноши, следующие десять ночей — в образе быка с золотыми рогами и последние десять ночей — в виде белого коня, спешащего сразиться с демоном засухи Апаоша.

В месяц Тир справлялись торжества в честь Тиштрии — Тирган. Бируни пишет, что это праздник земледельцев-крестьян: персы совершают омовения, «обливаются водами всех источников, благословения ради», «играют в воде, забавляются и окунаются»¹⁶.

Пережиток Тиргана — иранский праздник Абпашон — «обливание водой», когда по знаку шаха люди возле источника совершают обливания водой. Абпашон отмечается 5 июля, точно совпадая по времени с древнеиранским Тирганом¹⁷.

Праздник обливания водой был очень популярен издревле и в Средней Азии. В Тап-шу говорится, что во владении Кап (т. е. в Самарканде) с бубнами и пляской «забавляются обливанием друг друга водой»¹⁸.

Пережитки этого обряда еще недавно сохранялись во всей Средней Азии. У таджиков существовал обряд вызывания дождя — обошакон. Чтобы вызвать дождь, делали куклу — ашаглоп, обливали ее водой, затем шли на берег источника, устраивали коллективный пир и обливали водой друг друга¹⁹.

Интересно, что и в Осетии летом отмечался праздник в честь святого Ильи Уацилла — покровителя хлебных злаков, сопровождавшийся магическими обрядами, связанными с водой: жрец совершал три дня омовения и ставил на горе священную чашу, из которой должна была пролиться жидкость, чтобы гарантировать хороший урожай. В Осетии существовал также магический обряд вызывания дождя, сопровождавшийся ритуальной трапезой на берегу и обливанием водой²⁰, совершенно аналогичный среднеазиатскому и иранскому Тиргану.

Все это дает основание предположить, что культ Тиштрии был широко распространен у древнего ираноязычного населения Средней Азии и евразийских степей, и подкрепляет возможность считать изображение борьбы коней на бляхах иллюстрацией мифа о покровителе вод Тиштрии.

Существенным подтверждением выдвигаемой гипотезы является переведенный В. А. Лившицем текст магического заклинания, читавшегося жрецом-шаманом во время обряда вызывания дождя²¹. Рукопись найдена в Дуңхуане, она написана на согдийском языке в VIII—X вв. н. э., но сам текст архаичен и восходит, вероятно, к древнему среднеазиатскому источнику. В ту же рукопись включен гимн богу ветра Вайю, не сохранившийся в дошедшем своде Авесты²².

Вот текст волхования: «Из бруска белого сандала²³ надо сделать изображение, такие, как изображения на деревянных табличках. И (как) там, на табличках, так пужно вырезать: верблюд борется с верблюдом, конь борется с конем, осел с ослом, бык с быком, баран с бараном, собака с собакой, птица с птицей, человек с человеком. Таковую резьбу пужно приказать целиком вырезать на табличках искусному мастеру».

Эти-то таблички дальше и использовались при обряде заклинания дождя. Таблички из сандалового дерева не дошли до нас. Но изображения

на бронзовых пряжках точно соответствуют описанным, причем весьма существенно, что кроме рассмотренных композиций с борьбой двух коней, есть также серии аналогичных блях с противоборством двух быков или двугорбых верблюдов²⁴. Принципиально важно для выяснения семантики сцены и истоков композиции то, что сюжет борьбы двух верблюдов представлен на бляшках из кургана 8 могильника Пятимары I в Приуралье конца VI — начала V в. до н. э., а также на сакских петроглифах Казахстана. И бык, и верблюд в мифологии древних ираноязычных народов тесно связаны с культом воды. В Авесте фигурируют первоуродный бык Хадаиаш и Гопатшах, который «всегда сидит на берегу реки и совершает возлияния» и культ которого был очень популярен в Средней Азии, в особенности в Согде, само древнее название которого — Гава — связано с быком²⁵. В образе быка с золотыми рогами выступал в одном из перевоплощений и Тиштрия. Двугорбый верблюд в мифологии и фольклоре ираноязычных народов Средней Азии также был связан с водной стихией. В китайской легенде говорится, что на родине двугорбых верблюдов, которую отождествляют то с Ферганой, то с Бактрией, на горе стояла каменная статуя животного и по ней струилась вода²⁶.

Эти факты позволяют высказать предположение, что первоначально в магических обрядах вызывания дождя, совершавшихся жрецами в Средней Азии и Казахстане, использовались изображения двух борющихся коней, иллюстрирующие древний миф о борьбе Тиштрии за освобождение вод. Позднее с той же целью по аналогии стали делать изображения и других животных, связанных с водной стихией, — двугорбого верблюда и быка.

В настоящее время установлено, что навыки скотоводства, а также домашние конь, двугорбый верблюд и бык были заимствованы у ираноязычного населения евразийских степей соседними народами — урало-алтайцами и тюрко-монголами. Вместе с самими животными были восприняты и их названия²⁷, и весь цикл религиозно-мифологических представлений и обрядовых действий, в частности индоиранский образ коня — активного сподвижника героя, участвующего в единоборстве. Эти представления о коне как активном персонаже восходят у арийских народов еще к индоиранской эпохе и отражены и в Авесте, и в ведической литературе²⁸. От иранцев культ коня перешел к угро-финнам и урало-алтайцам²⁹, так что конечный вывод М. П. Грязнова остается в силе, хотя истоки и культа коня, и сюжета борьбы двух коней, так же как и прототипы изображений сцены поединка двух животных, следует, видимо, искать в Средней Азии и Казахстане.

После того как обряд вызывания дождя и сопровождающие его атрибуты — изображения пар противоборствующих животных, стали под влиянием ираноязычных народов популярны в глубинных районах Азии, там, в частности в Ордосе, было освоено производство предметов со сценной борьбы, и в репертуаре художников появились животные местных пород — яки, куланы. Семантика же сцены борьбы двух животных, судя по согдийскому тексту из Дуихуана, вплоть до средневековья оставалась неизменной — связанной с культом воды, а сами магические изображения, видимо, использовались при камлании с целью вызывания дождя.

¹ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. — МИА, № 9, 1949, с. 158, 159, табл. XXI, 13, 17.

² Талько-Гринцевич Ю. Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. — Труды Троицко-Савско-Кяхтинского отделения РГО, т. III, вып. 2-3, 1902, табл. III.

³ Грязнов М. П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири. — АСГЭ, 3, 1961, с. 15—17, рис. 4.

⁴ Артамонов М. И. Сокровища саков. М., 1973, с. 112, 113, рис. 152.

⁵ Дзюлет М. А. Поиски пряжки Западной Сибири [доклад на секторе неолита и бронзы ИА АН СССР в июне 1976 г.]. Приношу глубокую благодарность

М. А. Дзюлет за разрешение ознакомиться с неопубликованной рукописью и за консультацию о хронологии пряжек.

⁶ Пащенко Н. В. Косогольский клад. — АО 1966 г. М., 1967, с. 163—165.

⁷ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири (МИА), табл. XXI, 15; Грязнов М. П. Древнейшие памятники..., рис. 4; Артамонов М. И. Сокровища саков, с. 163, 164, рис. 205; Rostovtzev M. The Animal Style in South Russia and China. Princeton, 1929, pl. XXVI, 3; Salmony A. Sino-Siberian Art in the Collection of C. T. Loo. Paris, 1933, pl. XXV, 6; XXVII, 1; Andersson J. Hunting Magic in the Animal Style. — ВМЕФА, № 4, 1932, pl. XXXI, 1; Samolin W., Drew I. Eurasian Animal Style Plaques, I. — Monumenta Serica, v. XXIV, 1965, pl. VI, B, C; XI, A; XVII, D.

⁸ Грязнов М. П. Древнейшие памятники..., с. 13—15.

⁹ Там же, с. 31.

¹⁰ Артамонов М. И. Сокровища саков, с. 152.

¹¹ Отрывки из Авесты. Перев. Е. Э. Бертельса. — Восток, 1924, № 4.

¹² Брагинский И. С. Из истории таджикской народной поэзии. М., 1956, с. 97, 98. То же представление о космическом характере древа жизни с двумя птицами на нем было и в древней Индии (Viennot O. Le culte de l'arbre dans l'Inde ancienne. Paris, 1954, p. 26).

¹³ Перевод В. В. Струве.

¹⁴ Гафуров Б. Г. Таджики. М., 1972, с. 288.

¹⁵ Лившиц В. А. Зороастрийский календарь. — В кн.: Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975, с. 325—327, 330—331; он же. Хорезмийский календарь и зры древнего Хорезма. — Палестинский сборник, 21 (84), 1970, с. 161—169.

¹⁶ Бируни А. О празднествах в месяцах персов. — В кн.: Бируни А. Избранные произведения, т. I. Ташкент, 1957, с. 231, 232.

¹⁷ Кисляков Н. А. Некоторые иранские поверья и праздники в описаниях западноевропейских путешественников XVII в. — В кн.: Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии. М., 1973, с. 184.

¹⁸ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1951, с. 310, 311.

¹⁹ Богомолова К. А. Следы древнего культа воды у таджиков. — Известия АН ТаджССР, отделение общественных наук, 1952, № 2, с. 117, 118; Рахимов М. Р. Следы древних верований в земледельческих обычаях и обрядах таджиков Каратегина и Дарваза. — Известия АН ТаджССР, отделение общественных наук, 1956, № 10-11, с. 78, 79; Таджики Каратегина и Дарваза, вып. I. Душанбе, 1966, с. 125, 126; Муродов О. Отражение культа природы в фольклоре таджиков. — В кн.: Тезисы докладов на сессии этнографических и антропологических исследований. Душанбе, 1976, с. 232.

²⁰ Гаглоева З. Д. О пережитках аграрного культа в Джавском р-не Юго-Осетинской АО. — В кн.: Вопросы этнографии Кавказа. Доклады на сессии 1949 г. Тбилиси, 1952, с. 320, 321; Калоев Б. А. Осетины. М., 1971, с. 243, 244.

²¹ Лившиц В. А. Согдийские надписи из Семпречья. М., 1978. Приношу благодарности В. А. Лившицу за разрешение ознакомиться с неопубликованной работой. В ведической Индии также использовались амулеты из священного дерева при совершении различных магических обрядов, в том числе при возлияниях. См.: Viennot O. Le culte de l'arbre..., p. 62—65; Henry V. La magie dans l'Inde ancienne. Paris, 1904.

²² Объединение в одной рукописи текста волхования и гимна Вайю, возможно, не случайно. С. Викадер показал, что культ Вайю восходит к древнейшей эпохе индоиранских контактов и в нем сохранены очень архаичные черты культа стихий (в том числе водной) и большую роль играют магические обряды. См.: Vikander S. Vayu. Uppsala—Leipzig, 1941. По мнению В. И. Абаева, культ бога ветра Вайю был широко распространен у сако-скифов. См.: Абаев В. И. Дохристианская религия алан. — В кн.: Доклады на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960, с. 5—7; он же. Культ семи богов у скифов. — В кн.: Древний мир. М., 1962; он же. Скифо-европейские изоглосы. М., 1965, с. 111—115. Интересно, что сандаловое дерево в монгольском эпосе считается деревом жизни.

²³ Интересно, что сандаловое дерево в монгольском эпосе считается деревом жизни. См.: Грязнов М. П. Древнейшие памятники..., с. 14.

²⁴ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири (МИА), с. 158, табл. XXI, 14, 16; Артамонов М. И. Сокровища саков, рис. 153, 207, 212; Пащенко Н. В. Косогольский клад, рис. на с. 164; Rostovtzev M. The Animal Style..., pl. XXVIII, 4, 5; скифский клад, рис. на с. 164; Salmony A. Sino-Siberian Art..., pl. XXVI, 3; XXVIII, 1—3. Имеются также изображения противоборства двух людей (Грязнов М. П. Древнейшие памятники..., а в Ордосе — и борьбы двух птиц (Salmony A. Sino-Siberian Art..., pl. XXIV, 7; Samolin W., Drew I. Eurasian Animal Style Plaques, pl. VIII, B; Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 50, 238, рис. 80, 13; Кадырбаев М. К., Марьяшев А. И. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата, 1977, с. 213, рис. 53, 108).

²⁵ Тревер К. В. Гопатшах — пастух — царь. — Труды Отдела Востока Эрмитажа, II, 1940, с. 71—85; Bailey H. Iranian Studies. — BSOAS, v. VI, pt. 4, 1932, p. 950—952;

- Christensen A. Le premier homme et le premier roi dans l'histoire légendaire des Iraniens. Uppsala, 1918.
- ²⁶ Кузьмина Е. Е. Древнейшая фигурка верблюда из Оренбургской обл. и проблема доместикации бактрианов. — СА, 1963, № 2, с. 43; Schafer E. The Camel in China down to the Mongol Dynasty. — Sinologica, v. II, 4; 1950, p. 269.
- ²⁷ Кузьмина Е. Е. Древнейшая фигурка верблюда... с. 31; она же. Распространение кошеводства и культура коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света. — В кн.: Средняя Азия в древности и в средневековье. М., 1977; Боголюбовский С. И. Происхождение верблюдов. Алма-Ата, 1929, с. 38; Рамsted Г. Введение в алтайское языкознание. М., 1957; Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. — В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961; Новикова К. А. Общеалтайские корневые морфемы в тунгусо-манчжурских наименованиях домашних животных. — В кн.: Проблемы общности алтайских языков. Л., 1969.
- ²⁸ Кузьмина Е. Е. Распространение кошеводства...; Иванов В. В., Топоров В. И. Индо-европейский миф о божестве грома, преследующем змею. — В кн.: Mélanges G. Levi-Straus. Paris, 1969.
- ²⁹ Плесовский Ф. В. Конь как активный персонаж волшебной сказки и эпоса. — В кн.: Вопросы финноугроведения, V. Йошкар-ола, 1970.

В. И. РАСПОПОВА

О РАБОТЕ СЕКТОРА СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА В 1975—1976 ГГ.

В 1975—1976 гг. сотрудники сектора занимались разработкой четырех основных тем: культура ранних кочевников степного пояса азиатской части СССР, раннефеодальный город Средней Азии и Кавказа, культура и общественный строй оседлоземледельческих племен Средней Азии и Кавказа и культура степей Евразии в эпоху бронзы.

Полевые работы, в которых участвовали сотрудники сектора, связаны с разработкой перечисленных выше тем. В 1975 и 1976 гг. сектором проведены следующие экспедиции: Красноярская (начальник М. П. Грязнов), в составе которой работали Курганский (М. П. Грязнов) и Минусинский (Э. Б. Вадецкая) отряды; Бейская (М. Н. Пшеницына); Саяно-Тувинская (С. Н. Астахов), в составе которой работали I (А. Я. Щетенко) и II (А. М. Мандельштам) отряды; Западно-Сибирская (Г. А. Максименков); Каракумская (В. М. Массон); Сумбарская (И. Н. Хлопин); Каахкинская (А. Я. Щетенко); Пенджикентская (А. М. Беленицкий); Волго-Донская (В. П. Шилов); Бактрийская (В. М. Массон); Ферганский отряд (Ю. А. Заднепровский).

В. М. Массон, А. М. Беленицкий и Ю. А. Заднепровский принимают участие в подготовке к изданию «Истории Средней Азии и Казахстана». В. М. Массон, В. П. Шилов и Г. А. Максименков готовят соответствующие разделы «Археологии СССР».

М. П. Грязнов закончил исследование «Раскопки царского кургана Аржан. Вопросы культурно-исторической интерпретации», в котором он пришел к выводу, что скифо-сибирскую культуру надо рассматривать как единый процесс во всем поясе евразийских степей. Формирование ее относится к VIII—VII вв. до н. э., а не к VII в., как это считали раньше. М. Н. Пшеницына представила работу «Культура племен Среднего Енисея во II—I вв. до н. э. (тезинский этап)». Работа посвящена выяснению реальной картины смены двух хронологически следовавших друг за другом культур — тагарской и таштыкской. Дана полная сводка сведений о среднеенисейских памятниках II—I вв. до н. э., главным образом новых; еще не освещенных в печати. Это исследование в 1975 г. успешно защищено М. Н. Пшеницыной в качестве кандидатской диссертации.

К. Х. Кушнарера закончила работу «Хозяйство и общество закавказ-

ских племен в эпоху энеолита и бронзы», в которой делается попытка реконструкции основных отраслей хозяйства южнокавказских племен с V по II тысячелетие до н. э. Рассматриваются также вопросы социальной структуры древнего общества Кавказа.

В. С. Бочкарев завершил работу «Металлические изделия Северного Причерноморья эпохи поздней бронзы». Работа представляет собой свод археологических источников (единичные находки, клады, находки из погребений и т. д.) по истории металлообрабатывающего производства Северного Причерноморья периода поздней бронзы. Проведен подробный источниковедческий анализ материала (условия находки, потенциальные и реальные возможности источников), составлены полный каталог находок и карта.

Р. М. Джанполадян представила законченную работу «Социально-экономическая структура городов Армении V—XIII вв.», в которой воссоздается картина средневекового города Армении. Исследование основывается на трех видах источников: археологических, архитектурных и эпиграфических; обобщены материалы из раскопок Ани.

М. Д. Хлобыстина закончила работу «Погребальный обряд андроновских племен Южного Зауралья и Казахстана», в которой изучение андроновских могильников Зауралья и Казахстана рассматривается в палеосоциологическом аспекте. Исследованы вопросы происхождения парных разнополых погребений в связи с их древнейшими аналогами, а также проблема соответствия керамических комплексов и комплексов по обряду сожжения. Выделены «биритуальные» памятники.

И. Б. Бентович завершила работу над темой «Изображение растений в росписях древнего Пенджикента». В основу исследования положены росписи Пенджикента, Варахши, Афраснаба, а также серебряные сосуды.

А. Н. Мелентьев представил монографию «Неолит Северного Прикаспия». Рассмотрены вопросы происхождения сероглазовской культуры периода мезолита — неолита, генезиса индустриальной традиции и особенностей ее развития в эпоху позднего плейстоцена — раннего голоцена. Один из разделов посвящен вопросам корреляции археологических фактов с геохронологией Каспия.

В 1975 г. было проведено 33 заседания сектора Средней Азии и Кавказа, а в 1976 г. — 38, где помимо перечисленных выше законченных плановых работ были поставлены доклады по текущим плановым темам, а также по результатам полевых исследований. Заслушивались доклады сотрудников из других научных учреждений, обсуждались работы, представленные в качестве докторских и кандидатских диссертаций. В 1975 г. рекомендованы к защите докторская диссертация Г. А. Максименкова «Окуневская культура», кандидатские диссертации Г. Е. Арешкина «Железо в древней Западной Азии», упомянутая выше работа М. Н. Пшеницыной, Ш. Р. Пидева «Поселения кушанского времени Северного Прикаспия», М. В. Цоцелия «Восточная Грузия в III—VII вв. и ее связь с державой Сасанидов по материалам памятников материальной культуры» и Е. В. Шнайштейн «Археологические памятники поздних кочевников Нижнего Поволжья IX—XV вв. как источник по проблеме этногенеза астраханских татар».

В 1976 г. рекомендованы к защите докторская диссертация А. А. Аскарова (Институт археологии АН УзССР) «Бронзовый век Южного Узбекистана (к проблеме возникновения локальных очагов древневосточных цивилизаций)» и кандидатская диссертация В. А. Алекшина «Социальный строй раннеземледельческих обществ по погребальным памятникам культур Ближнего Востока и Средней Азии».

В 1975—1976 гг. вышли из печати книги сотрудников сектора А. М. Мандельштама «Кочевники кушанского времени в Северной Бактрии», В. П. Шилова «Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья», В. М. Массона «Экономика и социальный строй древних об-

ществ (в свете данных археологии)», а также коллективный сборник «Первобытная археология Сибири».

В ноябре 1975 г. сектор совместно с Научным советом по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана провел Всесоюзное совещание по теме «Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана»¹. На этом совещании выступили с докладами и сотрудники сектора.

В октябре 1976 г. сектором совместно с методологическим семинаром Ленинградского отделения Института археологии проведено Всесоюзное совещание по теме «Типология и социальная структура древнего и средневекового города», на котором, в частности, выступили с докладами В. М. Массон и В. И. Распопова².

Сотрудники сектора принимали участие в работе пленума, состоявшегося в Киеве в апреле 1975 г., а также в работе различных научных конференций и симпозиумов, связанных с проблематикой работы сектора.

В 1975 г. в Томске состоялось археологическое совещание на тему «Экономика и социальная структура древнего населения Западной Сибири». Э. Б. Вадецкая прочитала доклад «Отражение общественных отношений и социальной дифференциации в погребальных памятниках афанасьевской культуры», а Г. А. Максименков — «Своеобразные окуневские погребения».

А. М. Мандельштам участвовал в работе совещания «Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий», состоявшегося в Новосибирске в 1975 г., где выступил с докладом «К гуннской проблеме».

Э. С. Шарафутдинова, А. Н. Мелентьев, М. Д. Хлобыстина участвовали в конференции в Куйбышеве (февраль 1976 г.), посвященной проблемам археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век).

В апреле 1976 г. в Ростове-на-Дону на конференции, посвященной итогам археологических исследований на Нижнем Дону за последние пять лет, Э. С. Шарафутдинова сделала доклад «О погребениях первого этапа срубной культуры Нижнего Дона».

А. Н. Мелентьев на симпозиуме «Хронологические границы неолита СССР и методы их установления», состоявшемся в декабре 1975 г. в Ленинградском отделении Института археологии, прочел доклад на тему «О хронологии раннего неолита Северного Прикаспия», а А. Я. Щетенко — «Хронология неолита Индостана».

На Всесоюзной конференции в Ашхабаде осенью 1976 г., посвященной вопросам освоения пустыни, В. М. Массон сделал доклад «Человек и пустыня».

А. Я. Щетенко принял участие в работе II Всесоюзного совещания пидологов, где выступил с докладом «Становление харапской цивилизации».

Ю. А. Заднепровский участвовал в работе IV Ошской областной конференции по охране памятников в 1976 г. и в работе Всесоюзной тюркологической конференции в 1975 г., где выступил с докладом «А. Н. Бернштам как историк тюркских народов».

В апреле 1976 г. в Москве прошли «Бартольдские чтения», где с докладами выступили сотрудники сектора А. М. Беленицкий, Р. М. Джанполадян, В. И. Распопова³.

На конференции, посвященной вопросам хронологии раннего средневековья Евразии, состоявшейся весной 1976 г. в Эрмитаже, Ю. А. Заднепровский прочел доклад «Могилиник Уч-ат», а В. И. Распопова — «Основание для датировки металлических изделий из Пенджикента».

В 1975 г. успешно закончил аспирантуру В. А. Алексин и был зачислен в сектор в качестве младшего научного сотрудника.

В 1975 г. в сектор в качестве стажера-исследователя принят Н. А. Боковенко, который под руководством М. П. Грязнова изучает памятники начального этапа ранних кочевников в азиатских степях (VIII—VII вв.

до н. э.). Доклад Н. А. Боковенко «К вопросу о скифских котлах» отмечен первой премией на конференции молодых ученых Украины в Киеве в 1976 г.

Аспирантуру при секторе проходит Л. Б. Кирчо (руководитель В. М. Массон), которая работает над темой «Культура ранней бронзы Южной Туркмении (вопросы происхождения)».

Сектор подготавливает научные кадры для других учреждений. Под руководством А. М. Беленицкого проходят обучение в аспирантуре М. Исамеддинов (Институт археологии АН УзССР), Д. Абдуллаев (Институт истории им. А. Дониша АН ТаджССР), Б. Э. Аманбаева (Институт истории АН КиргССР), под руководством В. П. Шилова — И. П. Лисицын (Волгоградский педагогический институт) и заочно В. А. Дергачев (Институт истории АН МолдССР) и Ю. Ю. Пиотровский (Эрмитаж).

В 1975 г. Г. А. Максименков защитил докторскую диссертацию на тему «Окуневская культура».

В 1975 г. В. П. Шилов находился в научной командировке в Румынии, где он работал над материалами, связанными с памятниками сарматов.

В 1976 г. Р. М. Джанполадян была в научной поездке в Иране, где она ознакомилась с археологическими материалами в музеях Тегерана и Исфагана. Р. М. Джанполадян в сентябре 1976 г. принимала участие в работе XV Международного конгресса византистов (Афины), где выступила с докладом «Новые находки византийского стекла в Советском Союзе».

В 1976 г. сектор понес тяжелую утрату — 8 октября скончался один из старейших сотрудников доктор исторических наук С. С. Черников.

¹ Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Краткие тезисы докладов на конференции. Л., 1975 (см. также статьи в настоящем выпуске КСИА).

² Типология и социальная структура древнего и средневекового города. Тезисы докладов. Л., 1976.

³ Бартольдские чтения. 1976. Год третий. Тезисы докладов и сообщений. М., 1976.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИИАЭ АН КазССР	— Институт истории, археологии и этнографии АН КазССР
ИЛАН	— Известия лаборатории археологических исследований
КАЭ	— Киргизская археологическая экспедиция
МИС	— Материалы по истории Сибири
САЭ	— Семипалатинская археологическая экспедиция
ТНИИЯЛИ	— Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
BEFEO	— Bulletin de l'Ecole Française d'extrême-orient. Paris
BMFEA	— Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities
BSOAS	— Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London
ESA	— Eurasia Septentrionalis antiqua
ILN	— Illustrated London News
JNES	— Journal of the Near Eastern Studies. Chicago
JRAS	— Journal of the Royal Asiatic Society
JSFOU	— Journal de la Société Finno-ougrienne
SPA	— A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present. London—N. Y.

СОДЕРЖАНИЕ

✓ В. М. Массон, В. А. Алексин, Н. А. Боковенко. Всесоюзное совещание «Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана»	3
М. П. Грязнов. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан	9
✓ А. М. Мандельштам. К восточным аспектам истории ранних кочевников Средней Азии и Казахстана	19
Л. Р. Кызласов. К изучению оленных камней и менгиров	25
✓ А. М. Беленицкий. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье	31
✓ А. К. Акишев. Идеология саков Семиречья	39
Д. Г. Савинов. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая	48
А. В. Давыдова. К вопросу о роли оседлых поселений в кочевом обществе сюнну	55
✓ А. К. Абеткоев. О погребении собаки в усуньском кургане в Чуйской долине	59
М. К. Кадырбаев, Ж. К. Курманкулов. Погребение жрицы, обнаруженное в Актюбинской области	65
Х. Ю. Юсупов. Новый памятник древних кочевников на Узбое	70
Г. А. Кушасев. Новые памятники железного века Западного Казахстана	76
В. П. Язобин. Сарматский курган на Устюрте	83
И. П. Негматов, А. К. Мирбабаев. Раскопки Куркатских склепов	89
✓ Е. Д. Салтовская. О погребениях ранних скотоводов в Северо-Западной Ферганае	95
Б. П. Нурмузабегов. Могильник Мардан	99
Е. Е. Кузьмина. Сюжет противоборства двух животных в искусстве азиатских степей	103
✓ В. И. Распопова. О работе сектора Средней Азии и Кавказа в 1975—1976 гг.	108
Список сокращений	111